65 8/229

65 8/229 Из книг Н. Борисова

Р. С. Ф. С. Р. Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ВСЕРОССИЙСКИЙ ЦЕНТРАЛЬНЫЙ СОВЕТ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ВСЕПРОФСОЮЗА СОВРАБОТНИКОВ.

Д. АНТОШКИН.

2-6

ОЧЕРК ДВИЖЕНИЯ СЛУЖАЩИХ В РОССИИ

(СО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX-го ВЕКА).

1001/3

БИБЛИОТЕКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ.

Серия Историческая № 1-й.

МОСКВА.—СЕНТЯБРЬ.—1921 г.

65 8
229

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ВСЕРОССИЙСКИЙ ЦЕНТРАЛЬНЫЙ СОВЕТ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ВСЕПРОФСОЮЗА СОВРАБОТНИКОВ.

Д. АНТОШКИН.

ОЧЕРК
ДВИЖЕНИЯ СЛУЖАЩИХ В РОССИИ

(СО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX-го ВЕКА).

1001 3

БИБЛИОТЕКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ.

Серия Историческая № 1-й.

МОСКВА —1921 г.

Государств. публичная
историческая
библиотека РСФСР
1343464

Гиз. № 1399д. Р. В. Ц. (Москва). Тираж 20.000 экз.

4-я типография М. С. Н. Х. Воздвиженка, Вагаиьковский пер., 5.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Предлагаемый очерк не претендует на название истории движения российских служащих, ибо для составления такой истории требовалось бы собрать и изучить огромный материал, разбросанный по всей России и в значительной части никем не хранимый и неизвестно где находящийся, наиболее же интересные материалы периода после 1905 года в большей своей части погибли. Для собирания и изучения сохранившегося материала требуется много времени и сил, а то и другое в настоящий момент ограничены для такого рода работы. Но, думается, что не бесполезно зафиксировать в отдельном очерке факты из истории движения служащих, которые сравнительно легко поддаются этому. В настоящем очерке мы и пытаемся выполнить эту задачу. В очерке главное место отводится почти исключительно движению торговых служащих — как потому, что это была наиболее значительная группа служащих, так и потому, что остальные группы служащих или совсем не участвовали в движении, или занимали в нем весьма незначительное место.

I.

До революции 1905—6 годов профессионального движения служащих в собственном смысле этого слова, как и вообще профессионального движения в России,— не было. Служащие ни в какой степени не захватывались начинавшимся рабочим движением XIX века, хотя начало и распространение их организаций по времени совпадает с началом рабочего движения, но они возникали под действием других причин и по характеру были весьма далеки от рабочего движения. Революционные вспышки и забастовочное движение рабочих еще не могли пробить брешь в «царстве тьмы и эксплоатации», в удушливой атмосфере которого находились служащие, их психология и бытовые привычки еще мало отличались от психологии и быта их нанимателей, и отличия эти были количественные, а не качественные. Правда, по мере развития капитализма в России и «европеизации» крупного торгового капитала, быт служащих претерпевал сильные изменения, и к началу XX века от патриархальных отношений между хозяевами и служащими осталась одна лишь оболочка, но психология их изменялась медленнее, и резкий перелом в этом отношении заметен только во время первой революции 1905—6 годов, когда служащие в массе порвали с традиционными поклонами и унизительными просьбами, вступив на путь требований — робких, нерешительных, не всегда подкрепленных соответствующими выступлениями с целью отстоять свои требования, но все же это было поворотным пунктом, разрывом с традициями прошлого.

Общества взаимопомощи.

Время возникновения и характер деятельности.

Первые организации торговых служащих, общества взаимопомощи, начали организовываться в конце 50-х и начале 60-х годов прошлого столетия. Нельзя сказать с уверенностью, что они возникли по примеру и под влиянием аналогичных организаций ремесленников и типографских рабочих, начало существования которых относится к началу XIX в., а немногих — на окраинах — XVI и XVIII в.в. и сравнительно широко распространившихся во второй половине XIX в. Во всяком случае, когда в Москве в 1863 г. возникла мысль организовать общество купеческих приказчиков, то у инициаторов при разработке устава в качестве материала был в руках только один устав Рижского общества взаимопомощи приказчиков, возникшего в 1859 г. Это говорит о полном отсутствии не только связи первых

организаторов обществ взаимопомощи служащих с такими же обществами ремесленников, но и о незнакомстве с ними.

Непряхин ставит возникновение обществ взаимопомощи в зависимость от общественного настроения 60-х годов, «так или иначе отразившегося и на торговых служащих». Известная доля истины в таком мнении, конечно, есть. Но если даже эпоха 60-х годов и отразилась как-нибудь на служащих, то отражение это выразилось, конечно, не в организации обществ взаимопомощи, совершенно ненужных массе торговых служащих, как это доказала больше чем полувековая деятельность обществ. Падение крепостного права имело большое влияние на дальнейшее развитие торговли, на прилив новых предпринимателей в эту область экономической жизни, а также и прилив новых элементов в среду самих служащих в лице крестьянских детей. И Непряхин не утверждает, что общества возникали по почину рядовых служащих. «Не общественные деятели, не люди широкого почина и широких планов положили основания обществам... в большинстве случаев инициатива организации исходила от купечества и *состоятельных верхов* торговых служащих, составлявших администрацию торговых предприятий... организация шла во имя мелких целей благотворительного характера. Русское купечество, соединяя в себе самодурство с богомольностью, так привыкло выступать в роли «благодетелей» и «радетелей», что эта черточка купеческой натуры привилась и верхам торговых служащих». Отсюда, нам кажется, пошло не только возникновение обществ, но в значительной степени и дальнейшее их распространение.

После Риги общества возникли в столицах, южных и западных торговых центрах, затем волна перекинулась в 80-х годах на Поволжье, а в 90-х годах захватила Кавказ и Сибирь. Несомненно, чем ближе к XX столетию, тем чаще первоначальной, отмеченной нами, причине возникновения обществ сопутствовала новая причина, если можно так выразиться,— органического характера, скрытая в назревшей потребности какой-нибудь организации, могущей оформить смутно бродившее среди служащих стремление улучшить свое положение, найти тот или иной выход из него.

Функции обществ взаимопомощи до революции 1905 г. ограничивались благотворительными целями — выдачей мелких пособий на случай болезни, смерти, безработицы и пр., устройством лечебной помощи, богаделен; почти во всех обществах взаимопомощи устраивались клубы, библиотеки, а в некоторых школы для детей членов и вечерние курсы для взрослых. Членские взносы для такого рода пособий не могли составить хоть сколько-нибудь достаточные суммы, так как и самые крупные общества насчитывали ничтожное количество членов, в среднем от 100 до 200 на каждое общество к концу века, а при возникновении обществ члены исчислялись десятками. Главным источником доходов общества были взносы членов соревнователей и почетных, вербовавшихся из среды купцов, их доверенных и др. высших служащих; в некоторых обществах доверенные и купцы являлись действительными членами; часто они же были инициаторами организации обществ и руководителями их. По этой причине обще-

ства торговых служащих до самой революции 1905 г., а местами и после, сохранили характер исключительно благотворительных учреждений. Тяжелые лапы почетных членов и соревнователей, облегчая своими денежными и имущественными взносами и пожертвованиями благотворительную деятельность обществ, не давали им возможности уклониться в сторону выявления профессиональных интересов и нужд. Общества взаимопомощи не ставили себе задачей борьбу за повышение заработка и улучшение условий труда; некоторые из них вели кампании за установление праздничного отдыха и сокращение рабочего дня в форме верноподданнических ходатайств и ходатайств перед местными властями, но обычно эти ходатайства оставались безрезультатными. Ничем иным и лучшие общества до революции 1905 г. не проявляли себя во вне. И было бы неправильно в данном случае ссылаться исключительно на политические условия; они имели свою большую долю влияния на характер деятельности обществ взаимопомощи, но тут эти политические условия играли служебную роль для соревнователей и почетных членов и большинства руководителей обществ, не имевших намерений раздвигать деятельность обществ за рамки благотворительности и ходатайств (обычно тогда, когда и купцы из более развитых не возражали против воскресного отдыха, а иногда прямо поддерживали такого рода ходатайства). Кроме того, как видно будет ниже, ходатайства обычно возникали под влиянием и давлением торговых служащих, стоявших вне обществ. Эти обстоятельства, конечно, не могли способствовать росту обществ. Они замыкались в тесном кругу небольшого количества служащих, часто навербованных соревнователями и почетными членами из служащих своих магазинов, большей частью приказчиков первого класса; в нормальном уставе обществ, внесенном на обсуждение 2-го с'езда в 1898 г., прямо говорится, что лица, состоящие на степени рабочего, не могут быть членами обществ; фактически таких лиц до XX в. мы не встретим в обществах. Время борьбы за свои классовые интересы еще не пришло; сознание торговых служащих, в массе забитых и невежественных, еще не оформилось в коллективное классовое сознание, оно еще путалось в паутине непонимания противоположности интересов служащих и хозяев, непонимания, воспитанного условиями тогдашней торговой жизни, разобщенностью между товарищами по профессии и не редкой возможностью «выйти в люди»—тем или иным путем открыть свою лавочку, а на худой конец сделаться старшим или доверенным.

Такова была психология массы торговых служащих, и она очень медленно изменялась в сторону сознания противоположности классовых интересов, ее с трудом приходилось преодолевать еще в самые последние годы перед ликвидацией торговли, ибо последняя очень медленно развивалась по пути концентрации в большие, так называемые, универсальные магазины, требовавшие для своей организации больших капиталов, разрушавших в головах служащих мечты о возможности открыть «свое дело», а в сотни и тысячи человек штаты в этих магазинах, с одной стороны, показывали каждому служащему, что их очень много, а «в люди могут

выйти» лишь немногие счастливцы, да и то с небольшой долей вероятности, с другой—давало служащим возможность найти грань между своими интересами и интересами хозяев, далеко стоящих теперь от них и по своим привычкам, и по своему воспитанию, а разрыв сходства или одинаковости бытовых условий толкал мысль служащего на осознание социально-экономических различий, облегчая такое осознание. Приблизительно таково же влияние, правда, в меньшей степени, оказывало сосредоточение торговли в крупных постоянных рынках и вообще ее качественное и количественное развитие. В 1905 г. и позже служащие крупных фирм и рынков выдвигают лучших работников для профессионального и политического движения. Пока же за них выступают их хозяева и их приспешники, служащие молчат и терпеливо несут каторжную лямку не помышляя о протесте и борьбе с эксплуатацией. Поэтому и неудивительно, что общества взаимопомощи долгий ряд лет находятся в руках хозяев и их доверенных и не привлекают к себе массы служащих, о чем говорят следующие цифры: Вспомогательное общество купеческих приказчиков в Москве, открывшееся в 1863 г., к концу 1864 г. насчитывало 184 члена, из года в год количество членов росло и ко времени первого с'езда обществ взаимопомощи в 1896 г. дошло до 2726, в 1906 г. поднялось до 3665, а к 1912 г. упало до 2966 чл. К тому же 1896 г. петербургское общество взаимопомощи насчитывало 659 членов, казанское 562, нижегородское 513, одесское 400, в 1913 году петербургское общество имело до 900 членов. На первом с'езде обществ количество их принималось равным 50, число членов в среднем по 100 в каждом, а на втором с'езде в 1898 г. обществ считалось 100 с количеством членов в каждом в среднем 200, т.-е. —20.000 членов по всей России, тогда как по всеобщей переписи 1897 г. в торговой промышленности занято было более 1½ миллионов человек, из них 1.331.581 мужчин и 299.408 женщин; таким образом, количество членов обществ по отношению к общему количеству организованных составляло не многим более одного процента. Рост количества членов обществ до 1905 г. был в общем ничтожен. Так, Томское общество в 1892 г. имело 151 членов, в 1893 г.—140, в 1900—224. В Саратовском обществе в 1880 г. насчитывалось 180 членов, в 1900—220. В Пензенском обществе в 1892 г. состояло 130 членов, а в 1895—106, в 1900—182. В Астраханском в 1886 г.—447 членов, в 1890—285, в 1900—259. Приведенные цифры показывают, что количество членов колебалось, при этом иногда замечался не рост, а уменьшение. Томское общество в 10-тилетнем отчете (1892—1902) дает об'яснение этому явлению: «мелкие приказчики, служащие мелких фирм, лавочек, скудно обеспеченные материально и обремененные многочисленным семейством, вступают в общество неохотно». Это об'ясняется высоким членским взносом, который, по тогдашней ценности денег, был действительно высок во всех обществах и уплата его была не под силу большинству служащих ниже 1-го класса приказчика. Вторую причину незначительности роста обществ томский отчет находит в том, что «общество еще недостаточно развило свою деятельность и относительно

немного дает выгод своим членам». Состав обществ давал определенную благотворительную окраску деятельности их, мало привлекавшую к себе служащих и не вызывавшую в них доверия.

В Петербурге в 1913 г. считалось всех служащих более 150.000. 3 общества взаимопомощи об'единяли около 1500 действительных членов, или один процент. Интересно соотношение действительных и почетных членов. По данным Грачева в 32 обществах взаимопомощи в 1895 г. было 8802 действительных члена (в подсчет входят все крупные перечисленные выше общества), а почетных и соревнователей 1131, или около 13%.

Приведем данные для отдельных обществ, заимствованные у Непрядхина. При основании рижского общества было 46 учредителей хозяев и 168 приказчиков, единовременные взносы приказчиков равнялись 35 руб. с человека, хозяев — около 100 руб. Витебское общество в своем отчете за 1886 — 1911 г. констатирует, что мысль о создании учреждения для оказания помощи служащим зародилась в кругу обеспеченных служащих и интеллигентных хозяев. По отчету томского общества (1892—1902) видно, что около 38% членов его занимают должности управляющих, доверенных и бухгалтеров. В Саратовском обществе к 1-му января 1880 г. среди членов почти половина относилась к хозяевам, агентам, комиссионерам, доверенным, бухгалтерам. Среди почетных членов астраханского общества было три губернатора; в самарском обществе — митрополит Владимир и Иоанн Кронштадский. Московское общество имело в качестве членов соревнователей около 50 торговых домов и торгово-промышленных товариществ и много единоличных предпринимателей, как о том свидетельствуют списки, приведенные в 50-тилетнем отчете. Петербургское общество залучило себе в почетные члены Победоносцева. С одной стороны—капиталы, с другой — сильные мира сего. Для благотворительных целей это два основных слагаемых.

Кроме того, многие общества с самого начала проникались духом узкого национализма. Так, например, рижское общество принимало в члены преимущественно русских, и других национальностей — только православных (по уставу 908 г.).

Николаевское общество (Херсонской губ.) называлось «общество приказчиков-христиан». Ярославское общество не принимало в члены евреев. В Одессе было организовано «общество приказчиков-евреев». Исключение во всех отношениях составляет Армавирское общество, организованное рядовыми торговыми служащими в 1900 году для достижения урегулирования рабочего времени и праздничного отдыха, после того, как они потерпели неудачу в своих попытках добиться этого.

По характеру внутренней деятельности общества взаимопомощи до 1905 г. не отличались друг от друга в основных чертах, разница между ними была лишь количественная — одни общества богаче и выдавали поэтому больших размеров пособия и большее количество видов пособий как денежных, так и натуральных, менее богатые выдавали меньшие пособия

и видов их было меньше. Для характеристики можно взять одно из них самое крупное и богатое — московское общество купеческих приказчиков, у которого имеется отчет за время с 1863 по 1913 год. За отчетный период потерявших работу зарегистрировано 3695 служащих членов общества, из них получили работу чрез общество 2776 служащих; потерявшие работу получали пособие по 10 рублей в месяц до поступления на работу, но не более 12-ти месяцев. В течение отчетного периода выдано пособий 2678 действительным членам в сумме 162.346 руб. «по праву» и 1461 действительным членам по решению частного собрания в сумме 63.158 руб. Петербургское общество выдавало безработным по 5 руб. в месяц. Престарелым служащим (инвалидам) пробывшим в обществе (Московском) в качестве членов 25 лет выдавалась пенсия по 120 рублей в год; кроме того при обществе существовал инвалидный дом. На погребение члена выдавалось 60 рублей. Затем следуют пособия семьям умерших членов, невестам при выходе замуж. При обществе имелась школа для детей и касса взаимного вспоможения на случай смерти и библиотека с читальней. В некоторых обществах была организована врачебная помощь, например, в Петербургском — была амбулатория, в Харьковском были врачи, оплачиваемые обществом. Наиболее крупным видом помощи оставалась денежная ее форма, но и та носила жалкий характер по своим размерам и не могла залечить вопиющие нужды торговых служащих. Для характеристики этого вида помощи приведем еще несколько цифр. Пензенское общество в 1894 г. выдало 39 рублей пособий, в 1895—42 руб. 50 коп., в 1896—5 руб. Томское общество с 1894 по 1902 г.г. за 8 лет выдало 2.305 руб., меньше чем 300 рублей в год. Тамбовское общество в первые 15 лет выдало 3.942 руб. Суммы выданных пособий Саратовским обществом составляли в разные годы 65 руб., 120 руб. и 218 руб.

Помощь—денежная и приисканием работы—во время безработицы, врачебная помощь, культурно-просветительная деятельность (школы, библиотеки, курсы)—вот главные области деятельности почти всех наиболее богатых обществ. Почти все общества в губернских городах оставили после себя в наследство нам библиотеки, многие из которых являются или единственными в городе или наиболее организованными и богатыми по подбору книг. В южных городах почти при каждом обществе имелись клубы.

Для характеристики внешней деятельности обществ приведем факты из жизни того же московского общества. В 1882 году общество начинает хлопоты о нормировании рабочего дня и праздничном отдыхе, но хлопоты кончаются ни чем. В 1888 г. Городская Дума утвердила новые правила о праздничной торговле, но они вскоре были отменены. Ниже мы увидим, что начиная с 80-х годов прошлого столетия целый ряд обществ взаимопомощи поднимает вопрос о нормировании рабочего времени и праздничном отдыхе и хлопочут об этом и перед центральной и перед местной властью: городские думы и биржевые комитеты местами встают на сторону служащих в этом вопросе, местами занимают непримиримую позицию, но

в общем ни хлопоты, ни челобитные успеха не имели, пока сами служащие повсеместными забастовками не вырвали из рук хозяев праздничный отдых и сокращение рабочего дня.

Съезды.

Когда, к концу 90-х годов, общества взаимопомощи торговых служащих возникли по всей России—в каждом губернском и в некоторых уездных городах—у руководителей их возникла идея с'ездов для совместного разрешения общих вопросов торгового труда. По данным, приведенным у Прокоповича («К рабочему вопросу», стр. 12), в 1898 г. по всей России (без Польши, Прибалтийского края и Финляндии) функционировало 74 общества приказчиков.

Возникновение их по пятилетиям распределяется следующим образом:

в 1863 — 65 г. г. — 4	в 1886 — 90 г. г. — 11
» 1866 — 70 » » — 4	» 1891 — 95 » » — 22
» 1871 — 75 » » — 2	» 1896 — 99 » » — 14
» 1876 — 80 » » — 4	неизвестно когда — 4
» 1881 — 85 » » — 7	
	Всего — 74.

Из этой таблицы видно, что большая часть обществ возникла после 1885 года, и особенно сильно возросло их количество в 90-х годах—период наибольшего оживления кампании хлопот о нормировании труда торговых служащих; это—период, когда патриархальные отношения между хозяином и служащим в большей части уступили место капиталистическим отношениям, и когда, с другой стороны, усиливавшееся рабочее движение просачивало в головы служащих идеи протеста против эксплуатации; правда, просачивались эти идеи с большим трудом и отливались в своеобразные формы, лишенные действенной силы; служащие еще очень смутно начинали понимать, что надо изменить условия жизни, освободиться из положения рабочего скота, и они еще не знали—как освободиться и не имели для этого нужных сил. Потому-то и с'езды обществ взаимопомощи в 1896 и 1898 годах, ставя в повестку дня вопросы, отражавшие наболевшие нужды служащих, способом разрешения их выявляли безсознательные смутные брожения среди служащих, не оформившиеся для действий, скованные темнотой и предрассудками.

Первый с'езд был созван 26-го августа 1896 г. в Нижнем-Новгороде во время ярмарки по инициативе нижегородского общества взаимопомощи. На с'езде обсуждались следующие вопросы:

1) разработка вопроса об учреждении об'единяющего все организации «общества взаимного страхования жизни», и 2) обсуждение других вопросов имеющих общий интерес по отношению к быту лиц, занятых част-

ным служебным трудом», т.-е. 1) установление воскресного и праздничного отдыха для приказчиков, 2) сокращение торгового дня в будни, 3) организация справочного бюро для приискания занятий, 4) издание профессиональной газеты, 5) урегулирование отношений между служащими и хозяевами, 5) введение расчетных книжек, 7) устройство периодических с'ездов представителей обществ взаимопомощи.

На с'езде было представлено 19 обществ взаимопомощи и, по положению о с'езде, три представителя нижегородского биржевого комитета и три—ярмарочного комитета. Представители обществ взаимопомощи не являлись специально избранными на с'езд, представительство поручалось тем, кто ехал на ярмарку по торговым делам, эти представители являлись доверенными, старшими приказчиками и хозяевами. По самому злободневному вопросу тогдашней приказчичьей жизни—о рабочем времени—с'езд принял постановление, в котором говорится: «просить правительство распространить на служащих свои попечения в той форме, какую оно найдет наиболее удобною. Ходатайствовать, чтоб число часов занятий было ограничено до той нормы, какую правительство найдет возможным». Мы знаем, что правительство долго не находило той нормы, до какой можно было сократить число часов занятий... и служащие работали столько, сколько хотели хозяева.

С одной стороны, на с'езде отмечалось, что некоторые хозяева препятствуют приказчикам вступать в общества взаимопомощи, грозя увольнением за это, а с другой—в заслушанном докладе Пензенского общества говорится о необходимости привлечения в общества владельцев фирм, и наконец мы знаем уже, что хозяева принимали участие в жизни отдельных обществ и были на с'езде. Запрещение вступать в общества диктовалось, очевидно, главным образом мракобесием отдельных Тит Титычей, сумасбродством, но известную долю, конечно, составляло и инстинктивное опасение, что служащие отобьются от рук, чего доброго исчезнет безответное послушание и терпение. Но это опасение у купцов было так же смутно, как было смутно и сознание служащих о противоположности своих интересов интересам хозяев. И думается, что утверждение Прокоповича, вслед за 1-ым с'ездом, что «приказчики ждут избавления от своей кабалы или от распространения фабричного законодательства на торговые заведения, или от развития обществ взаимопомощи и роста социальной силы приказчиков»—неверно, а в устах участников 1-го с'езда эти утверждения—красивая фраза, основанная не на учете настроений торговых служащих, а на либеральной фантазии, ибо субъективно служащие не подошли еще к отчетливому пониманию своих интересов и не задумывались о росте своей социальной силы, ибо, будучи промежуточным слоем между классовыми группировками и смотря на жизнь глазами мещанина, приказчики и не могли почувствовать этой силы. Потребуется много уроков рабочего движения, когда удастся наиболее развитым из них указать на эту силу и заставить их понять ее значение в деле изменения судьбы служащего.

Второй с'езд был созван 1-го июля 1898 г. в Москве. Состав с'езда и характер—те же самые, что и первого. При открытии его были посланы приветствия—министру внутренних дел и в. кн. Сергею Александровичу; с'езд выразил благодарность «нашим уважаемым принципиалам», может статься за то, что московский обер-полициймейстер, на утверждение которого была представлена программа с'езда, выработанная 1-ым с'ездом, вычеркнул из нее 6 вопросов и между ними такие: 1) о праздничном отдыхе, 2) сокращение торгового дня в будни, 3) об устройстве периодических с'ездов представителей обществ взаимопомощи приказчиков, 4) урегулирование отношений между служащими и хозяевами.

Второй с'езд, между прочим, обсуждал вопрос о создании всероссийского союзного банка обществ взаимопомощи с функциями комиссионных операций, транспортирования и страхования грузов. От благотворительности скакнули к финансовому учреждению. Но эта мысль осталась неосуществленной. Для характеристики тенденции руководителей обществ взаимопомощи весьма показательно пожелание, вынесенное с'ездом при обсуждении нормального устава обществ, чтоб в состав обществ взаимопомощи входили все нуждающиеся во вспоможениях, чтоб общества стали «безпрофессиональными учреждениями взаимопомощи всех нуждающихся»: чистота принципа благотворительного учреждения выдержана. И еще раз неправ Прокопович, на-слово поверивший речам 1-го с'езда обществ, когда он цитирует без оговорок ст. Д. Д. из «Нов. Сл.» за III 1897 г.: «вполне понятен взгляд купечества на общества взаимопомощи: это то единение, та сила приказчиков, проявление которой рано или поздно отнимет у хозяев возможность безнаказанного произвола над служащими и бесцеремонного выжимания из них соков, что составляет теперь хозяйскую привилегию. Уже и в настоящее время, когда деятельность обществ взаимопомощи, вследствие недостаточности средств и по разным другим причинам, пока еще весьма незначительна—*хозяевам приходится с ними считаться*» (курсив наш Д. А.).

Для полноты характеристики напомним, что в нормальном уставе, разработанном московским обществом имелся пункт, *запрещающий быть членами обществ лицам, «состоящим на степени рабочего»*... «Беспрофессиональное» и «безрабочее» общество взаимопомощи—вот чего хотели заправилы этих организаций. С такими организациями хозяевам не доводилось считаться...

Оба с'езда имели одну важную заслугу—они подробно очертили мрачный быт и рабские условия труда торговых служащих, их унизительное положение, низводившее их на степень рабочего скота.

Условия труда и быт торговых служащих.

Правительство Николая II-го не удосужилось «распространить на служащих свои попечения» вплоть до забастовок приказчиков в 1905—6 годах.

В русском законодательстве вопрос о приказчиках начинает фиксироваться с первой четверти XVIII столетия. С изданием 2 ч. XI тома 1887 г. все постановления о приказчиках были перенесены в Торговый Устав и вместе с другими постановлениями о приказчиках составили главу «о найме приказчиков». Из 46 узаконений, легших в основу этой главы, 16 (или 35%) относятся к 18 столетию, 10 или 22%)—к первой половине 19-го столетия, причем, из них 17-ть изданы в 60-е годы и только 3 за последние 40 лет, имеющие своим предметом установление более или менее высокого промыслового налога с приказчиков.

До последнего времени в торговом уставе можно было читать не отмененные статьи, например, ст. 13:

«Приказчика, ведущего беспорядочную и развратную жизнь, дозволяется унимать мерами домашней строгости, а если тем не исправится, то хозяин может приносить на него жалобу в суд, где по розыскании подвергается наказанию смотря по степени безпорядка и разврата». Полагаем, что эта древность в комментариях не нуждается. Там же, в примечании к ст. 37, читаем: «Малолетние сидельцы за шалости наказываются розгами при хозяине или их родных в доме». Согласно примечания к ст. 213, ч. 1, т. X св. закон. малолетними считались до 17 лет. В конце XIX и начале XX века розги за шалости, конечно, не применялись, как общая и повместная мера наказания, в отдельных же случаях розгами или подобием их (чаще ремнем) наказывали торговых учеников. В качестве же общей меры наказания к указанному времени розги были вытеснены подзатыльниками и уходральством, применявшимися очень широко и часто и не только за проступки или шалости, а и по всякому поводу.

По решению Гражданск. Кассацион. Департамента 99/2 «максимальный срок отдачи детей родителями в ученье не ставится в зависимость от достижения детьми 17-тилетнего возраста ранее истечения договора». По решению 77/86 и 99/2 «родителям не запрещается отдавать детей в ученье на определенный срок и без их согласия, и хотя бы срок ученья оканчивался за пределами семнадцатилетнего возраста».

Обычно торговые ученики набирались в деревнях и привозились в города; иногда привозили своих детей сами родители. Как правило, торговые ученики рекрутировались из малоземельных или пехлебородных губерний, из семей, где они являлись лишними работниками, а следовательно и лишними ртами. В конце XIX и начале текущего века в торговые ученики отдавались и дети городских жителей, но они составляли небольшой процент, как среди взрослых служащих, так и учеников, по отношению к детям крестьян. Крестьянин, отдавая своего сына в ученье к торговцу не только избавлялся от лишнего рта на период его

ученья, но лелеял обыкновенно надежду, что по окончании ученья сын будет ему помощником, добывателем, присылая отцу часть своего жалованья или купленные в городе предметы, необходимые в хозяйственном и домашнем обиходе крестьянина.

Привезенный в город мальчик, часто не кончивший сельской школы, отдавался в ученье на срок от 4 до 7 лет без заработной платы за все время ученья. Самым распространенным сроком ученичества был 5-ти летний. По окончании ученья вновь испеченный приказчик получал новую экипировку, определенную сумму денег и отправлялся в деревню на побывку. Хозяин не связывался никакими обязательствами держать у себя молодого приказчика по окончании срока учения и платить ему определенное жалованье: тут все было предоставлено обычаю и усмотрению, и некоторые купцы злоупотребляли этим, ведя свои дела почти исключительно при помощи учеников, а по окончании ученья отпускали их на все четыре стороны.

Найти работу такому, только что «выжившемуся из мальчиков» приказчику бывало весьма трудно: этим случаем пользовались другие хозяева, предпочитавшие держать у себя молодых приказчиков, платя им гроши за каторжный труд. Надо заметить, что приказчиков стариков вообще можно было встретить очень редко. По обследованию Гудвана, произведенному им в начале 900-х годов в Одессе из 24.859 магазинных приказчиков оказалось:

в возрасте	до 9 лет	266	или 1,1%
	от 9 „ 12 „	2010	„ 8,1%
8547 или 34,3%	„13 „ 15 „	3244	„ 13,0%
	„16 „ 17 „	3027	„ 12,1%
	„18 „ 20 „	2525	„ 10,1%
14863 или 59,8%	„21 „ 30 „	8544	„ 34,4%
	„31 „ 40 „	3794	„ 15,3%
	„41 „ 50 „	1175	„ 4,8%
	старше 50 лет.	274	„ 1,1%

Из этой таблицы видно, что на подростков до 17 летнего возраста приходится 8547 или 34,3%, в возрасте от 18 до 40 лет—14.863 или 59,8%. По обследованию 1908 г. произведенному 4-мя Петербургскими союзами торговых служащих и Гудваном, в Петербурге подростков среди служащих насчитывалось 48%.

от 18 до 40 л. 49,28%
» 41 » 50 » 2,23%
» 50 и старше 0,52%.

По д'ру Листову в Москве подростков среди торговых служащих считалось 32%, в Варшаве около 26%, в Екатеринославе больше 33%. При более широком обследовании число подростков и в Петербурге оказалось

бы, вероятно, несколько меньше, но во всяком случае фактически в этом городе труд подростков в торговле был распространен больше, чем в других городах *).

Обследование санитарных врачей Петербургского губернск. земства, произведенное в пригородн. районах Петербурга в 1913 г. установило, что среди 642 служащих было 117 мальчиков до 15 лет или 18,2% всех служащих. На лавки с'естных припасов приходилось 66% мальчиков, на чайные и трактирные заведения—22,8%, на мануфактурные галантерейные и т. п. магазины 11,2%. По всем имеющимся обследованиям главная масса служащих в возрасте до 30 лет, затем еще сравнительно значительный процент сохраняется до 40 лет,—старше этого возраста сохраняются лишь немногие. Причины этого кроются в рано наступающей инвалидности и большой смертности, которые обусловливаются тяжелым изнурительным трудом и высокой заболеваемостью, являющейся следствием условий и характера труда. И Елизаветградский биржевой комитет вправе был написать в ответ министру финансов на его предложение обсудить вопрос о нормировке рабочего времени торговых служащих: «приказчики, совершая тяжелый труд без всякого отдыха при весьма неблагоприятных условиях, редко могут прослужить более 20 лет».

Среди торговых служащих больны:

	В Петербурге.	В Одессе.
ревматизмом	73,37%	74,21%
болезн. пищевых органов	70,10%	69,10%
нервным расстройством	34 56%	61 15%
болезн. органов дыхания	25%	24,64%
венерическими болезнями	20,70%	18,62%

По отдельным специальностям торговли на каждого служащего приходится болезней.

	В Петербурге.	В Одессе.
у мануфактуристов	3	2,12
» галантерейщиков	3	2,94
» шляпников	2,73	—
» готового платья	—	—
» обувников	—	3,70
» железно-скобяников	3,2	1,12
» бакалейщиков	—	1,57
» фруктовщиков, мебельщиков, зеркальщиков	0,9	2,33

*) О возрастном составе петербургских торговых служащих во время войны и революции дает представление исследование М. Пилецкой, относящееся к 1917 и началу 1918 г. См. журнал „Борьба", № 15-16 за 1918 (орган петроградск. союза).

По последнему обследованию, произведенному редакцией «Вестника Приказчика» в 1913 г. (к сожалению, у нас нет под рукою этого обследования) данные о количестве больных среди одежников приблизительно соответствуют одесской цифре. В среднем на каждого торгового служащего приходится в Петербурге 2,5 болезни, в Одессе 2,29, в Херсоне, Николаеве, Екатеринославе, Харькове и Баку—от 1,1 до 2,03 болезней (данные у Гудвана и д-ра Листова).

«На чтобы, однако, больной ни жаловался, он всегда упоминает о ломотных болях в ногах или о слабости и дрожании в них»—пишет д-р Поляк в «записке о нуждах и положении торговых служащих в гор. Киеве». Пребывание на ногах в течение длинного рабочего дня вызывало варикозное расширение вен. Гудван приводит отрывки из писем служащих: «В конце дня мои подошвы горят и все члены поют. В субботу это что то ужасное» (из письма 22-х летнего приказчика колониального магазина). «Мои ноги ужасно болят к концу дня»—пишет 17-ти летняя приказчица из мануфактурного магазина.

Широкая заболеваемость торговых служащих ревматизмом вызывалась условиями труда и квартирными условиями. Работа в плохо приспособленных помещениях, сырых, иногда с резко меняющейся температурой в различных отделениях одного и того же магазина, сквозняки, холод,—вот причина высокого процента заболеваний ревматизмом; страдания, причиняемые этой болезнью, усугублялись почти полной невозможностью подвергнуть себя надлежащему лечению. К указанным причинам надо добавить еще одну—унизительный обычай зазывания покупателей с улицы, для чего части служащих приходилось весь день проводить около магазина независимо от погоды и времени года.

Распространенность желудочных заболеваний среди торговых служащих относится, прежде всего, на счет плохого питания и не регулярного приема пищи. Огромному большинству торговых служащих приходилось питаться в рыночных или других дешевых «столовках» и «закусочных», часто стоя, наспех проглатывая свой скудный недоброкачественный обед; многие обедали в магазинах, не имея особых для этого помещений, постоянно тревожимые покупателями; большое количество служащих питалось «всухомятку». «Обследование лавок», сделанное санитарными врачами Петербургского губернского земства в 1913 г. в пригородных районах гор. Петербурга, установило, что из 176 лавок с 642 служащими никаких перерывов для принятия пищи нет в 82,5% (больше чем 145 лавках) и приказчикам приходится есть за прилавком урывками между делом. Но и там, где имеются перерывы, только в 7 магазинах (4%) торговля прекращается на 1—2 часа, в остальных приказчики отпускаются по очереди. Времени дается (в последнем случае) только столько, сколько нужно, чтобы наскоро поесть» (из ст. Вива в «Просвещении» за 1913 г., кн. X). А вот данные анкеты «Вестника Приказчика», относящиеся к тому же году, собранные в Петербурге: «из 671 служащего только 30 человек пользуются обеденным перерывом в 1—1½ часа и 10 че-

ловек на время свыше 1½ часов». Остальные 631 человек (более 94%) обедают в течении четверти—получаса или на хозяйской квартире, или не уходя из магазина: «обедают когда меньше покупателей, наскоро, кто на хозяйской квартире, а большинство за прилавком или в кладовой магазина, не один раз отрываясь от своего котелка».

Недостаток питания и часто отсутствие горячей пищи восполнялся обильным питьем чая, «промыванием кишек», что часто влекло к простудным заболеваниям ввиду характера помещений; «зазывалы» пили чай на своем посту около магазинов, на открытом воздухе.

Причины заболеваний дыхательных органов частью относятся к той же категории, что и причины ревматизма, и к ним надо присоединить еще и другие: вдыхание крашеной хлопчатой и шерстяной пыли, хлороформа, крахмала и других продуктов аппретуры, продуктов дубления мехов и ряда других вредных веществ в зависимости от рода торговли. Затем или полное отсутствие или плохое устройство вентиляции. За редкими исключениями, торговые помещения содержались в антисанитарном состоянии. Так называемый санитарный надзор над торговлей съестными продуктами в этом отношении не обнаруживал никакой деятельности: санитарный надзор, изредка набегая в лавки, редко обнаруживал даже недоброкачественность продуктов; это происходило отчасти ввиду спешности осмотра, отчасти потому, что торговцы, пронюхав о «налете» санитарных врачей, успевали подчиститься; врачи, по причине недостатка сил и незнакомства на практике с уловками торговцев, делали обход впустую, в большинстве случаев ничего не обнаружив. На антисанитарное же состояние помещений почти никогда не обращалось внимания, ибо такое состояние помещений было обычным, массовым. Городовые в области санитарии проявляли больше рвения: они ежедневно хватали за шиворот мальчиков и взрослых служащих, появлявшихся на улицах, например, Петербурга, в грязных передниках, и тащили их в участок.

Кроме общих условий городской жизни, влияющих на нервную систему жителей городов, в жизни приказчиков существовали еще и специально присущие их работе условия, оказывавшие разрушительное влияние на их нервную систему. Для широкой публики недоступны были наблюдению те нравственные муки, которые испытывал приказчик, находясь за прилавком. С одной стороны, требовательность и капризы покупателей, с другой — требование хозяина, выражавшееся в недвусмысленной форме, чтобы приказчик доводил до полного напряжения свои психические силы, свою любезность с покупателями, ловкость, изворотливость, хитрость, свое умение «с налету» определять психологию покупателя и обрабатывать вкус последнего соответствующим образом в каждом отдельном случае; от приказчика требовалось уметь продать вместо черного—красное или наоборот; вместо льняного бумажное и т. д. Приказчик, не умевший привлекать покупателей и убеждать в доброкачественности товаров и в том, что покупателю нужно именно то, что приказчик предлагает, а не то, что покупатель ищет, не умевший «всучить» какую

нибудь заваль или гниль,—считался никудышным приказчиком и был обречен на постоянную безработицу. И вполне понятно, что «искусство» продавца давалось очень многим недешево: ценою нравственной надломленности и полного равнодушия ко всему, кроме дешевых и губительных жизненных наслаждений, продававшихся в грязных кабаках и домах терпимости.

На распространение болезней среди торговых служащих большое влияние оказывали неудобожилые квартиры. По упоминавшемуся обследованию петербургских торговых служащих 1908 г., из живущих на хозяйских квартирах, живут в сырых квартирах 36,42%
» темных » 8,63%
» холодных » 23,21%
» сырых и темных 7%
» сырых и холодных 22,70%
и только 2,17% жили в удобных квартирах (остальные не ответили).

Будучи плохими и неудобными для жилья помещениями, хозяйские квартиры представляли собой еще и другие, не менее важные, неудобства для служащих: они доканчивали нравственное и духовное калечение торговых служащих; последние и по окончании работы оказывались не у себя дома, а у хозяина, у него на глазах, следящих за каждым шагом и каждой мыслью своих служащих. Принижающие дух человека рабские чувства развивались с особенной силой вследствие хозяйских квартир, позволявших хозяину следить и вмешиваться в интимную жизнь служащего и крепче держать его в кабале. Кроме того, хозяйские квартиры были выгодны хозяевам и по другим причинам: давая полное содержание служащему, они львиную долю выгадывали на заработной плате. Стремление выгадать возможно больше на заработной плате заставляло хозяев не долюбливать семейных служащих, а последние, получая незначительную плату и принужденные жить на хозяйских квартирах (большое число до самого последнего времени, вплоть до октябрьской революции), в большинстве случаев лишались возможности обзаводиться семьей в городе и частью оставались холостяками, частью заводили семью в деревнях, на родине, сохраняя с нею связь.

По обследованию Гудвана, относящемуся к 1902 г., из 30.000 одесских приказчиков получали заработную плату:

от 5 до 10 рублей в месяц	12%	43%
» 10 » 15 » » »	21%	
» 15 » 30 » » »	10%	
» 30 » 40 » » »	14%	22%
» 40 » 75 » » »	8%	
» 75 » 125 » » »	5%	8%
более 125 » » »	3%	

Средний заработок приказчиков—34 руб., приказчиц—13,07 руб., подростков 11,03 руб.

По обследованию, относящемуся к 1908 г., в Петербурге торговые служащие получали:

0 рублей в месяц					4,31%	
от	3 до	10	»	»	19,89%	66,43%
»	10 »	20	»	»	24,32%	
»	20 »	30	»	»	22,22%	
»	30 »	40	»	»	15,91%	27,35%
»	40 »	50	»	»	7,12%	
»	50 »	75	»	»	4,32%	
»	75 »	100	»	»	1,41%	1,92%
»	100 »	125	»	»	0,40%	
»	125 и более		»	»	0,11%	

Средний заработок устроившегося петербургского приказчика равнялся 35 руб., что подтверждает и второе обследование («Вестника Приказчика»), относящееся к 1913 г. Гудван сделал разбивку заработной платы петербургских приказчиков по полу и возрасту; приняв величину заработной платы взрослых мужчин за 100, он получил следующие результаты:

	Средняя месячн. заработн. плата.	Относительная величина.
приказчиков	32,21 руб.	100%
приказчиц	16,56 »	51,41%
детей и подростков	11,57 »	35,72%

Небольшой процент совсем неполучающих заработной платы об'ясняется тем, что обследование слабо захватило торговых мальчиков, и в большей части распространилось на подростков или окончивших ученье, или оканчивавших его и уже получавших небольшую заработную плату. Надо также отметить, что к этому времени некоторыми крупными и оптовыми фирмами стал применяться способ ученичества на новых началах: срок 3—4 года, несколько рублей заработной платы без содержания, т.е. без стола, квартиры и экипировки. Это об'ясняется тем, что такие фирмы, не содержа хозяйских квартир и желая иметь более развитых учеников, набирали их из городских мальчиков, окончивших какую-нибудь школу. По существу степень эксплоатации не менялась, изменялась только форма.

Реальная заработная плата самая низкая была в Петербурге. Здесь торговые служащие подвергались самой высокой степени эксплоатации в отношении заработной платы и рабочего времени, здесь же в наибольших размерах применялся детский и женский труд; последний, начиная с 20-го века, усиленно распространялся, как наиболее дешевый и легче поддававшийся эксплоатации. Женщины, получая низкую заработную плату, если их заработок не являлся добавочным к доходу их семьи, толкались на путь проституции. Вообще женщинам в торговле трудно было удержаться от проституции, не потеряв места и заработка: они становились жертвами разврата хозяев и старших приказчиков.

По данным «Торгово-Промышленной Газеты» (6—X—06 года) наилучшие условия женского труда в Петербурге были во французских кондитерских. Число работающих женщин в такой кондитерской 10—15. Минимальный оклад 25—30 рублей, максимальный—50 на всем готовом. Каждой служащей полагалась отдельная комната. Раз в неделю пользовались выходным днем. Рабочий день несколько меньше, чем в других кондитерских. Во втором разряде кондитерских работающих 3—8. Жалованье при готовом столе 20—25 рублей, на всем своем—35 рублей; полагалась общая комната. Рабочий день в будни—11 часов, в праздники—7 часов. В третьем разряде работающих—3—6 человек. Заработок—15—20 рублей в месяц при готовом столе и общей комнате. Рабочий день как и в предыдущем разряде. В булочных заработок колеблется от 8—15 рублей при готовом столе и общей комнате. Рабочий день 16 часов. В книжных магазинах заработок женщин не отличался от заработка мужчин и равнялся 35—50 рублей при 10—12 часовом рабочем дне.

В Одессе по данным Гудвана 22,47% приказчиц получали от 3 до 10 рублей в месяц и 52,52% зарабатывали от 10—20 рублей. При этом требовалось прилично одеваться, как, впрочем, и вообще торговым служащим, за исключением занятых в некоторых отраслях торговли. Служащие кондитерских всегда добавляли к заработку «от себя». В своих ответах приказчицы пишут: «квартиру - угол занимаем только для хранения вещей и для того, чтобы переодеваться». Ночуем, где попало, по гостинницам с гостями. «Жалованья не хватает на жизнь, а хозяин требует еще, чтобы шикарно одеваться, — вот почему мы такие скверные».

Положение детского труда Курнин на 2-ом С'езде характеризовал так: «торговый мальчик только считается «учеником», на самом же деле он несет обременительную службу у хозяина в течение многих лет, вопреки требованиям закона, по которому мальчик должен быть обучаем торговому делу... в действительности мальчик исполняет у хозяина роль бесплатного чернорабочего. Во многих случаях мальчикам приходится вставать ранее взрослых до открытия магазина, часто в 4½ — 5½ часов утра, чтобы наносить воды, дров, приготовить самовар для взрослых, вычистить сапоги и платье, убрать комнату, перечистить посуду, помочь кухарке на кухне, и затем быть на всех побегушках. Обед у мальчиков бывает далеко невсегда, и не всегда он бывает удовлетворительный, очень

часто времени на обед не дается. Сидеть, когда нет дела, мальчикам (как и приказчикам) или совсем не полагается, или только в редких случаях. Ложатся мальчики позже всех, в 11—12 часов вечера... рабочий день мальчиков продолжается 16 — 19 часов в сутки... такая жизнь мальчиков продолжается 3—4 года и иногда 5—6 лет, и после подобного мытарства мальчик, в лучшем случае, может рассчитывать на 5—8 рублей в месяц жалования, в худшем случае, хозяин увольняет мальчика, так как платный служащий ему не нужен». На это, в сущности, правдивое описание некто Сафонов возразил: «по поводу положения мальчиков я скажу только, что, как ни плохо живется им у хозяина, а дома им еще хуже». К сожалению, для большинства случаев это почти правда.

Русское законодательство не ставило никаких препятствий эксплоатации торговых служащих. Сокольский об'ясняет это тем, что «неприкрашенное бедствие любого кочегара или молотобойца яснее, понятнее, проще, чем то существование, которое влачит бесправный парий конторки или прилавка... до последняго времени господствовал тот взгляд, что труд приказчиков по сравнению с трудом фабричных рабочих более легок и менее обременителен, а потому и не нуждается так в защите, как труд фабрично-заводских рабочих». Исследование условий труда торговых служащих доказал, что этот распространенный взгляд не выдерживает никакой критики. Но заключать, как это делает Сокольский, что законодательства по охране труда служащих не было потому, что у купцов и законодателей был такой или иной взгляд на труд служащих, можно только признавая законодательство, в частности рабочее законодательство, как за нечто самодовлеющее, парящее выше жизни. На самом деле вопрос стоял не так. Труд фабрично-заводских рабочих охранялся хоть до некоторой степени законом потому, что рабочие своим движением, забастовками, ясно показали и хозяевам и законодателям на каких границах эксплоатация их труда должна остановиться. Торговые служащие могли это сделать значительно позже, чем рабочие, а поэтому «законодатель» и не обращал внимания на их вопиющее положение, хотя отлично знал о нем с 80-х и особенно с конца 90-х годов.

В торговой практике почти и намека не было на договор о найме. Статья 6-ая Торгового Устава, установившая, что срок служения приказчиков, их жалованье или рядная плата также жилище и содержание зависит от взаимного их с хозяевами условия и определяется письменным о найме договором», распространялась лишь на приказчиков 1-го класса, или «главных», по определению 4-ой статьи устава Торгов., т. е. на небольшую группу старших приказчиков, ведших дела от хозяина под отчет или по доверенности. При отсутствии же письменного договора по ст. 7 Устава Торгов. «приказчик не в праве того (заработной платы) законно требовать». По известным мне судебным приговорам 1912—1914 года эта статья применялась или нет в зависимости от мирового судьи; часто судья приговаривал выплачивать жалование по иску приказчика,

если последний мог сослаться на росписки, по которым получал жалованье в предыдущие месяца перед иском.

Во многих случаях не бывало даже и устного договора; приниженный экономически и социально приказчик доволен был, что поступал на работу, и хозяин по своему усмотрению определял жалование. «Хочу жалование положу, хочу, от места откажу». Как правило, пользовавшиеся хозяйскими квартирой и столом, не получали заработка в регулярные сроки, а забирали у хозяина по мере надобности, при чем в установлении надобности большую роль играл хозяин, не всегда соглашаясь дать денег служащему или давал меньше, чем последний хотел взять из заработанных денег. В таких случаях полный расчет производился при увольнении приказчика или при его от'езде в деревню; при расчетах бывали злоупотребления со стороны хозяев, и служащие часто не дополучали заработанных денег под тем или иным предлогом.

Культурный уровень служащих.

Ученичество, начинавшееся в ранние годы и отрывавшее иногда мальчиков от школы, непомерно-длинный рабочий день без перерыва в праздничные дни, наконец, вся обстановка работы торговых служащих в накостных условиях торгашеских интересов, переносившихся и на весь быт и уклад жизни служащих в виде мелкого, придирчивого, затхло-мещанского надзора хозяев и хозяек в отношении тех служащих, которые жили на хозяйских квартирах (а до XX века таковых было огромное большинство—в обоих столицах, по крайней мере)—все это не могло способствовать культурному развитию торговых служащих, их культурный уровень был весьма низок. Здесь, конечно, не представляется возможным дать исчерпывающую характеристику культурного развития торговых служащих. Мы ограничимся приведением цифровых данных, относящихся уже к XX столетию, об образовательном цензе торговых служащих, понимая, конечно, что эти данные дают лишь формальную характеристику этой стороны вопроса, они невсегда исчерпывающе характеризуют культурный уровень всякого служащего даже при вступлении его в профессию торговых служащих, поскольку эти данные относятся к XX веку, когда среди служащих в культурном отношении уже не было того однообразия, о котором мы можем иметь представление по произведениям Островского, да и самый быт, во многом, и отношения между служащими и хозяевами и условия труда подверглись сильному изменению по сравнению со временем Островского.

По сведениям Московского Отделения Русского Технического Общества из 3524 обследованных служащих 67,8% окончили низшую народную школу, 20,4% обучались дома, 10,7% со средним образованием, 0,9% с высшим образованием. Последние два разряда относятся исключительно к Москве и занимают высшие должности в торговых предприятиях. Вообще надо заметить, что это обследование мало коснулось низов.

По данным Гудвана, из 6620 одесских приказчиков мануфактурных магазинов 3376 или 51% умеют только читать и писать, 3045 или 46% окончили народное училище, 199 или 3% со средним образованием.

В Петербурге из 150.000 торговых служащих 25% неграмотных, 45% умеют только читать и писать, со средним образованием можно было встретить только в мануфактурных и книжных магазинах, а с высшим только в последних. По данным 1913 г. (анкета «Вестник Приказчика»), неграмотных считалось 8%, умеющих читать и писать 41,4%, окончивших начальные и городские училища—45,1%, со средним образованием—5,5%. Неграмотные, как в первом, так и во втором случае, относятся почти исключительно к занятым в торговле съестными продуктами *). Разноречивость цифр объясняется не столько временем, разделяющим друг от друга первые и вторые цифры, сколько различным масштабом обследования—во втором случае данные относятся лишь к нескольким тысячам человек и слабо охватывают служащих, занятых в торговле съестными продуктами, дававших большое количество неграмотных.

Рабочее время и движение за его сокращение

Самой тяжелой формой эксплоатации торговых служащих являлся длинный рабочий день и полное отсутствие праздничного отдыха до 1905—1906 г. г., а для многочисленных групп служащих вплоть до 1917 г. Длинный рабочий день без перерыва в течение целого года, дурно влиял на все стороны жизни торговых служащих, был самым большим злом для них, как индивидуумов и как социальной группы, принижая их и притупляя их волю и стремление к лучшей жизни, до чрезвычайности ограничивая их кругозор постоянным сосредоточением всех физических и духовных сил в лавочке и вокруг интересов хозяев. Большинство торговых служащих было занято в магазинах и лавках по пятнадцати часов, многие по 18—20 часов. В Москве торговый день колебался для различных отраслей от 12½ до 17 часов, в Болхове он достигал 15—17 часов, в Севастополе 16—18 час., в Минске 18 час., в Зарайске и Херсоне—19 часов, в Костроме 12—16 час., а в отдельных случаях 18—19 часов, в Баку (виноторговцы) — 18 часов, в Чернигове—15, 16, 17 и 18 час. По данным Московского Отдела русского технического общества рабочий день в Елизаветграде в среднем равнялся 17½ час, доходя в 31-ом случае до 18 и в 14-ти до 19 час. В Новочеркасске средняя продолжительность рабочего дня равнялась около 16-ти час. и доходила в 50 случаях до 16 час., в 34— до 17 час., в 11— до 18 час., в 6—до 19 час., в 2-х

*) Характеристику культурного уровня торговых служащих Петрограда дает исследование М. Пилецкой, относящееся, к 1917—18 г.г. (Борьба 15—16, 1918), а служащих Москвы исследование Л. Магазинера, помещенное в „Голосе Раб." за 1920 г.

случаях до 20 и 21 часа: «Таким образом, — писали черниговские приказчики и торговцы в своем заявлении в Городскую Думу, — летом приказчики проводят в душной и спертой, а зимой и осенью, в большинстве магазино, в холодной и сырой атмосфере 2/3 суток, или 3/4 всей жизни». На 1-ом с'езде в 1896 г. было установлено, что ученикам торговых заведений свободного от работы времени на удовлетворение духовных потребностей оставалось 19 минут в сутки (труды 1-го с'езда и у Прокоповича «к рабочему вопросу»). И это вполне понятно, так как работа торговых учеников не ограничивалась помещением лавки и магазина — им приходилось в течение дня быть на побегушках, разносить и развозить по городу тяжелые пакеты с товарами, а по приходе на хозяйскую квартиру работа продолжалась по дому (чистка сапог, платья и пр.); утром они должны были для той же работы во многих случаях вставать раньше взрослых. Во всяком случае, 19 минут на удовлетворение духовных потребностей торговых учеников можно считать роскошью для рассматриваемого времени, потому, что большинство из них не успевало высыпаться.

В 60-х годах Синод сделал постановление о желательности отмены базаров в воскресные дни по всей России, о чем и было доведено до сведения городских самоуправлений. Городские думы пытались ограничивать торговый день служащих в праздничные дни на основании ст. 108 городового положения, предоставлявшей им право издавать обязательные постановления о времени открытия и закрытия торговых и промышленных заведений в воскресные и праздничные дни. Такие обязательные постановления, ограничивавшие праздничную торговлю, были изданы приблизительно в 100 городах. Но эти постановления не могли более или менее значительно облегчить положение служащих, так как думы не могли: 1) совершенно запрещать праздничную торговлю, а только ограничивать число ее часов, 2) постановления дум не распространялись на торговлю с'естными продуктами, 3) служащие местечек, поселков и сел не захватывались этими постановлениями. Кроме того, думы не могли ограничивать время будничной торговли. Известное стеснительное значение имело и то обстоятельство, что ст. 108 городов. полож. не обязывала думы издавать указанные постановления, а только предоставляла им право на издание их. Таким правом думы очень долгое время не пытались пользоваться и если приблизительно в ста городах праздничная торговля была ограничена в XX столетии (главным образом перед и в первую половину 1905 г.), то исключительно под давлением общественного мнения, а также приказчиков и даже, в некоторых городах, самих торговцев. Ходатайство некоторых дум о расширении их прав в вопросе регулирования торгового дня оставались без результата. Московская дума в 1899 и 1901 г. ходатайствовала о распространении думских постановлений на все виды торговли, Киевская в 1901 г. о праве запрещать торговлю в праздничные дни, Старобельское земство в 1902 г. о праве регулирования торгового дня в селениях, Симферополь в 1901 г. — о праве сокращать торговый день в будни. (Прокопович стр. 17). Кроме упомянутой статьи городового положен. существовала ст. 14 устава о пре-

дупреждении и пресечении преступлений, предписывавшая полиции наблюдать, чтобы лавки и магазины не открывались ранее окончания обедни в воскресенье и др. праздничные дни. На основании этой ст. в 1892 г. была установлена торговля по праздникам в Петербурге с 12—1 часа до 5 часов дня, приказом градоначальника Фон-Валя, который, основываясь на точном и для всех ясном смысле ст. 14 уст. о пресеч. преступлен. (изд. 1890) об'явил торговцами, что в воскресные, праздничные и торжественные дни они могут открывать свои лавки и магазины (кроме торгующих съестными припасами) только по окончании обедни и не ранее 12-ти час. дня, а приказом 12-го июня 1893 г. распространил это ограничение и на торговлю разносную и с возов. Это положение сохранялось до первых забастовок служащих в 1905 году, когда большинству торговых служащих удалось добиться полного воскресного отдыха. Праздничный отдых и сокращение рабочего дня не могли нарушить интересы торговли и уменьшить обороты и прибыли торговцев, но последние в большинстве своем всегда оставались противниками нормирования рабочего времени служащих, как бы инстинктом чувствуя, что служащий получив несколько свободных от работы часов и праздничный отдых перестанет быть послушным рабом, и интересы его далеко выйдут за пределы душной лавчонки и магазина, повысятся запросы и потребности служащего, на удовлетворение которых рано или поздно придется повышать заработную плату и предоставлять ряд других, не укладывавшихся в голове торговца, льгот и улучшений в условиях труда.

В торговых городах Сибири воскресный отдых был установлен задолго до 1905 г., по отдельным городам он появлялся в таком порядке: в Барнауле с 1888 г., в Иркутске и Томске с 1889 г., в Благовещенске и Омске с 1890 г., в Тюмени и Семипалатинске с 1891 г., в Тобольске и Бийске с 1892 г., в Чите, Нерчинске и Якутске с 1893 г., в Красноярске и Енисейске с 1894 г., в Минусинске и Ачинске с 1895 г., в Мариинске и Тюкалинске с 1896 г., в Колывани, Хабаровске, и Никольск.-Уссурийске с 1897 г., в Кургане и Каинске с 1898 г., в Канске и Сургуте с 1902 г., в Сретенске, Балаганске, в Нижне и Верхне-Удинских с 1903 г., в Ново-Николаевске с 1904 г. (см у Розена).

В Смоленске праздничный отдых был установлен в 1881 г. В 1895 г. кануны Рождества и Нового года приходились в воскресные дни, и один из торговцев начал собирать подписи среди купцов под просьбой в городскую управу о разрешении торговать в эти дни, но его постигла неудача: ему удалось собрать всего только 13 подписей: «Смоленский приказчик не смотрит таким забитым, как многие приказчики других городов. Благотворные последствия праздничного отдыха вызвали дальнейшее сокращение рабочего дня и с 1 мая по 1 августа торговля производится до 7 час. вечера, магазины с съестными припасами торговали по праздникам до 1—2 час. дня» («Изв. Петерб. Гор. Думы за 1905 г.).

103 ст. Городового положения пользовались как сторонники праздничного отдыха торговых служащих, так и противники его. Дело в

том, что эта статья не предусматривала права гор. думы ограничивать *время работы* в лавках и магазинах в праздничные дни, а только ограничивать *время торговли*. Сторонники праздничного отдыха стремились свести торговый день по праздникам до минимума. Так Елизаветградская дума в ответ на ходатайство 200 приказчиков, постановила ограничить время торговли в праздничные дни с 11 до 1 часу дня. («Юж. Росс.» 1905 г). Общее собрание екатеринославских купцов и приказчиков постановило, чтобы думы ограничивали праздничную торговлю одним получасом. («Вестник Юга», 1905 г.). Некоторые думы вступили в соглашение с местной администрацией и ограничивали рабочий день служащих и, нарушая закон, устанавливали полный праздничный отдых (Смоленск). Купеческое общество в Севастополе единогласно постановило закрывать магазины в будние дни зимой в 8 час. веч., летом в 9 час. веч. Но ранее, чем через 2 месяца, полицмейстер издал приказ, устанавливавший прежний порядок закрытия магазинов, «ввиду выяснившихся неудобств... как для торговцев, так и для обывателей» закрытия магазинов в 8 и в 9 часов вечера. По ходатайству 378 приказчиков Минская дума в 1903 г. издала постановление о закрытии магазинов в 9½ час. вечера. Вмешался губернатор, настоявший на закрытии магазинов в 9 час. вечера; но через месяц министерство внутренних дел отменило это постановление (Колычев, «Русск. м.». 1906 г., II).

Гудван рассказывает, что одесские приказчики обращались за содействием к авторитету общества охраны народного здравия, прося его подать от их имени заявление в городское общественное управление с такими пунктами 1) просить городское общественное управление о сокращении времени приказчиков в одесских торгово-промышленных заведениях путем издания обязательного постановления о 12 часовом рабочем дне в течении 6 дней в неделю и о разрешении торговать по воскресным дням в течении одного часа (с 6 до 7 утра).

2) Рекомендовать управе устроить одну воскресную и одну вечернюю школу для приказчиков. (Этим пунктом одесские приказчики предусматривали способ использования свободного от работы времени).

3) Просить управу издать обязательное постановление о том, чтобы в магазинах были устроены для приказчиков за стойками скамьи.

4) Предложить управе устроить бесплатную городскую амбулаторию для приказчиков.

Эти пункты являются зародышем будущих требований, предъявляющихся хозяевам в 1905 г. и позже.

Мы уже знаем (см выше о деятельности об-в взаимопомощи), что московское общество купеческих приказчиков начало хлопоты о нормировании рабочего дня и о праздничном отдыхе в 1882 г. В том же году Саратовское общество взаимопомощи подняло вопрос о нормировании рабочего дня служащих. В 1883 г. оно составило докладную записку к правительству с ходатайством об *издании закона* по этому вопросу, после того, как Саратовская дума отменила изданное ею в том же году поста-

новление о праздничной торговле (записка Саратовского об-ва). Казанское вспомогательное общество в ноябре 1882 г. обратилось в городскую думу с ходатайством о прекращении торговли в воскресные и праздничные дни. Дума передала ходатайство на рассмотрение управы, которая лишь спустя 3 года, в ноябре 1885 г., представила в думу доклад о том, что «большинством 8 против 7-ми признано невозможным удовлетворить ходатайство-приказчиков, так как вопрос слишком серьезен и требует осмотрительного решния; отношения приказчиков и хозяев устанавливаются *взаимным соглашением,* почему труд приказчиков свободен, *и они сами могут установить отношения свои к хозяевам*»... Об условиях возможности самим установить отношения на основании свободы труда даст представление дальнейшее рассуждение Казанской управы, наивно или цинично поучающей: «кроме сего, предложение труда превышает спрос на него, ввидах чего приказчики *должны вполне подчиняться требованиям хозяев и не могут ставить им каких бы то ни было условий под опасением лишиться занимаемых мест и через это лишиться всяких средств к жизни*».

К чести городской думы — она не нашла нужным согласиться со столь убийственными аргументами против праздничного отдыха служащих и поручила управе составить проект обязательного постановления об ограничении праздничной торговли. На такое серьезное дело управе потребовалось 4 года и, наконец, в 1889 г. ею был представлен доклад в думу. К этому времени уже сами торговцы, по общему соглашению, прекратили производство торговли в воскресные и праздничные дни, а в 1894 г. пытались сделать обязательным для всех постановление о производстве торговли в праздничные дни с 12 до 3 часов дня. Но очень скоро отдельные торговцы стали нарушать соглашение о прекращении для одних и сокращении для других праздничной торговли, и все остальные торговцы, в видах конкурренции меньшинства, нарушавшего соглашение, вернулись к старому порядку. А в 1899 г. и дума переменила свое мнение, признав издание обязательных постановлений об ограничении времени торговли в воскресные и праздничные дни «не своевременным».

В Воронеже и Харькове еще до 1881 года действовали приговоры обществ торговцев о сокращении времени торговли в воскресные и праздничные дни.

В июне 1881 г. 13 петербургских приказчиков подали градоначальнику прошение о закрытии торговых заведений в праздничные и царские дни. Градоначальник передал его в управу. Несколько месяцев спустя, петербургско общество взаимопомощи обратилось с просьбой к министру внутренних дел ограничить время праздничной и воскресной торговли изданием обязательного постановления *в порядке законодательном.* В прошении за 171 подписью, между прочим, говорится: «несмотря на отмену крепостного права, на Руси существует рабство», так как торговцы Петербурга, и доселе держат своих служащих в некоторой кре-

постной зависимости, что приказчики лишены «присущей человеку свободы иногда распоряжаться самим собой и не могут хотя бы один день в неделю находиться в кругу семьи». Общество предлагало установить по праздникам торговлю в лавках съестными припасами от 6 до 8 час. утра и с 2 до 6 час. дня, мануфактурными и т. п. товарами с 2 до 6 час. дня, крепкими напитками с 12 или 1 часу до 11 час. вечера.

Министр передал прошение городскому голове с предложением внести вопрос об издании соответствующего обязательного постановления в думу. В думе этот вопрос мариновался около 2 лет. В это время купцы, противники праздничного отдыха, не спали. Купец Макаров подал прошение министру внутренних дел с указанием, что праздничный отдых вызовет в народе «ропот и негодование», «умножит число праздолюбцев» и «настанет время, когда повар, кухарка и дворник откажутся совсем работать по этим дням». Очевидно, купец хотел припугнуть министра, что тот будет сидеть без обеда в результате праздничного отдыха. Гласный думы Цветков (тоже купец) в своем заявлении в думу доказывает, что введение праздничного отдыха дурно повлияет на нравственность служащих. Вот что он говорит: «от закрытия торговых заведний (по праздникам) можно потерять очень многое, — особенно нравственность торгового сословия. В наше время в торговом заведении приказчик и его подручный знают, что им нельзя от торговли отлучиться — они об этом и не думают, а когда будут знать, что завтра праздник, то поневоле запустят руки в хозяйский ящик и из него дадут деньги знакомым кухаркам, горничным, прачкам или дворникам, а завтра пойдут пропивать хозяйские деньги; они до того напьются, что когда придет время открывать лавку, приказчика нет дома или пьян, подручные его тоже пьяны. У хозяев будут больше красть денег и товара, а население города будет терпеть разные безобразия от пьяной прислуги. Приказчики и их подручные люди вообще малограмотные и малообразованные. Закрытие торговли, которое даст им свободу, только их погубит. Мы видим, что мастеровой человек пользуется в праздник полной свободой от работы, но что же хорошего из этого видно, кроме худого. От этой свободы большинство мастеровых совсем обнищало и обезобразилось, упало духом, нравственно»... это «оттого, что мастеровой не имеет под собой твердого нравственного фундамента, т. е. хозяйской строгости»—поучительно заключает Цветков. Большинство гласных в душе разделяло мнение и отеческие чувства к служащим купца Макарова и Цветкова, и в заседании 16 февраля 1883 г. большинством 121 против 22-х дума вынесла отрицательное решение по вопросу о праздничном отдыхе торговых служащих («Изв. Пет. Гор. Думы» за 1905 г.). Петербургская дума и купцы Макаровы не были исключениями. При постановке в думах вопроса о праздничном отдыхе торговцы из кожи вон лезли, чтоб провалить вопрос. Аргументы против праздничного отдыха тоже были стереотипны — праздничный отдых приведет, мол, служащих к разврату, пьянству, приказчики могут избаловаться. «Праздничный отдых—пустая затея праздных людей»—парировали серпухов-

цы-купцы. Батумцы глубокомысленно рассуждают: «отдых необходимейшая потребность всякого человека,—в этом никто не может сомневаться, но отдых отдыху рознь. Чрезмерный отдых действует на человека губительным образом. И вот в таком-то губительном положении находится наша меньшая братия, наши приказчики, об интересах которых мы нравственно обязаны заговорить. Дума своим постановлением о праздничном отдыхе предоставила им такое широкое право на отдых, что приказчики решительно потеряли головы и не знают, как употреблять им дарованное право. Поэтому-то совсем неудивительно, что драгоценное время убивается ими в гулянии на фаэтонах с резиновыми шинами и в разных других увеселениях, благодаря чему они могут сильно пострадать материально. Кроме того, и мы в незавидных положениях (вот это главное). Праздничных дней в России много, и через воспрещение торговли в эти дни и наши интересы пострадают».

Пространная философия об интересах приказчиков нужна была только для того, чтоб удобнее подойти к своим интересам. И батумцы просили думу о разрешении открывать торговлю по воскресным дням с 11 до 1 часу, а по другим праздникам с отхода литургии до 11 час. вечера. Батумская дума отклонила эту просьбу (см. у Колычева «Русск. М.», 1905 г., II). Выше мы видели, что среди купцов были люди и др. склада. А вот что писал в думу в 1903 г. владимирский купец: «эти люди (приказчики) все время, ежедневно с утра до вечера, несут тяжелое ярмо, привязанные к одному и тому же месту в течении 15—16 час. в сутки без отдыха и обеда... Необходимо в праздничные дни ограничить торговлю не более чем 5-ю часами, т. е. с 12 до 5 час. дня». Но Андреев оказался белой вороной среди своих собратьев — дума отклонила его предложение (там же). Купцы, подобные Андрееву и иже с ним, по развитию поднялись выше Тит-Титычей и понимали, что праздничный отдых и сокращение торгового дня не несут с собой сокращения торговли и дают возможность занятым торговлей хоть немного почувствовать себя людьми. И в праздничном отдыхе, и в нормировании торгового дня передовые купцы были и сами заинтересованы. Этим и об'ясняется то обстоятельство, что начиная с 900-х годов купцы и думы все чаще и чаще высказываются за установление праздничного отдыха, в противность засаленным и пропахшим деревянным маслом охотнорядцам и сенновцам или коммерсантам, писавшим на столбцах «Приазовского Края», что «у нас совсем иные условия торговой деятельности (чем в Англии), иное положение торговли», а потому мы должны торговать в праздники, как и в будни, по 15—20 часов.

В Иваново-Вознесенске праздничная торговля была ограничена городской думой по инициативе одного местного торговца, в Котельниче (Вятской губ.), по ходатайству торговцев и промышленников, в Тамбове праздничная торговля была установлена с 10 час. утра до 1 часу дня при содействии городского головы.

Сокращение торговли по праздникам в течении 1880—84 годов было проведено в 7 городах, в 1885—89 — в 9 городах, в 1890—94 — в 9 городах. За 15 лет — в 25 городах.

В 1888 г. петербургское общество взаимопомощи, в связи со спасением Александра III при крушении императорского поезда (происшедшего 17 октября), решило использовать и этот случай все для той же цели, и представило императору адрес от торговцев Гостиного и Апраксина дворов и других рынков за подписью 200 человек с заявлением, что подписавшиеся, в память спасения царской семьи, решили впредь не производить торговли по праздникам. Адрес «удостоился высочайшей отметки». Но это мало повлияло на неподписавших адреса торговцев, которых мало заботил вопрос о памяти спасения царской семьи, да и некоторые из подписавших в первое же после этого воскресение торговали, ввиду несбывшейся надежды на то, что все не будут торговать. Выше сообщено, как разрешил вопрос в 1892 г. градоначальник Фон-Валь. Не надеясь больше на думу, петербургское общество приказчиков обращалось и к церковной проповеди, для воздействия на отдельных купцов.

Петербургское общество взаимопомощи приказчиков и сидельцев вообще питало пристрастие к использованию торжественных случаев в целях обратить внимание «высших сфер» на тяжелое положение служащих и понудить заняться вопросом о регулировании их положения. Но ни верноподданические чувства руководителей общества, ни льстивые дифирамбы отдельным сановникам не подвигали разрешение вопроса ни на шаг вперед. Между прочим, в петербургском обществе числился почетным членом сам всесильный К. П. Победоносцев. По случаю 50-ти летия его государственной деятельности в 1896 году, общество снарядило к нему депутацию с адресом. Наряду с обычными приветствиями и восхвалением заслуг сановного юбиляра, в адресе была помещена «почтительнейшая просьба» об урегулировании воскресного отдыха приказчиков. Победоносцев счел нужным ответить, что «дело о воскресном отдыхе не забыто, но зависит это не от одного меня. У нас второй год собирается по всей России материал о положении этого вопроса в разных местностях. Ваш сегодняшний адрес тоже будет напечатан мною, он много подвинет ход дела». (Верховский Норм. отд. сл. и ст. Висанова о норм. отд. служ. Сар. Вестн. 8/XI—1916 г.). Надо заметить, что синод занимался этим вопросом, но дальше собирания и печатания материала не пошел. Канцелярская и государственная машина двигалась медленно, к тому же и торопиться было некуда — торговые служащие еще только начинали перешептываться, а общества взаимопомощи, будучи холопскими по своей природе, почтительнейше гнули спины и льстиво подмазывались. По примеру Саратовского и Петербургского обществ, подававших ходатайства в министерство внутренних дел и в синод, одесские приказчики направили в октябре 1901 г. депутацию к министру финансов для возбуждения вопроса об издании закона о

нормальном отдыхе. Отдел торговли министерства финансов в 1902 г. обратился с предложением к биржевым комитетам высказать их мнение по вопросу об издании закона об установлении отдыха торговых служащих (Непряхин). За исключением Киевского и Ростовского все биржевые комитеты высказались за желательность и необходимость издания такого закона. Синод в это время продолжал еще заниматься этим вопросом, что видно из ответа хозяйственного департамента министерства внутренних дел Иркутскому обществу взаимопомощи о том, что «вопрос об ограничении праздничной торговли в общем масштабе находится на рассмотрении Синода и имеет получить разрешение в законодательном порядке».

Киевский комитет на обращение министра финансов ответил, между прочим, следующее: «работа приказчиков не требует никакого напряжения сил, а есть больше наблюдательное занятие, которое не только не изнуряет, но дает еще приказчикам возможность во время перерывов отдыхать и даже заниматься самообразованием, — чтением книг и газет, что в действительности и наблюдается. Что касается воскресных и праздничных дней, то торговые заведения, если не весь день, то большую часть дня, закрыты и тогда приказчики свободны... Поэтому — заключает ответ — они в урегулировании труда вовсе не нуждаются». Биржевой комитет предусмотрительно не спросил об этом торговых служащих и счел за лучшее самому говорить за них — не без оснований. Но вот противоположные ответы, продиктованные благоразумием и целесообразностью: «труд приказчиков,—пишет елизаветградский комитет,—несмотря на кажущуюся, на первый взгляд, легкость, очень тяжел даже в физическом отношении, когда им, например, приходится торопливо перебросить перед глазами покупателя массу товара; эта работа совершается ими в возбужденном состоянии, при опасении потерять покупателя и навлечь на себя через это недовольство хозяина, что ее делает особенно утомительной». Елизаветградский комитет находит, что продолжительность рабочего дня не должна превышать 12 часов с перерывом для обеда на 1 час, одесский комитет предлагает 1½-часовой перерыв, Самарский и Казанский—2-х часовой при 12 часовом рабочем дне. Петербургское городское управление высказало такое мнение: «суровый устав о содержащихся под стражей и тот знает праздничный отдых и даже нормировку рабочего дня для всех отбывающих наказания за самые тяжелые преступления», они пользуются 68, а в некоторых случаях 73 свободными от работы днями, для них установлен 11-часовой рабочий день летом и 10-ти часовой—зимой. Между тем, «труд приказчиков совсем не так легок, как думают некоторые» (изв. Петерб. Гор. Думы, ноябрь 1905 г.). Елизаветградская дума по ходатайству 200 приказчиков постановила возбудить ходатайство об установлении воскресного и праздничного отдыха по всей империи («Южн. Русь» 1905 года).

В течении 1902—1903 годов общества взаимопомощи в связи с поднятым министерством финансов вопросом о нормировании рабочего времени служащих, собирали общие собрания, обсуждали этот вопрос, соста-

вляли ходатайства и направляли их к правительству и биржевым комитетам. Но как раньше, так и теперь общества взаимопомощи не были инициаторами возбуждения вопроса: они плелись в хвосте рядовых служащих, находившихся вне-обществ, и только когда под действием ходатайства рядовых торговых служащих вопрос был поставлен правительством на обсуждение биржевых комитетов — общества взаимопомощи начали проявлять некоторую деятельность.

В 1905 году екатеринославские и полтавские приказчики обратились с ходатайством о нормировке рабочего времени для торговых служащих непосредственно к министру финансов. В ходатайстве предлагалось установить 10-ти часовой рабочий день, включая 2-х часовой обеденный перерыв, полный праздничный отдых и ряд других предложений: наем служащих не менее как на год, при рассчете ранее истечения срока договора уплачивать жалованье за остальную до срока часть года, а по истечении срока за 2 месяца, срок испытания для вновь поступившего служащего установить в 2 недели и, в случае негодности его, уплачивать жалованье за месяц, лечение за счет хозяина в течение 3-х месяцев; в случае ликвидации предприятия уплачивать жалованье за 3 месяца; установить государственное страхование на случай смерти, инвалидности и временной неспособности к труду, воспретить пользоваться в магазинах трудом детей до 12-тилетнего возраста, возложить на хозяев заботу о воспитании и образовании работающих у них детей и содержать их на свой счет или выдавать соответствующее вознаграждение.

С 1902 по 1905 г. министерство финансов собирало материалы и в его канцеляриях шла разработка законопроекта о нормальном отдыхе торговых служащих. В январе 1905 г. законопроект был готов.

Движение служащих уже выходило из тесных рамок обществ взаимопомощи, уже начинались забастовки служащих в отдельных городах, да и общества взаимопомощи, под давлением влившихся новых членов из массы служащих, изменяли свою почтительную физиономию, а также характер и темп своей деятельности. И министерство, подхлестываемое сведениями о начавшемся новом массовом движении и о требованиях, выставлявшихся торговыми служащими, изменило темп и характер работы, поведя ее в более спешном порядке, чем до 1905 года, и приняв принципы *полного* праздничного отдыха *и сокращения рабочего дня в будни.*

Для рассмотрения, законопроекта была составлена междуведомственная комиссия во главе с Тимирязевым, в которую были приглашены представители купечества и обществ взаимопомощи торговых служащих. Некоторые общества взаимопомощи, уже успев проникнуться новыми, дотоле чуждыми им, революционными методами борьбы, отказались послать своих представителей в комиссию, бойкотируя ее. Из 32 прибывших делегатов от обществ взаимопомощи 26 тотчас вышло из состава комиссии, отказавшись работать в ней после того, как им не дали решающего голоса. Таким образом, только 6 представителей обществ взаимопомощи помогали творчеству комиссии Тимирязева, в числе этих шести были представители

московского общества купеческих приказчиков и петербургского общества приказчиков и сидельцев. Екатеринославские торговые служащие также ответили на приглашение министерства финансов принять участие в работах комиссии: «Общее собрание взаимного вспоможения приказчиков, обсудив предложение министерства финансов и приняв во внимание: 1) что образование при министерстве финансов комиссии представляется учреждением бюрократическим, 2) что учреждения этого типа, как о том свидетельствует целый ряд примеров и в самое последнее время опыт комиссии Шидловского, не в состоянии разрешать коренных вопросов, связанных с экономическим бытом трудящегося класса, 3) что угнетенное экономическое положение приказчиков, как и всего трудящегося класса, находится в самом тесном соотношении с политическим положением всех граждан российского государства и что особенно тягостно для приказчиков евреев исключительное положение еврейского народа,—постановило от посылки представителя в комиссию при министерстве финансов отказаться.

Вместе с тем, в силу высочайшего указа от 18-го февраля, призывающего частные лица и учреждения высказаться о видах и предположениях по вопросам, касающимся усовершенствования государственного благоустройства и улучшения народного благосостояния, общее собрание находит нужным заявить, что единственным выходом из этого представляется освобождение от полицейско-бюрократического режима всей страны и созыв учредительного собрания на самых широких демократических началах, путем всеобщего, равного, прямого и тайного голосования, неприкосновенности личности, жилищ, право на национальное самоопределение и отмена всех ограничительных законов по отношению к еврейской нации и ко всем угнетенным народам России».

Эта резолюция показывает, что торговые служащие, под влиянием рабочего движения, уже дошли до понимания связи своих интересов с интересами всех трудящихся и что улучшение их положения неразрывно связано с изменением системы государственного устройства. Екатеринославские торговые служащие не были в этом отношении одинокими, они не являлись пионерами такого перелома в настроении торговых служащих: то же самое происходило повсюду, выражаясь только в различной форме. Ниже мы увидим, что в крупных промышленных торговых центрах передовая часть торговых служащих от понимания связи экономики и политики переходила к действию, к политической борьбе, большей частью создавая новые организации взамен обществ взаимопомощи.

Комиссия Тимирязева немного поторапливаясь, однако не смущалась начавшимся среди служащих движением и в мае открыла свои заседания, причем Тимирязев торжественно заявил: «министерство финансов убеждено, что настала пора серьезно подумать и у нас об улучшении положения того громадного класса разнообразных служащих, которых обычно обозначают общим наименованием приказчиков».

Летом комиссия закончила свои работы, а в августе министерство финансов в окончательной форме изготовило законопроект о нормальном

отдыхе торгово-промышленных служащих. По законопроекту устанавливался 13-ти часовой рабочий день с 2-х часовым обеденным перерывом, в течение 40 дней в году торговля могла продолжаться 15 час. в сутки, для служащих трактиров, ресторанов и кафе устанавливался 16 час. рабочий день в течение всего года, для торгующих съестными припасами полный праздничный отдых не устанавливался. Охрана постановлений законопроекта возлагалась на полицию, причем виновники нарушений их могли подвергаться штрафу не свыше 100 рублей.

Законопроект перешел затем во вновь учрежденное министерство Торговли и Промышленности. Это последнее еще раз переработало проект и еще раз разослало на рассмотрение заинтересованных в этом вопросе. И только в марте 1906 г. управляющий министерством Федоров внес законопроект на рассмотрение и утверждение в Государственный Совет, который нашел, что спешить с этим вопросом некуда, и что он поднят Мин. Тор. и Промыш. несвоевременно. Сокольский так описывает этот эпизод с вопросом о нормальном отдыхе служащих: «Федорову пришлось всячески изворачиваться, защищать себя, доказывать, что проект... вовсе не крамольный, а идет навстречу назревшей жизненной потребности... «Торгово-Промышленная Газета» поместила особую статью, где старается... обелить Федорова от нападок «Нового Времени» в том, что он, Федоров, стремлением осуществить свой проект, показывает слабость правительства, дающего уступку забастовщикам-приказчикам... но законопроект значительным большинством был отклонен и вновь перекочевал на жительство в канцелярию Министерства». И только 15-го ноября 1906 года законопроект появился в свет, в порядке 87 ст. основных законов, под названием «временные правила 15-го ноября 1906 г. об обеспечении нормального отдыха служащих в торговых заведениях, складах и конторах», когда в большинстве служащие достигли значительно лучших условий по сравнению с устанавливавшимися «Временными Правилами». Причины, побудившие издать «Временные правила» в таком «спешном» порядке, как и самое действие этих правил мы рассмотрим в связи с новыми формами движения торговых служащих и новыми для них методами борьбы за свои интересы.

II

Новые формы движения (1905—1906 г.г.)

Волна революционного рабочего движения, прокатившаяся по всей России после питерских событий 9-го января, захватила и торговых служащих. Торговые служащие, будучи промежуточным слоем по своему социальному положению и по своей психологии между мелкой буржуазией и рабочим классом, неспособны на самостоятельные решительные действия. Но под влиянием мощных взрывов рабочего движения, они быстро организуются для борьбы, усваивая применяющиеся рабочими методы и сливаются в общем потоке пролетарского возмущения. До 1905 г. торговые служащие постепенно пробуждались, спячка под гнетом купецкого капитала была слишком глубока, чтобы от нее можно было совершенно пробудиться при шуме первых вестников революционной бури, вспыхивавших то там, то здесь в промышленных центрах России в первые годы XX столетия. Потребовалась революционная буря 1905 г., чтобы служащие заговорили языком борющихся, а не вымаливающих милостыню под'яремных рабов. Были, конечно, и в эту пору отставшие от общего порыва группы служащих или сознательно не примкнувшие к движению, но дело не в них—они и в будущем будут спокойно сидеть по углам и со страхом, присущим обывателю, открещиваться от дьявола революции, а сознательно причисляющие себя к классу мелкой буржуазии, будут вести борьбу с революционными элементами. Массы же торговых служащих волновались и в процессе волнения выделяли из своей среды сплоченные ряды действительных революционеров, пошедших дальше защиты групповых интересов своей профессии, сливаясь в общем потоке пролетарского движения.

Движение служащих началось с февраля и весной приняло широкие размеры. Обычно оно начиналось с устройства собраний и митингов и выработки требований, в числе которых основным было — сокращение рабочего дня и установление праздничного отдыха. Это требование было боевым и вокруг него разгоралась борьба, переходя часто, если хозяева сопротивлялись, в стачку с демонстрацией. Местами применялся экономический террор к предприятиям особенно строптивых или нелюбимых хозяев или администрации фирмы.

Общества взаимопомощи оказались совершенно неподготовленными к такой борьбе, неспособными стать организующим центром движения

и как и в предыдущий период не поспевали за движением, а некоторые из них не пытались принять участие в нем и замкнулись в свою скорлупу, пропахшую ладоном благотворительности и угодливости перед уважаемыми принципалами. Лишь в некоторых городах (Саратов, Астрахань, Тамбов, Екатеринослав, Варшава) торговые служащие вливались в общества взаимопомощи и старались сделать их орудиями своей борьбы, в большинстве же случаев эти организации игнорировались, как непригодные для нового движения и рядом с ними организовывались профессиональные союзы по типу возникавших рабочих союзов, и эти союзы, выраставшие в процессе борьбы, становились центром движения торговых служащих во всех городах России. Местами общества взаимопомощи сметались порывом движения, от них оставались только накопленные ими материальные рессурсы, переходившие к организованным профессиональным союзам.

В столицах.

Свою книжку по приказчичьему вопросу Сокольский так начинает: «Вопрос о торговых служащих у нас в России сравнительно недавнего происхождения (писано в 1910 г.). Жизнь выдвинула его у нас в острой форме лишь несколько лет тому назад, когда почти совершенно неожиданно для общества молчаливые и пассивные до тех пор торговые служащие вдруг не только громко заговорили о своих особых интересах и кровных нуждах, но и смело, целым рядом организованных забастовок, выступили на защиту этих самых интересов. С того момента вопрос о торговых служащих приобрел сразу особую остроту, стал животрепещущим вопросом дня, которым одинаково заинтересовались и общество, и печать, и законодатель».

И в последующие годы «и общество, и печать (за исключением рабочей печати, всегда уделявшей место этому вопросу) и в особенности законодатель» «заинтересовывались» вопросом о торговых служащих, когда последние так или иначе открыто выступали против угнетения.

Движение торговых служащих и в 1905 и в 1906 годах происходило под знаком сокращения рабочего дня и установления полного праздничного отдыха.

В Москве и Петрограде это движение разгорелось весной. В Питере оно началось с организации во всех районах полулегальных «кружков», регулярно собиравшихся для обсуждения вопросов организации служащих и их борьбы за улучшение условий труда; в кружках велись беседы и на общеполитические темы; вошедшие в кружки торговые служащие вели агитацию среди своих товарищей по работе и втягивали в сферу «кружковой» организации все более широкие массы. На 29 мая в 11 час. утра руководители движения назначили митинг торговых служащих Питера под открытым небом на Сенатской площади; предварительным сборным пунктом был назначен Александровский сад, куда с утра за-

долго до 11 час., в воскресенье 29 мая и потянулись толпы торговых служащих со всех концов города. Все входы в сквер на Сенатской площади и в Александровский сад были заняты чинами полиции и жандармерии, причем пропускали только в одни из ворот Александровского сада (выход был свободен во все стороны). Было заметно, что полиция была усиленно мобилизована во главе с полицейскими офицерами. К 11 час. и сквер и сад были необычно полны для этого часа. Публика, пришедшая на утреннюю прогулку, чувствуя что-то «недоброе» спешила удалиться из сада и в нем остались лишь торговые служащие. Пробраться в сад становилось все труднее и труднее — пропускали уже только одиночек. Из сада собравшиеся толпой двинулись по главной аллее в сквер; но полиция преградила дорогу. Начался спор. В этот момент по указанию охранника несколько человек было арестовано, а через некоторое время полиция приступила к очистке территории сквера и сада. Вытесненные торговые служащие толпой бросились на Гороховую с угрожающими криками: «закрывай лавки!». Полиция пустила в ход кулаки, под крики и топот бегущих слышался треск и звон разбиваемых стекол в лавках и магазинах и ругань с сопротивляющимися лавочниками. Было арестовано еще несколько человек.

Первый митинг и демонстрация, таким образом, не удались по причине плохой организации и непривычки к открытым массовым выступлениям. «Кружки» же продолжали работать, накапливая силы, чтоб через несколько месяцев открыто об'явить о существовании профессионального союза приказчиков Петербурга (в октябре).

В марте или апреле организовался союз конторщиков и бухгалтеров, занятых в различного рода конторах, акционерных и страховых обществах, фабрично-заводских предприятиях и т. д. С организационной стороны союз сразу же занял одно из первых мест, но о его выступлениях не было слышно, — он носил на себе оттенок какого то общественного благородства и благообразия, и при умеренном характере деятельности этого союза, его хороший организационный аппарат проигрывал. По существу он больше походил на общество взаимопомощи, чем на боевой профессиональный союз. Задачи союза в уставе определялись как защита правовых и профессиональных интересов своих членов и содействие улучшению материальных и нравственных условий их жизни. Но какими средствами? Устав отвечает: денежные пособия и беспроцентные ссуды, бесплатная или удешевленная медицинская помощь, содействие в дешевой покупке предметов домашнего обихода и т. д. и т. п. Но где же стачка, это главное орудие борьбы профессиональных союзов в капиталистическом обществе. Союз находил ненужным это средство. Правда, за такую благонамеренность они надеялись получить утверждение их устава и санкцию на существование задолго до тех пор, когда союзы стали создаваться открыто, явочным порядком.

В Москве мысль об организации профессиональных союзов возникла среди торговых служащих в конце весны в результате движения

за сокращение рабочего дня и праздничный отдых. Не в пример Питеру, там создалось сразу несколько инициативных групп, занявшихся разработкой уставов, чуть не в каждой отрасли торговли предполагался самостоятельный союз. Но многие из них не доканчивали дела и распадались. Лишь одной из них при содействии московской группы социал-демократической партии удалось образовать в июне профессиональный союз торгово-промышленных служащих. Но союз, организовав около 300 наиболее сознательных приказчиков, остановился в своем росте. Дело в том, что руководители союза в качестве его платформы приняли целиком социал-демократическую программу-минимум; это обстоятельство останавливало широкие массы торговых служащих от вступления в него. В сентябре 1905 г. организовался союз приказчиков, торгующих съестными припасами. Осенью этого же года был организован союз торговых служащих под названием «В единении сила».

Этот союз возник по инициативе группы конторщиков, распространившей 15 октября 1905 г. воззвание к торговым служащим с призывом собраться в университете для обсуждения своих нужд. На собрание явилось около 800 человек, постановивших примкнуть ко всеобщей политической забастовке. На следующий день многие амбары и магазины были закрыты, общей или более менее крупной забастовки служащих в таком городе, как в Москве, конечно нельзя было ожидать при полной неорганизованности и разобщенности на многочисленные мелкие группы торговых служащих; в данном случае уже важен самый факт их участия в политической забастовке. Второе агитационное собрание было устроено 18 октября в Межевом институте. Это собрание избрало комиссию для выработки устава, который к 6 ноября уже был готов и обсуждался в этот же день на шеститысячном собрании служащих в «Аквариуме». В течение ноября союз «В единении сила» организовал около 2,000 человек. Он разбивался на секции или группы по отраслям торговли, причем наиболее сплоченной и сильной была группа железняков, что об'ясняется их особенно тяжелыми условиями труда, заставлявшими их искать выхода из своего положения при помощи организации, и тем, что им легче было сговориться, вследствие меньшей численности и разбросанности по городу. Железняки одними из первых в союзе выработали свои требования и через делегатов пред'явили их хозяевам; после отказа хозяев удовлетворить пред'явленные требования, железняки забастовали и после одиннадцатидневной единодушной забастовки служащих, хозяева сдались. Это было первым боевым крещением союза. Второе его выступление произошло во время стачки почтово-телеграфных работников, которая несла за собой большие неудобства для оптовых торговых фирм, дела которых в известной степени приходили в расстройство при прекращении деятельности почты и телеграфа. Купцы, по соглашению с биржевым комитетом, стали посылать своих конторщиков на места бастующих почтово-телеграфных служащих. Союз выпустил воззвание к конторщикам с призывом не выпол-

нять обязанностей бастующих и тем поддержать их. Кроме того, союз отчислил в фонд бастующих из своих еще небольших средств 200 рублей. Влияние союза быстро росло и хозяева в значительной степени прониклись «уважением» к его силе, сократили рабочий день, изменили свое обращение со служащими. Союз, впитав в себя ряд мелких союзников, к концу декабря насчитывал уже 3,000 членов, но реакция, наступившая после декабрьских событий, сильно затормозила дальнейшее развитие союза и его деятельность. Под действием постоянных преследований и отсутствия определенной квартиры союза, его связи с членами порвались и фактически союз представлял в начале весны 1906 г. сплоченную группу в 100 человек, готовую работать при всяких условиях. При таких условиях союз принял участие в агитации во время избрательной кампании в 1-ую Государственную Думу. С апреля союз снова начал расти благодаря энергичной организационной работе и неустанной агитации. Возвращению членов много способствовало то, что хозяева в дни реакции отбирали у служащих одно за другим сделанные ими завоевания. Была попытка устроить первомайскую забастовку торговых служащих, но в ней участвовало очень небольшое количество их. Некоторые фирмы увольняли активных работников по первомайской стачке. Для защиты их союзом был организован третейский суд.

Почти все союзы московских служащих организовались таким образом, как «В единении сила». Созывалось собрание, выбиравшее комиссию для выработки устава, комиссия по окончании своих работ, опять устраивала собрание, которое утверждало устав и выбирало постоянный орган для ведения дел союза.

Был еще в Москве организован союз бухгалтеров с характерным для этой профессии пунктом в уставе, выставлявшим требование устройства корпорации бухгалтеров по образцу присяжных поверенных. В уставах всех союзов, кроме пунктов экономического характера, вставлялись требования элементарных гражданских свобод.

Московский «Союз торговых служащих» за полтора месяца устроил до 20 собраний, на которых перебывало до 25 тысяч человек; все собрания—как и в других союзах—заканчивались речами по вопросам текущей политической жизни. Работа велась под руководством социал-демократов. В ноябре 1905 г. был организован еще один союз под названием «1-ый союз торговых служащих», об'единивший 1,200 человек.

В союзе книжников функционировал третейский суд, занимавшийся разбирательством конфликтов между хозяевами и служащими.

Московские торговые служащие принимали участие и в политических забастовках, наиболее заметно это участие было в декабре 1905 г. Общество взаимопомощи официантов участвовало в двух забастовках. Совет общества оффициантов выставил в начале своей деятельности требование не допускать замены мужского труда женским, во вновь же

открываемые заведения он требовал не приглашать женского персонала. После переговоров с хозяевами это требование было снято.

Некоторые московские союзы служащих, с целью пополнения своих средств, ставили себе задачей организацию своих торговых предприятий, как, например, союз служащих в пивных намеревался открывать пивные лавки (Дмитриев «Проф. союзы в Москве, «Правда», № 1, 1906. Есть отдельная брошюра; и протоколы 3-го с'езда). С мыслью об организации своих кооперативов носились в то время многие союзы торговых служащих. Практически же в этом смысле союзами, как таковыми, ничего не было сделано. Тут, вероятно, сказались дальнейшие политические условия, переживавшиеся страной, которые вообще мешали развитию союзов и их деятельности, а часто и совсем ставили над ними крест. Кроме того в Москве реакция, после декабрьского восстания 1905 г., чрезвычайно тяжело отозвалась и на союзах торговых служащих. До 1908 г. в Москве сохранился лишь один союз торговых служащих, насчитывавший к моменту его закрытия полицией в 1908 г. до 8,000 человек.

Петербургский союз приказчиков,—как мы уже знаем,—был организован другим порядком, чем это происходило в Москве. В Москве союзы выростали в результате борьбы за сокращенный рабочий день и праздничный отдых, в Петербурге же это движение началось с организации торговых служащих в полулегальные «кружки». Эти «кружки» не представляли собою отдельных инициативных групп, стремившихся организовать самостоятельные союзы и союзики, как это наблюдалось в Москве; все они были связаны между собою общим руководством одной инициативной группы и еще до 17 октября эти «кружки», представлявшие удобную форму для нелегальной организации, тотчас же оказались единым целым, об'явив себя «петербургским союзом приказчиков».

Таким образом, в отличие от Москвы, в Питере не наблюдалось такого распыления сил, и здесь было организовано лишь два союза служащих: 1) конторщиков и бухгалтеров и 2) приказчиков, в который входили вообще торговые служащие, а не только приказчики. Такое различие между Москвой и Питером мы будем наблюдать и в 1917 году.

14 или 15 октября в актовом зале университета состоялся большой митинг петербургских торговых служащих, который постановил примкнуть ко всеобщей политической забастовке. На второй день группы забастовавших служащих обходили магазины и закрывали их. В рабочих районах и ближайших к ним, по просьбе служащих, им оказывали помощь рабочие, обходя вместе с ними торговавшие магазины. В центре города забастовка не удалась—почти все магазины были открыты. Несколько служащих было арестовано. Более активно союз принял участие во второй политической забастовке, проведя перед этим несколько собраний.

После 17 октября союз начал развертывать свою деятельность, ведя энергичную организационную и агитационную работу среди служащих. К 30 октября союз добился закрытия магазинов в воскресные дни

Интересно сравнить, как изменилось отношение к этому вопросу представителей «отцов города»; в заявлении части гласных петербургской городской думы мы читаем: «Обязательное постановление думы о производстве торговли в праздничные и воскресные дни не соответствуют в данное время требованиям, как самих торговцев (а как недавно оно тоже «не соответствовало», но только по другим причинам—хозяева не желали праздничного отдыха), так и служащих в торговых предприятиях. О последних свидетельствует целый ряд возбуждаемых перед городскими думами и перед министром ходатайств различных обществ взаимопомощи приказчиков о сокращении продолжительности торговли в праздничные и воскресные дни. Считая вполне осуществимым для громадного большинства торговых предприятий, как сокращение торгового дня, так и непроизводство торговли в праздничные дни, предлагаем думе подвергнуть обязательное постановление пересмотру». («Извест. Пет. Гор. Думы», за1905 г.). Так изменились взгляды большинства думцев после изданного думой обязательного постановления под действием кавалерийского решения вопроса о праздничном отдыхе градоначальником Фон-Валь. Взгляды думцев изменились не под влиянием, конечно, слезниц обществ взаимопомощи: ведь недостатка в них и раньше не было. Но вернемся к союзу. Работа кипела по секциям и районам — почти ежедневные собрания в союзе, иногда по несколько в один вечер, на которых обсуждались как непосредственные нужды торговых служащих, так и вопросы текущего политического момента. Среди активных работников уже составилось надежное социал-демократическое ядро, фактически направлявшее всю работу союза. Постепенно начала развертываться и партийная работа среди членов союза. Все время в союзе поддерживалась напряженная, кипучая жизнь. Когда забастовочные комитеты и депутаты от отдельных предприятий оформились в Совет Рабочих Депутатов, то существовавший при союзе нелегально забастовочный комитет в числе 5 или 7 человек был делегирован в него в качестве представителей от союза.

Уже 16 ноября выяснилось, что старый состав Совета Союза не удовлетворяет своему назначению, так как в числе его членов были умеренные элементы, склонявшиеся в политических вопросах к тактике конституционно-демократической партии, и на большом общем собрании в «Соляном городке» было постановлено переизбрать Совет, ввиду того, что он «не удовлетворяет запросам жизни союза и не проявляет той активности, которая необходима для успешной деятельности союза».

С первых же дней своей деятельности союзу пришлось руководить многочисленными выступлениями групп служащих различных отраслей торговли и вмешиваться в конфликты между хозяевами и служащими отдельных предприятий. Авторитет союза в то время был так велик, что одно появление депутатов союза решало все споры, и хозяева быстро шли на уступки. Методы борьбы, применявшиеся в то время—стачка и бойкот. Позже, уже в 1906 г., борьба стала труднее, но помнится жизнь

один случай, когда требование союза о возвращении уволенного служащего не было удовлетворено одной крупной оптово-розничной фирмой; бойкот, об'явленный этой фирме, был поддержан торговыми служащими в провинции, но упорство администрации фирмы не было сломлено — оно согласилось только на уплату определенного вознаграждения уволенному служащему.

В 1906 году и после издания закона 4 марта об обществах и союзах деятельность союза не ослабла и он неуклонно рос, несмотря на постоянные придирки и препятствия со стороны полиции, ухитрявшейся выживать союз из занимаемых помещений. С марта месяца начал выходить печатный орган «Приказчик», чутко откликавшийся на все текущие вопросы политической жизни, и почти регулярно каждый номер этого журнала запрещался к распространению и закрывался. Поэтому через один, два номера появлялось другое название. Редактора арестовывались, но он все же просуществовал до 1907 г.

Социал-демократическая группа при союзе, как оформленная партийная организация, ко времени выборов в 1 Государственную Думу была уже значительной по своему организационному и идейному влиянию и приняла деятельное участие в выборной кампании по городской курии, проводя тактику бойкота.

Первое мая торговыми служащими было отпраздновано в одно из ближайших воскресений. С этой целью была устроена большая экскурсия вверх по Неве на двух ладожских пароходах. Как только пароходы отчалили от пристани, раздались звуки марсельезы и появились красные флаги, размахиваемые по направлению тюрьмы «крестов». В тюремных окошках замелькали лица, платки, а из некоторых были выброшены красные флаги, с обоих пароходов полетело «ура» в сторону узников. Недалеко от Шлиссельбурга, экскурсия высадилась на берег и был устроен митинг. В Петербург вернулись поздно ночью и подошли к пристани с пением марсельезы и криками «ура» по направлению тюрьмы, в окнах которой на этот раз мелькали огоньки размахиваемых почников.

Вся весна и часть лета прошли в упорной работе по организации союза и по составлению требований по отдельным секциям, а затем согласование их и составление требований от имени союза для всех категорий служащих.

Весною 1906 г. от имени союза в городскую думу была подана петиция, в которой были выставлены требования о сокращении рабочего дня, установлении праздничного отдыха для всех отраслей торговли и целый ряд других требований, касающихся условий труда и взаимоотношений служащих с хозяевами и администрацией предприятий. Петиция начиналась указанием на то, что улучшение условий труда «в интересах всей промышленности и торговли» России, ибо это позволит торговым служащим поднять свой культурный уровень и улучшить профессиональную подготовку служащих. Далее указывается на отсталость русской торговли по сравнению с западно-европейской и на низкий уровень обра-

зования личного состава руководителей торговли: «убеждение в несвоевременности в осуществлении этих задач,—говорилось в петиции, — настолько глубоко среди всех приказчиков, что Бюро (союза) в свою очередь советовало бы обратить на это серьезное внимание, чтобы впоследствии, если такового внимания оказано не будет, не встречаться с нежелательными инцидентами». В последующие после подачи петиции месяцы союз приступил к подготовке сил на случай частичных и общих выступлений, которые и начались во вторую половину лета, сосредоточиваясь, главным образом, на рынках Петербурга. Во время этих выступлений было побито не мало стекол в магазинах купцов (зимой прибегали обычно к химической обструкции, чтобы заставить, торговавшие съестными припасами мелкие лавки закрываться в праздничные дни). Полиция усердно арестовывала активных руководителей выступлений, но это не помогало хозяевам. В конце лета союз был закрыт, а общежитие, существовавшее при нем для пострадавших активных работников во время выступлений, вместе с его несколькими обитателями было «переведено» в полицейскую часть. Закрытием союза был нанесен большой удар движению, лишив его легальной организации. Но так как движение не только росло в ширь, но и пустило глубокие корни в гущу торговых служащих, то это лишь на короткий момент расстроило ряды организованных служащих; живые организационные связи, в лице делегатов от торговых предприятий, остались, центральное руководящее ядро также, и работа через небольшой промежуток снова закипела, но только уже нелегально. Для обсуждения общих вопросов движения депутаты собирались большей частью за финской границей, так как вследствие большого количества их устраивать собрания в самом Питере не было возможности. (Последнее такое собрание произошло весной 1907 г., где было констатировано, что движение закончилось, и для текущей работы и организации распылившихся служащих было постановлено приступить к организации союза на основании закона 4 марта 1906 г.).

После закрытия союза движение приняло еще более боевой и массовый характер и в результате его, еще до издания временных правил 15 ноября 1906 г., служащие отвоевали 10 часовой рабочий день для летних месяцев и 11—12 часовой для осенних и зимних и полный праздничный отдых. Правда, ряд мелких уличных магазинов и лавочек остались вне действия этих завоеваний, так как не могли принять активное участие в движении, но огромное большинство служащих воспользовались отвоеванными льготами.

Характерно, как усиливавшееся движение подгоняло мысль отцов города. И не успевали они построить один громоотвод, как он уже не годился и требовался другой. После подачи союзом петиции в городскую думу, последняя выделила подготовительную комиссию по вопросу о праздничном отдыхе служащих в торгово-промышленных предприятиях, которая, в момент усилившегося движения служащих, заявляла думе в своем докладе: «Вопрос о праздничном отдыхе торговых приказчиков,

постепенно и все быстрее и быстрее развиваясь, превратился в высшей степени серьезный вопрос о нормировке труда служащих всех торгово-промышленных заведений, и настолько обострился, что для решения его требуются самые решительные мероприятия в порядке законодательном, все же паллиативы, допустимые в пределах существующих полномочий городского общественного управления, не только не достигнут цели, но, напротив, могут повести к тем «нежелательным последствиям», о которых предостерегает петиция союза приказчиков» (Изв. Пет. Гор. Думы, ноябрь, 1906 г.). «Нежелательные последствия» наступили раньше, чем доклад был напечатан в «Изв. Пет. Гор. Думы», и хозяева, не ожидая замешкавшегося законодателя, отвергли паллиативы гораздо дальше, чем это в будущем сделает более расчетливый и хитрый законодатель, пытавшийся иногда убивать сразу двух зайцев. Но об этом ниже.

В рассматриваемый период, как в Петербурге, так и в Москве общества взаимопомощи находились в тени, о них мало кто думал. Два московских общества — купеческих приказчиков и коммерческих служащих, созерцали происходившее движение среди служащих, но приспособиться к нему не умели. Отношение общества купеческих приказчиков к новым формам движения ярко выразилось в поведении их делегатов на 3-м с'езде организаций торгово-промышленных служащих, когда, «в силу печально сложившихся обстоятельств на первых же его (с'езда) заседаниях, состоялся коллективный уход всех делегатов нашего общества» в числе 10 человек,—как меланхолически повествует 50-ти летний отчет этого общества. Уход делегатов со с'езда был одобрен обществом. Из протоколов с'езда видно, что «печально сложившиеся обстоятельства» заключались в нападках с'езда на трех делегатов, оставшихся сидеть в то время, когда с'езд почтил вставанием память погибших во время белостокского погрома; кроме того, они находили, что с'езд может заниматься только экономическими, чисто профессиональными вопросами и им претило привнесение в работы с'езда политических моментов и критика самодержавного строя. Петербургское общество приказчиков не проявило себя даже и этим, оно не приняло участия и в с'езде, в самом же Питере о нем меньше всего вспоминали. В Петербурге существовало еще общество взаимопомощи служащих в книжной, музыкальной и нотной торговле, насчитывавшее до 200 членов. Особенностью его являлось то, что оно находилось в сожительстве с обществом предпринимателей, организовавшихся с целью согласования коммерческой деятельности различных фирм. В силу того, что количество служащих в этой отрасли торговли было незначительно, а замена опытных служащих молодыми учениками вызывала много неудобств, вследствие особой квалифицированности, требовавшейся от служащих и приобретавшейся или долгими годами практики или в школе, специально для этого организованной при обществе хозяев, — словом, выучка опытного служащего обходилась хозяевам слишком дорого, чтобы они бросались служащими, с другой стороны, они не могли, как в других отраслях торговли, вести дела при помощи

учеников, ибо надо было пройти трехгодичную школу, чтобы только начать практиковаться в книжной торговле. Затем и сами хозяева книжники люди, непоходившие на обычных купцов во многих отношениях. В силу всего этого взаимоотношения между служащими и хозяевами сильно отличались от таковых в других отраслях торговли Совместное сожительство двух организаций привело к тому, что в 1905—6 годах они договорились и «поняли» друг друга. Хозяева пошли на некоторые улучшения в условиях труда: сократили рабочий день с 14 часов до 10 часов в сутки, с 2-х часовым обеденным отдыхом. Характерно, что хозяева, примыкавшие к правым политическим течениям, доказывали полную возможность осуществить 8-мичасовой рабочий день в книжной торговле без всякого ущерба для нее.

Так обстояло дело в столицах. Посмотрим, что происходило в провинции.

В провинции.

1) Движение торговых служащих.

Самой значительной забастовкой по количеству участников и дружности была забастовка тифлисских торговых служащих, начавшаяся 22 марта 1905 года. В ней участвовало до 15,000 человек, забастовка охватила почти все магазины и лавки в Тифлисе. Основное требование забастовавших — сокращение рабочего времени. На пятый день забастовки, 26 марта состоялось заседание купцов, на котором присутствовало из нескольких сот, всего лишь 37 человек. На заседание хозяев явились представители торговых служащих и настаивали на удовлетворении всех требований, в противном случае грозили снять из магазинов всех родственников владельцев магазинов и совершенно прекратить торговлю. Решительность служащих подействовала, и хозяева удовлетворили все требования, установив 10-тичасовой рабочий день.

В Екатеринославе первая забастовка приказчиков началась 27 февраля в 11 час. дня, почти одновременно во всех крупных магазинах. Через 2 часа половина магазинов в городе была закрыта, в мелких магазинах продолжали торговлю сами владельцы. Забастовавших насчитывалось до 6000 человек. Все забастовавшие не расходились по домам, а оставались на центральной улице. В предупреждение безпорядков была выслана жандармерия и казаки. Забастовка подготовлялась и проводилась при помощи нелегальных конспиративных организаций при участии и поддержке общества взаимопомощи приказчиков-евреев. Забастовка не была общей всех торговых служащих Екатеринослава, так как второе общество—общество взаимопомощи приказчиков христиан не примкнуло к ней, и все приказчики христиане оставались на местах; вследствие этого приблизительно половина магазинов работала нормально. Но это обстоятельство не понизило настроения бастующих, и они продержались десять дней, добившись 10-ти часового рабочего дня (12 час. с 2-х ча-

совым перерывом) и праздничного отдыха, а также заставили хозяев отказаться от репрессий против бастовавших. Не успела еще кончиться первая забастовка, когда общее собрание служащих постановило, чтобы общество взаимопомощи приступило к подготовке второй забастовки, которая и началась 2-го августа.

На этот раз удалось войти в соглашение с обществом приказчиков христиан, которое прислало к бастовавшим своих делегатов, поддерживавших требования бастующих, но в самой забастовке приказчики христиане участия не приняли, как и их делегаты не приняли участия в переговорах бастовавших с их хозяевами. Но уже один факт сочувствия с их стороны забастовке имел известное моральное значение. Вторая забастовка прошла с большим под'емом и были достигнуты большие результаты, чем в первую забастовку. Длилась она тоже десять дней, руководилась забастовочным комитетом. После забастовки по настоянию городской думы была создана паритетная комиссия из представителей служащих и хозяев в числе 10-ти человек для выработки соглашения, которое было разработано к половине октября в 33 пунктах. При обществе было создано нечто в роде примирительной камеры, разбиравшей многочисленные конфликты между служащими и хозяевами.

В Киеве в начале 1905 года происходили частичные забастовки в некоторых магазинах с пред'явлением экономических требований. Часть требований удовлетворялась хозяевами, часть отвергалась. Общество взаимопомощи, подталкиваемое забастовками служащих, 6-го марта 1905 года с разрешения губернатора созвало общее собрание, на котором было постановлено ходатайствовать перед правительством, а также обратиться к купеческому старосте и в Городскую думу с просьбой 1) об установлении в законодательном порядке полного праздничного отдыха, за исключением торгующих с'естными припасами, которые должны торговать до 9-ти часов утра, 2) об установлении 10-ти часового рабочего дня и 3) о введении расчетных книжек. Само собой понятно, как и встарь, ходатайство не дало никаких результатов. Но частичные забастовки, всполошившие общество взаимопомощи, привели в конце концов к тому, что в магазинах Киева установился 10½—11 часовой рабочий день и полный праздничный отдых; эти завоевания не распространялись на торговлю с'естными продуктами, хотя и тут некоторые фирмы принуждены были ограничить время праздничной торговли 3-мя часами.

В Харькове забастовок не было. Там приказчики ограничились устройством собрания и подачей заявления городскому голове с ходатайством «обратить свое просвещенное внимание на быт приказчиков и позаботиться» об его улучшении (протокол 3-го с'езда обществ взаимопомощи). Собрание, состоявшееся 20-го февраля, с разрешения губернатора, постановило, что торговля должна продолжаться не более 11 часов минус не менее 1½ часовым перерывом на обед. Дума, после горячих прений, при сильной оппозиции торговцев, установила 12 час. торговый

день с полуторачасовым перерывом, т.-е. 10½ рабочий день, за исключением служащих в булочных и фруктовых лавках.

Весной 905 г. группа воронежскихи торговых служащих численностью около ста человек предложила хозяевам установить нормальный рабочий день для торговых служащих. Хозяева не приняли этого предложения. Тогда приказчики, поддержанные рабочими, стали угрожать забастовкой, которую и назначили на 1-ое мая. Переполошившаяся администрация города настояла на закрытии магазинов 1-го мая. Хозяева после этого согласились между собой установить 12-ти часовой рабочий день и полный праздничный отдых, но через 2 недели перестали выполнять это соглашение. В первый же воскресный день после нарушения хозяевами соглашения группа приказчиков в 200 человек приступила к закрытию магазинов, но была встречена вооруженными чугунными перчатками группой подкупленных хозяевами черносотенцев-хулиганов. Произошло избиение приказчиков, в котором принимала участие и полиция. Обращение к городской думе также ничего не дало, и рабочее время не было урегулировано.

В июне 1905 года общее собрание курских приказчиков (всех приказчиков в городе насчитывалось 700 человек) возбудило перед городской думой вопрос о введении праздничного отдыха и нормировании рабочего дня служащих. Городская управа созвала комиссию из хозяев и служащих. В комиссии хозяева оказывали упорное сопротивление требованиям служащих, но в конце концов последние добились от них согласия на 10 час. рабочий день (12 часов минус 2-х час. перерыв) и полный праздничный отдых; купеческое общество утвердило постановление комиссии, а городская дума издала обязательное постановление, которое тотчас же было утверждено губернатором. Часть недовольных хозяев опротестовали постановление думы, так как оно незаконно (вспомните 108 ст. городов. положения) и постановление фактически перестало выполняться. Через 2 недели приказчики забастовали и начали закрывать магазины, но подвергшись избиению со стороны черносотенцев, прекратили забастовку. Движение снова вспыхнуло 1-го июня 1906 года, когда приказчики, конспиративно подготовившись, так быстро закрыли все магазины, что хозяева не успели дать отпора. 8-го июня магазины опять были открыты, толпа приказчиков приступила к их закрытию, на них набросилось около 200 человек подкупленных хозяевами черносотенцев, но на выручку к стачечникам подоспели приказчики мясники и солдаты местного гарнизона, и черносотенцы были рассеяны. Этим борьба закончилась, приказчики добились полного праздничного отдыха и 9-ти часового рабочего дня (за исключением булочных и хлебопекарен). Хозяевам, не желавшим подчиниться такому порядку и готовым нарушить его, губернатор Борзенко сделал внушение и все уладилось. Губернатору в данном случае важно было установить порядок и тишину в городе и волей неволей приходилось делать внушение строптивым купцам.

В Орле большинству приказчиков удалось в мае 1905 г. достиг-

нуть сокращения рабочего дня до 12-часов в сутки. Но вследствие конкуренции не примкнувших к этому соглашению торговцев, оно стало нарушаться. Тогда приказчики забастовали и в количестве 500—600 человек приступили к закрытию магазинов тех владельцев, которые нарушали соглашение или не присоединялись к нему. Перепугавшаяся администрация, боясь расширения беспорядков, стала воздействовать на хозяев, чтоб они удовлетворили требования служащих. По инициативе губернатора были образованы совещания из купцов и их служащих для обсуждения требований последних. Большинство хозяев—за исключением мясников, рыбников и мелочников—согласились на 12-ти часовой рабочий день и на 7-ми часовой в праздники. Приказчики остались неудовлетворенными и в августе подали в думу коллективное требование о полном воскресном отдыхе и требуя для всех 12 часовой рабочий день. Городская дума установила 12 час. рабочий день по будням для всех отраслей торговли и 6 часовой—по воскресным дням.

В Пензе сокращение рабочего дня и частичный праздничный отдых были достигнуты по соглашению с хозяевами в ноябре 1905 года. От имени приказчиков переговоры вел «комитет делегатов», избранный на собрании 500 служащих.

Вологодские приказчики 12-го апреля 1905 года вышли на улицу с требованием нормировки рабочего дня и праздничного отдыха, закрывая магазины. 14-го апреля было устроено собрание, постановившее требовать 12-ти часового рабочего дня и праздничного отдыха, а также введения расчетных книжек. Первые два требования были удовлетворены, третье нет. За соблюдением установившегося порядка наблюдали сами приказчики, тотчас же закрывая магазины неподчиняющихся хозяев. Общество взаимопомощи в этом движении, как и в большинстве других городов, не принимало никакого участия.

В Казани движение началось 6-го февраля 1905 года. В одно из воскресений собралось несколько сот приказчиков и пошли закрывать магазины. Были вызваны войска, явились полициймейстер и пристав. Войска вместе с черносотенцами начали избивать служащих. 13-го февраля приказчики снова начали закрывать лавки, на этот раз полициймейстер присоединился к толпе приказчиков и убеждал хозяев не противоречить им и закрывать магазины. После этого дума и торговцы постановили по воскресеньям открывать торговлю на полчаса, но вследствие протеста торговцев мусульман, дума отменила свое постановление. Но через некоторое время приказчикам удалось добиться праздничного отдыха для мусульман по пятницам, а для христиан и евреев—по воскресеньям.

Внезапной забастовкой в марте 1905 года самарские служащие добились 12 часового рабочего дня, праздничного отдыха и ряда других улучшений в условиях труда. Но за исключением 12-ти часового рабочего дня и праздничного отдыха, все остальные уступки хозяева постепенно взяли назад.

В августе 1905 года саратовские приказчики имели столкновение с полицией и были избиты ею. Общество взаимопомощи вынесло что-то вроде протеста против избиения, чем подняло свою популярность, и количество членов сразу удвоилось. В октябре приказчики забастовали, выставив ряд требований. Чем кончилась стачка, к сожалению, нам неизвестно. Известно только, что стачкой руководили и профессиональный союз и общество взаимопомощи.

В Астрахани в октябре, под влиянием известий о движении служащих в различных городах, начались совещания хозяев с целью предупредить выступление торговых служащих и в Астрахани, сделав некоторые улучшения в условиях их труда (полный праздничный отдых там был введен еще в 1891). Беспокойство купцов было не безосновательно, так как астраханские торговые служащие действительно начали вырабатывать требования и готовиться, на случай неуступчивости хозяев, к забастовке. Служащие выставили требование 10-ти часового рабочего дня. Хозяева настаивали на компромиссе, но под давлением губернатора, старавшегося предупредить конфликт, требование служащих было удовлетворено.

Надо отметить, губернаторы во многих городах вмешивались в конфликты между служащими и хозяевами в 1905 г. с целью повлиять на неуступчивых купцов. Причина тут для всех них одна—предупредить боевое выступление или прекратить его, если оно уже началось, без применения насильственных мер.

Такая тактика губернаторов об'ясняется меньше всего их гуманностью, которой они не были заражены и впоследствии придерживались другой тактики. Дело кроется в растерянности администрации, а если принять во внимание, что в некоторых городах единственным волнующимся активным элементом в это время являлись торговые служащие, иногда начинавшие движение и шедшие в авангарде его, то поведение губернаторов вполне понятно.

Не раз отмеченное выше поведение губернаторов в конфликтах служащих с хозяевами в такой же форме—давления на купцов, чтоб понудить их к уступчивости,—повторилось и в Уральске, где хозяева, по пред'явлении требований служащими о 12-ти часовом рабочем дне и о сокращении праздничной торговли, принуждены были удовлетворить их под влиянием уговоров губернатора.

Необходимо еще отметить общие забастовки служащих в Двинске 17-го февраля и в Варшаве 18-го апреля.

За недостатком и. отрывочностью сведений о движении служащих в 1905—6 годах, невозможно было подвергнуть эти сведения определенной обработке и приходится ограничиться изложением фактов для каждого города в отдельности. В таком же ограниченном количестве имеются у нас и сведения относительно возникновения профессиональных союзов, не дающие возможности сделать какие-либо сводки для всего профессионального движения служащих в России за рассматриваемые годы.

2) Профессиональные союзы.

Приводимые ниже данные о профессиональных союзах торговых служащих не дают полной картины не только о их деятельности, но и о количестве городов, в которых они организовались. Можно сказать, что в общем картина была повсеместно такова, как это рисуют нижеприводимые сведения; союзы в большинстве случаев не успели развиться и пустить глубокие корни в массах и их борьба со старыми обществами взаимопомощи большей частью мало отражались на последних, иногда совсем не затрагивая их, иногда же толкала их на перекраску под профессиональные союзы.

После издания закона 4-го марта 1906 года Екатеринославское общество взаимопомощи приказчиков евреев преобразовалось в профессиональный союз, разработав и проведя через общее собрание соответствующий новый устав в июне 1906 года. После этого в течение одной недели записалось более 500 новых членов.

В Харькове после 17-го октября приказчики делали попытки изменить устав общества взаимопомощи и характер его деятельности, но натолкнулись на сильное организованное сопротивление старых консервативных членов, борьба с ними затянулась, а затем наступила реакция и военное положение в 1906 г., заставившие оставить мысль о захвате общества взаимопомощи.

В Воронеже приказчики, убедившись, что общество взаимопомощи не может выступить на активную борьбу, организовали профессиональный союз коммерческих служащих, ставивший своей главной задачей добиваться улучшения экономического и правового положения служащих, защищать их классовые интересы. Издавался журнал «Голос Приказчиков» (до июня 1906 г. вышло 5 номеров).

В Курске, наряду с существовавшим 40 лет обществом взаимопомощи, был организован профессиональный союз приказчиков.

В Орле уже в 1906 году было организовано профессиональное общество приказчиков с целью борьбы за улучшение экономического положения торговых служащих. Предполагалось слияние его с обществом взаимопомощи.

В Пензе с октября функционировал профессиональный союз явочным порядком и полулегально и только после издания закона 4-го марта начал действовать открыто, об'единив вокруг себя около 200 приказчиков, недовольных деятельностью общества взаимопомощи.

Инициатива организации союза служащих в Туле зародилась в ноябре 1905 года и исходила от одного из членов общества взаимопомощи, но союз не был учрежден из-за неутверждения губернским управлением устава, несколько раз изменявшегося и подававшегося на утверждение.

Вологодский союз приказчиков ко времени 3-го с'езда насчитывал 140 членов. Ничем особенно не проявил себя. Организовался в апреле

1905 г. непосредственно после движения служащих за нормирование рабочего времени.

В Витебске союз приказчиков организовался после 17 октября при участии партийных организаций—евр. соц. раб. парт., р. с.-д. р. п. и с.-р. Союз сразу принял боевой характер и пользовался авторитетом среди купцов. За 7 месяцев он провел до 15 забастовок, занимался разбором конфликтов, причем хозяева подчинялись постановлениям союза. Он об'единил до 400 человек. Некоторым тормозом его количественному росту являлось то, что параллельно существовал партийный бундовский союз приказчиков.

В Казани союз организовался в ноябре 1905 г., но мало отличался от общества взаимопомощи, во всяком случае ничем себя не проявил.

Самарский союз приказчиков и конторщиков был организован в октябре 1905 года явочным порядком. Впоследствии об'единился с обществом взаимопомощи.

Осенью начал функционировать союз в Саратове явочным порядком, а в марте 1906 года он легализовался, причем главной причиной легализации было то, что до этого нельзя было устраивать открытых собраний.

В 1905 г. до до октября месяца в Астрахани действовала нелегальная организация торговых служащих и издавала свой журнал под названием «Труженик». После 17 октября эта организация совместно с членами общества купеческих приказчиков приступила к организации профессионального союза. Во время подготовительных работ от них откололись конторщики и бухгалтера, организовавшие свой союз, об'единивший около трети астраханских конторщиков (270 человек). Приказчики же организовали свой союз, об'единивший около 4000 человек. Так как уставы обоих народившихся союзов не утверждались, то количество их членов начало падать, достигнув ко времени появления закона 4 марта у конторщиков менее 200, а у приказчиков 700. Главной, более глубокой причиной упадка этих союзов являлось то, что им уже не приходилось вести активную борьбу с хозяевами. После издания закона 4 марта союз приказчиков не нашел для себя возможным приноровиться к этому закону, а конторщикам, подавшим свой устав на утверждение, было заявлено, что они не имеют права организоваться в союз. Оба они постепенно распались.

В Уральске в 1905 г. до октября существовал нелегальный союз, который затем выступил открыто, причем привлек к себе всех служащих членов общества взаимопомощи, так что в последнем оставались лишь хозяева и их доверенные. Союз руководил борьбой служащих и провел несколько частичных стачек и одну общую в 1906 г. за повышение заработной платы, окончившейся удачно для служащих.

3-й с'езд и требование торговых служащих.

3-й с'езд обществ взаимопомощи, состоявшийся в июне 1906 г., не был похож на первые два с'езда. В это время уже существовали профессиональные союзы и некоторые из них приняли участие в с'езде. Спе-

циальных приглашений на с'езд они не получали, но были допущены на него. Представительство на с'езде не отличалось полнотой. Многие общества взаимопомощи не прислали делегатов. Совершенно не были представлены Сибирь и Кавказ, почти не был представлен север и запад России. На с'езде было 111 делегатов от 41 организаций (О-в вз. и проф. союзов), из коих 71 делегат от 10 организаций Москвы. Профессиональные союзы представлены на с'езде 29-ю делегатами от 8 союзов, из них 24 делегата от 3-х московских союзов и 5 делегатов от 5 провинциальных союзов.

Разбивку делегатов по политическим группировкам нельзя произвести за отсутствием данных. Но по списку делегатов и по выступлениям на с'езде можно судить, что среди делегатов в небольшом количестве были социал-демократы и социалисты-революционеры. Большинство же делегатов представляло собою бесформенную массу в политическом смысле, но определенно настроенную оппозиционно к самодержавно-полицейскому правительству, и лозунг учредительного собрания был на с'езде очень популярен. Среди делегатов были и умеренные элементы, о чем можно судить как по некоторым выступлениям, так и по инциденту, происшедшему при почтении жертв белостокского погрома. Характерно также для того времени и для настроения с'езда, что, когда, после прощальной речи Рамишвили, делегаты предложили спеть марсельезу, то председатель Фрейман сделал раз'яснение, что с'езд не политическая организация, а экономическая, и перед ним деловая работа, которую надо довести до конца, а пение марсельезы может этому помешать, а потому и неуместно. Непряхин в своей брошюре также недоволен, что с'езд отразил «общее беспокойно-нервное настроение»; этим он об'ясняет и «ненужные эксцессы, имевшие место на с'езде», а «до чего нелепы были иногда эти эксцессы» он приводит пример как «некоторые участники с'езда выразили *странное желание петь марсельезу* (курс. мой), и председателю едва удалось удержать с'езд от исполнения этого шумно выраженного ребяческого желания».

Впоследствии Непряхин и его единомышленники еще больше будут негодовать на 4-ый с'езд 1913 г., когда делегаты не выражали желания петь марсельезу, но определенное большинство их тесно сомкнулось около бюро социал-демократической фракции и отчасти около народнической группы. Во всяком случае, несмотря на то, что умеренные и правые элементы обществ взаимопомощи хотя и стушевались в общей массе оппозиционно-настроенных делегатов, их настроения все же просачивались в работах с'езда и отразились в тактике и резолюциях с'езда. С'езд не мог не отразить в своих работах требований служащих, выявленных в повсеместно происходившей борьбе за изменение условий труда, но настроения умеренных сделали эти требования простым итогом, лишенным действенной души. С'езд не указал путей достижения намеченных целей, не сказал как это можно сделать,—словом, не выступил организующим и направляющим фактором движения служащих, он довольствовался при-

нятием резолюций-требований, резолюций-материалов для их законодательной разработки. Принятая с'ездом резолюция «о профессиональной борьбе», составленная в общих туманных выражениях, была совершенно недостаточна в этом отношении; в ней указывалось, что «профессиональные союзы» и о-ва взаимопомощи должны приложить все усилия к немедленному проведению в жизнь тех постановлений, которые могут быть проведены в жизнь помимо законодательства и употребить все усилия на проведение в массы торгово-промышленных служащих идеи о необходимости тесного об'единения для усиленной борьбы за требования, которые могут быть осуществлены лишь законодательным путем». Каковы средства и формы борьбы об этом ни звука. И главное, с'езд не оставил после себя постоянного боевого органа борьбы.

Таким образом вся революционность с'езда выразилась в том, что он возложил свои надежды на Государственную Думу, совершенно умолчал о необходимости вести *активную открытую* борьбу за свои требования, чтоб добиться воплощения их в законодательные нормы или провести в жизнь без оных. Ублюдочность обществ взаимопомощи наложила свою печать и здесь. В этом слабая сторона с'езда. Кроме влияния старых руководителей обществ взаимопомощи, на работах с'езда несомненно отразился и тот факт, что наиболее боевые и непосредственные требования служащих—сокращение рабочего дня и праздничный отдых—в большинстве городов и для подавляющего большинства служащих уже были установлены в результате борьбы за них, и еще неискушенные опытом и знанием, что вырванные уступки надо уметь удерживать постоянной готовностью к борьбе, к активному выступлению,—делегаты с'езда с легким сердцем поручили интересы служащих законодательным органам. Но, несмотря на все это, 3-й с'езд далеко ушел по сравнению с первыми двумя. С'ехавшиеся представители обществ взаимопомощи выступали не только от своего имени и с собственными пожеланиями, как было на первых двух с'ездах,—они говорили от имени массы служащих, вступившей на путь борьбы, выражали интересы и настроения этой массы, в основе их работ лежали *требования* торговых служащих, частью уже проведенные в жизнь. Соответственно духу времени, 3-му с'езду не пришлось выслушать речи, подобно произнесенной на 1-ом с'езде нижегородским городским головой, бароном Дельвигом, указавшим на ненужность с'езда, напоминавшим о рамках законности, предупреждая, что «напрасны будут ваши цветы красноречия», а по вопросу о регулировании взаимоотношений между служащими и хозяевами просто отрезал—лучше бы с'езд этим вопросом не занимался. 3-й с'езд слышал речи Рамишвили, депутата Госуд. Думы, говорившего о классовой борьбе пролетариата с буржуазией, а вместо молебнов—с'езд требовал исполнения марсельезы. Представители обществ взаимопомощи, представленные в подавляющем количестве, подчинились общему настроению торговых служащих, и, вопреки всей своей прежней деятельности, признали, что только классовая борьба совместно со всем пролетариатом может улучшить положение служащих, что

в целях классовой борьбы «необходима организация массовых боевых профессиональных союзов»; представители обществ взаимопомощи признали далее, что общества взаимопомощи не могут заменить собою профессиональных союзов, и что функции взаимопомощи должны быть подчинены «задачам борьбы». Тут уже нет и следа благотворительного духа,—с'езд встал на путь признания необходимости классовой борьбы и боевых профессиональных союзов. В этом его главное отличие от первых двух с'ездов, тут он верно отразил начавшуюся революционную эпоху и вступление торговых служащих на путь активной борьбы. Об этом свидетельствуют и принятые с'ездом требования, в которых заявляется о максимальном 8-ми часовом рабочем дне, причем для конторского труда требуется 6-ти часовой рабочий день, о запрещении сверхурочных работ, 42-х часовом еженедельном отдыхе, воспрещении труда детей моложе 16-ти летнего возраста и 6-ти часовом рабочем дне для подростков от 16 до 18 лет, о ежегодных отпусках, об уравнении оплаты женского труда с мужским, о государственном страховании, санитарном надзоре, о выборной инспекции, об уголовной ответственности хозяев за нарушение законов по охране труда—и ряд других, менее важных.

Временные правила 15-го ноября 1906 г.

Упадок движения торговых служащих в годы реакции и под'ем в 1912—14 годах. 4-й с'езд.

Пока кадеты мечтали о формировании своего кадетского министерства, а меньшевики вели поучительные дискуссии о том, какая польза будет для русской революции, если министрами при Николае II станут главари конституционно-демократической партии, истые рыцари «народной свободы», и убеждали в правильности своего мнения большевиков, которые не соглашались с ними, что кадетское министерство принесет пользу революции,—пока все это происходило, революционное движение начало затихать, рабочие утомились непривычной революционной борьбой, и начали вырисовываться контуры реакции. Правительство Николая Последнего почувствовало под собой твердую почву и—распустило 1-ую Государственную Думу, на которую возлагались надежды 3-им с'ездом обществ взаимопомощи торговых служащих. Правительство, чтоб показать торговым служащим свои заботы о них и отвлечь их взоры и надежды от Государственной Думы и левых партий, чтоб привлечь симпатии торговых служащих к правительственным партиям во время выборов во 2-ую думу, решило в спешном порядке на основании 87 ст. осн. закон. издать так называемые «Временные правила 15-го ноября 1906 г. об обеспечении нормального отдыха служащих в торговых заведениях, складах и конторах». По существу этот закон, по сравнению с достигнутыми завоеваниями, ничего нового не давал, а своими пояснительными статьями ухудшал положение значительной части торговых служащих. Но он имел большое

значение в том смысле, что был первым законом, долженствовавшим нормировать труд служащих.

Первая ст. «Временных правил» устанавливала 12-ти часовой рабочий день с перерывом на обед в 2 часа и 15 часов. рабочий день для служащих трактирного и ему подобных промыслов, бань, купален и пр. Но дальше начинаются пояснения и из'ятия, направленные к еще большему ухудшению закона: в течении 40 дней в году могут быть разрешаемы сверхурочные работы по 2 часа в день; в лавках, торгующих с'естными продуктами, рабочий день может быть увеличиваем, когда продуктам грозит порча; во всех отраслях торговли работы могут быть продолжены при несчастных случаях, угрожающих товару или торговому помещению: покупатели, вошедшие в магазин до его закрытия, должны быть удовлетворены и после наступления времени окончания торговли, но это не все: во всех других случаях сверхурочные работы устанавливаются по соглашению хозяина со служащими за особую плату. Таким образом, от первой, отнюдь не идеальной,—статьи не оставалось ровно ничего, особенно если принять во внимание, что контроль за соблюдением норм закона был поручен полиции и органам местного самоуправления (вспомните их состав). Далее ст. 5 правил устанавливает, что «в воскресные дни и двунадесятые праздники торговля и занятия служащих не могут производиться». Но пунктом 3 ст. 9 возлагалось на местные самоуправления, а там, где их не было, на губернаторов, составление обязательных постановлений «о разрешении производства всякого рода или отдельных видов торговли и занятий служащих в воскресные и праздничные дни» в течение не более 5-ти часов. Согласно ст. 5 праздничный отдых не распространялся совсем на торговлю с'естными продуктами, трактиры, погребальными принадлежностями, ярмарки, базары и т. д.

Проведение закона в жизнь было возложено на местные самоуправления, которые для составления обязательн. постан. должны были составлять смешанные комиссии из Думцев или земцев, представителей хозяев и прдставителей организаций служащих по равному количеству. При определенном классовом составе местных самоуправлений, служащие в смешанных комиссиях имели одну треть голосов и не могли отстаивать в них свои интересы.

Естественно, что закон 15-го ноября не возымел на служащих того действия, на которое расчитывали столыпинские законодатели, и при выборах во 2-ую госуд. Думу торговые служащие в значительной части отдавали свои голоса левым партиям. Поэтому перед выборами в 3-ю Государственную Думу, в связи с общим направлением политики Столыпина, правительство нашло более выгодным угодить купечеству и привлечь его на свою сторону, издав дополнение к закону 15 ноября, новеллу 12 сентября 1907 г., значительно ухудшавшую положение торговых служащих.

Чтобы обеспечить себя со стороны торговых служащих, опять таки в связи с общей политикой избирательные права были сохранены

только за теми служащими, кои уплачивали или определенный квартирный налог, или выбирали промысловое приказчичье свидетельство. По этой причине избирательными правами по всей России могли пользоваться лишь 232.609 приказчиков, все остальные остались за бортом.

Правительство уже не церемонилось и не дипломатничало, так как ко времени роспуска 2-ой Госуд. Думы революционное движение совершенно затихло, реакция стояла во весь свой рост, и естественно, что в движении торговых служащих уже ничто не напоминало, кроме кое-где сохранившихся профессиональных союзов, или, местами, вновь открываемых, на место задушенных. Но эти организации были слабы и малочисленны и влачили жалкое существование, постоянно находясь под ударами полицейских репрессий—разгона собраний, неразрешения их, закрытие союзов, аресты и высылки работников.

При таких условиях проводился в жизнь декрет 15 ноября, одобренный новеллой 12-го сентября. Начиная с 1907 г. улучшения в условиях труда, добытые в 1905 и 1906 годах, постепенно отбирались хозяевами, нормы же закона действовали в пользу служащих лишь постольку, поскольку хозяева хотели их выполнять или поскольку служащие готовы были отстаивать их, что в некоторых городах и наблюдалось.

По данным музея содействия труда при московском отд. русск. технич. общества лишь в 1/3 всех городов постановления о нормальном отдыхе соблюдались (в Царстве Польском временные правила 15-го ноября не были совсем опубликованы). Почти в половине городов (в 44,5%), ответивших на анкету музея, постановления соблюдались не полностью и не всеми торговцами. По моим наблюдениям в провинциальных городах закон соблюдался в большей степени, чем в столицах, причем и в провинциальных городах чем значительнее они были по своей торговле, тем меньше там соблюдался закон 15-го ноября. Это доказывает, что в более крупных центрах эксплоатация служащих была сильнее, чем в городах с малым торговым значением, и особенно сильна была эксплоатация в Петербурге и Москве. В Петербурге, например, 10 часовой рабочий день соблюдался только оптовыми фирмами и в летние месяца всеми крупными рынками, но при этом, при наступлении 15-го мая ни один год не обходился без битья стекол в тех магазинах, владельцы которых не подчинялись установившемуся порядку. Праздничный отдых в Петербурге не соблюдался до 1912 г. значительной частью даже мануфактурных и т. п. торговцев. И только с 1912 года, с началом подъема движения петербургских торговых служащих, он начал распространяться все шире и шире. По упоминавшемуся уже обследованию, произведенному в 1908 г., только для 7,1% петербургских торговых служащих рабочий день продолжался 11—12 часов, для 59% он равнялся 13—14 час., для 20%—15 час., для всех же остальных выше 15 часов.

Как выполнялся закон 15-го ноября по всей России, дают представление цифры, добытые Верховским на основании анкеты музея труда. Положение до издания новеллы 12-го сентября рисуется в таком виде:

в воскресные дни и двунадесятые праздники торговля совершенно не производилась в 30% всех городов. Но несколько часов служащим приходилось работать в эти дни в 18% городов. Полный праздничный отдых для служащих, занятых во всех отраслях торговли, кроме торговли с'естными припасами, соблюдался в 52% городов, служащие же в торговле с'естными припасами в этих городах работали в воскресные дни и двунадесятые праздники по 3, 4, 5 и более часов.

В будни в 66,6% всех городов служащие работали зимой 12 часов в сутки, менее продолжительный рабочий день существовал в 33,3% всех городов. В летние месяца 12 часовой рабочий день существовал в 70,8% всех городов, меньше 12 часов—в 29,2% всех городов. Большее количество городов с 12 часовым рабочим днем в летние месяцы получается потому, что в Сибири, обычно, в зимние м-цы торговля продолжается меньшее количество часов, а в летние—бол.ше.

После же издания новеллы 12-го сентября, значит в 1908 и 1909 годах (данные охватывают период 3-х лет: 1907, 1908, 1909 г. г.) положение заметно ухудшилось. Тут, конечно, сказывается не столько самый факт издания новеллы, как думает Верховский, сколько углубление реакции, меньшая сопротивляемость торговых служащих вводившимся хозяевами ухудшений в условия труда по сравнению с революционными годами. С под'емом движения в 1912—14 годах новелла не помешала служащим снова отвоевывать более короткий рабочий день и полный праздничный отдых. Во всяком случае, по данным Верховского, после издания новеллы полный праздничный отдых по воскресным дням в предприятиях, не торгующих с'естными припасами, соблюдался лишь в 39% всех городов (вместо 82% в 1907 г.), в 37% городов существовал 5-ти часовой рабочий день в воскресные дни. В предприятиях-же, торгующих с'естными припасами, в воскресные дни существовал 5-ти часовой рабочий день. В двунадесятые праздники пользовались полным отдыхом в 52—60% всех городов служащие, кроме занятых в торговле с'естными продуктами, которые работали в эти дни 5 часов и более.

В будние дни летом 12 часовой рабочий день служащих, кроме с'естников, был установлен в 91, 7% всех городов, а зимой—78%. Наряду с 12 часовым рабочим днем встречается уже 14—15 часовой рабочий день. Приведенные данные дают чрезвычайно общее представление, скрадывая многие и весьма значительные уклонения в действительной жизни. К тому же эти данные добыты путем анкетного опроса городских самоуправлений, которые давали сведения почти исключительно о нормах, установленных обязательными постановлениями, которые в значительной части обходились торговцами. Для более конкретного представления полезно сравнить эти данные с приведенными выше цифрами для Петербурга.

Теперь проследим дальнейшие шаги правительственных попечений о торговых служащих и посмотрим, как отнеслись к этим попечениям сами торговые служащие.

«Временные правила 15-го ноября 1906 г.» были внесены в качестве правительственного законопроекта во 2-ую государственную думу, которая не успела рассмотреть его. С изменениями от 12-го сентября 1907 г. законопроект поступил в 3-ю государственную думу, где по рассмотрении его в комиссиях, он поступил в Пленум Думы в 1911 г. Государственная Дума отвергла все поправки, внесенные фракциями левых партий, и законопроект вышел из думы даже в несколько ухудшенном виде. Но комиссия Государственного Совета пошла еще дальше по пути ухудшения законопроекта. Она постановила удлинить рабочий день до 15-ти часов в сутки для всех отраслей торговли и отменить праздничный отдых. Это происходило в 1912 г., когда движение служащих, под влиянием усилившегося рабочего движения, снова начало подниматься и переходить в открытые частичные выступления против хозяев. Постановление комиссии Государственного Совета дало общий непосредственный толчок движению торговых служащих и об'единило их по всей России в едином протесте. По всей России происходили собрания торговых служащих, выносивших протесты против поползновений сановных старцев вернуть служащих в отношении рабочего времени к дореволюционным временам.

Но как только выяснился характер протеста и адресаты, которым они направлялись, собрания во многих местностях перестали разрешаться; но это не остановило служащих, ибо удар был слишком силен, и продолжали волноваться. Из 57 протестов, направленных в Государственную Думу, по подсчетам Л. Германова, 30 адресованы социал-демократам, 12 оппозиции вообще, 10 кадетам, 2 кадетам и трудовикам, 2 трудовикам.

К кадетам протесты направлялись как к отдельным местным депутатам, а не как к партии, протесты же, направленные к социал-демократам, адресовались во фракцию. Это обстоятельство, а также и количество направленных протестов социал-демократам показывает, что большинство торговых служащих определенно смотрели на социал-демократическую партию, как на представительницу своих интересов. 4-ый с'езд вполне подтвердил эту мысль.

Пленум Государственного Совета нашел, что комиссия слишком церемонилась с законопроектом, а по выражению сановника Дурново потакать «шайке приказчиков» не следовало, и законопроект подвергся дальнейшей стрижке. Но он не мог стать законом, так как полномочия 3-й думы кончились, и законопроект, вместо согласительной комиссии, опять вернулся в Государственную Думу (в 4-ую). Там о нем вспомнили в 1916 году, когда в мае м-це комиссия по рабочему вопросу приступила к его рассмотрению. Но дальше он не пошел, а революция 1917 г. отбросила много старого хлама, в том числе и законопроект о продолжительности рабочего времени торговых служащих.

3-ей Государственной Думой был также принят проект о договоре найма торговых служащих. Комиссия Государственного Совета оставила свои следы и в нем, но он испытал ту же судьбу, что и законопроект о рабочем дне.

Волна рабочего движения после Ленских событий влила энергию и дух протеста и в торговых служащих. С 1912 г. движение служащих, почти совершенно заглохшее в годы упадка рабочего движения, снова начинает оживляться. Самым характерным явлением этого периода были экономические стачки торговых служащих и их стремление к организации. Всюду торговые служащие пытаются восстановить разрушенные или пришедшие в упадок организации. Наиболее определенно и типично движение происходило в Петербурге, где с 1912 года начали открываться профессиональные союзы торговых служащих по отдельным отраслям торговли. У служащих отнюдь не было стремления разбиваться по отдельным союзам, но присутствие по делам об обществах и союзах категорически отказало зарегистрировать единый союз торговых служащих, мотивируя тем, что нельзя же, мол, зеленщика или мясника об'единить в одном союзе с мануфактуристом или одежником.

Действительная причина заключалась, конечно, не в том, а в известном опасении единого сильного союза, а отсюда стремление раз'единить служащих на несколько союзов. (Это было проделано еще в 1907 г., когда тоже отказались регистрировать общий союз торговых служащих. С 1907 г. функционировало 4 союза торговых служащих. Все они были закрыты в 1909 г. за об'единение руководства союзами). По существу это вредило об'единению петербургских служащих лишь на половину. В период 1912—14 годов, как и в 1907—09 годах, только формально существовало 5 союзов (мануфактуристов, хозяйственников, с'естников, прочистов и служащих трактирного промысла—только с 1913 г.), на деле же они представляли единое целое, с единым руководством и планом деятельности (это единство проводилось, разумеется, нелегально). К 1914 г. эти пять союзов об'единяли больше 3,000 членов, наиболее активных элементов торговых служащих. В это время существовал также союз конторщиков (фабрично-заводских, страховых, транспортных и т. п. предприятий), но он не был связан с союзами торговых служащих.

С 1912 г., как только начали организовываться союзы торговых служащих, стал выходить журнал «Вестник Приказчика», под руководством группы большевиков торговых служащих. Журнал имел значение всероссийского печатного органа и распространялся от Петербурга до самых дальних уголков—Сибири, Кавказа, Севера и т. п., что ставило петербургскую группу большевиков в центре движения торговых служащих России. К «Вестнику Приказчика» отовсюду тянулись связующие нити, помогавшие хоть до некоторой степени давать общее направление движению, которое медленно нарастало, накапливая силы, организуясь. Движение этого времени не было таким стихийным и стремительным, как в 1905—6 г.г.; требовалось время, чтобы оно распространилось в ширь и глубь торговых служащих. Некоторое представление, недостаточное, правда, полное, о масштабе и характере движения торговых служащих могут дать сведения о их забастовках, подсчитанные мною по данным «Вестника приказчика». Всех забастовок приказчиков за

время 1912 г. по май 1914 г. зарегистрировано «Вестником приказчика»—29 По городам они распределялись так. В Петербурге—12, в Самаре—2, в Екатеринославе—1, в селе Петровском (Ставропольской губ.)—1, в Новороссийске—1, в Ростове на Дону—1, в Вильно—1, в Бахмуте—1, в Оренбурге—3, в Верхнеудинске—2, в Красноярске—1, в Ачинске—1, во Владивостоке—1, и 29 забастовка, так называемая, второвская, охватившая 15 городов Сибири. Количество бастовавших не поддается точному учету, так как не во всех корреспонденциях сообщалось об этом. В 16 забастовках участвовало 1,436 человек, из них 1.200 человек во второвской и 236 человек в 15 единичных стачках; в 13 забастовках—1,370 бастовавшими потеряно рабочих дней 37,727½; надо заметить, что это число меньше действительного, так как второвская забастовка продолжалась больше месяца, но не зная точного количества дней, мы берем ее продолжительность в 30 дней. В среднем каждый забастовщик (из 1,370 человек) потерял 27½ рабочих дней. Из всех 29 стачек, только 8 были выиграны служащими, во всех остальных победа осталась на стороне хозяев, в том числе и проигранная второвская стачка, привлекшая к себе общее внимание своей выдержанностью и упорством; и если она окончилась поражением, то только вследствие отсутствия материальных средств. В Иркутске в этой стачке принимали участие и женщины. Самыми упорными и дружными стачками были стачки из-за нарушения договора и нормального отдыха, так сказать, оборонительного характера. Это доказывает, что служащие перестали молча сносить ухудшение условий труда. Все стачки этого рода за исключением двух, в Оренбурге, были проиграны служащими. Такова стачка в Красноярске, длившаяся неделю, в которой участвовало 19 человек, в Верхнеудинске, длившаяся 3 недели, с количеством участников в 25 человек. Обе они проиграны из-за штрейкбрехеров. Второвская стачка вспыхнула из-за нарушения товариществом договора о рабочем дне, заключенного в 1906 году; забастовавшими были выставлены и другие требования, как-то: учреждение третейского суда для разбора конфликтов, бесплатная медицинская помощь и проч. Петербургская стачка в 6 магазинах механической обуви Максимова, в которой участвовало около 65 служащих, возникла из-за отказа хозяина оплачивать сверхурочные работы; были выставлены и другие требования; забастовка длилась около 2 недель и проиграна из-за штрейкбрехеров, причем пикетчики, уговаривавшие штрейкбрехеров не поступать на работу, арестовывались; только это последнее обстоятельство и помогло хозяину набрать достаточное количество новых служащих на места бастующих. Большее число стачек носили смешанный характер: предъявлялись требования и чисто экономического характера, и о договорных отношениях, и о нормальном отдыхе. На втором месте по количеству их стоят стачки из-за нарушения хозяевами договоров и нормального отдыха, установленного законом 15 ноября 1906 г., и обязательными постановлениями местных самоуправлений. Были случаи забастовок из-за солидарности к уволенным товари-

щам; в таких случаях выставлялось требование об обратном приеме последнего. В Петербурге была забастовка, в которой бастовавшие выставили только одно требование: «вежливое обращение хозяина со служащими».

Почти все выигранные служащими стачки нужно отнести на счет боязни хозяев такого способа борьбы; пред дружной забастовкой служащих, хозяин обыкновенно терялся от неожиданности, став в первый раз лицом к лицу с забастовкой служащих, и старался как можно скорее уладить конфликт, особенно в предвидении переговоров с союзом, часто не входя в оценку ни своих сил, ни сил забастовавших. Но такой оборот стачки принимали почти исключительно в мелких предприятиях, с числом служащих от 3 до 5 человек. В более же крупных предприятиях борьба велась упорно, при весьма неравных силах, и победа неизбежно оставалась на стороне хозяев, ибо организации служащих были еще слабы, чтобы выдерживать длительные стачки. Большинство стачек в Петербурге и в провинции, в том числе и стачка второвцев в Сибири, были проиграны именно вследствие слабой организации и недостаточной солидарности. На места бастующих всегда находились штрекбрехера (во второвской стачке их не было), хотя бы и бессознательные, и срывали стачку. По этому же все стачки, носившие упорный и длительный характер, оканчивались поражением служащих. Выигранные служащими стачки продолжались обыкновенно от 1 до 3 дней.

Приведенные данные не охватывают всех забастовок торговых служащих, происходивших в 1912—14 годах; в подсчет вошли лишь те из них, о которых было сообщено в «Вестнике приказчика». Но и на основании этих данных можно сказать, что методы борьбы, применявшиеся рабочими, стали проникать и в среду торговых служащих и стали применяться последними, несмотря на менее благоприятные условия для такого рода борьбы, чем у рабочих. Движение торговых служащих все больше по своим формам и сущности приближалось к рабочему движению.

В самом начале кампании протестов торговых служащих против постановления комиссии Государственного Совета (см. выше) у обществ взаимопомощи возникла мысль созвать с'езд организаций торгово-промышленных служащих. Депутация от петербургского общества взаимопомощи, направившаяся к Тимирязеву с ходатайством (их методы не изменились) получила в ответ на нижайшие просьбы: «бейте стенку лбом, все равно не прошибете». Это было весной 1912 г., но через несколько месяцев, под влиянием поднимавшегося движения, министр торговли и промышленности ответил, что «с'езд, несомненно, будет разрешен», и с'езд был разрешен—с урезанной программой, обставленный различного рода полицейскими препятствиями и рогатками, этот с'езд, 4-й с'езд организаций торгово-промышленных служащих, собрался в Москве в последних числах июня 1913 года.

Ни одна организация торговых служащих не отказалась послать на этот с'езд своего представителя. Была представлена вся Россия и далекие окраины. Если у правительства были какие-нибудь надежды на то, что старые руководители обществ взаимопомощи сумеют придать с'езду благонамеренный тон, то оно ошиблось—торговые служащие смотрели на этих руководителей, как на представителей интересов хозяев и на с'езде с первого же дня разгорелась жестокая борьба между старыми руководителями обществ взаимопомощи и сторонниками классовой борьбы торговых служащих против эксплуатации, бывшими на с'езде в большинстве. С'езд раскололся на две крупные части: на группу делегатов столичных обществ взаимопомощи и некоторых провинциальных (главным образом, из центральной России), во главе с кадетом Щепкиным, и социал-демократическую фракцию, называвшую себя по цензурным условиям с'езда группой классовой борьбы; эта группа насчитывала в своих рядах около ста социал-демократов (большевиков, меньшевиков и бундовцев) и около 30—50 беспартийных делегатов, голосовавших с социал-демократами (смотря по вопросам—их количество колебалось); третью часть составляла группа лево-народников, насчитывавшая 40—50 человек, а при некоторых голосованиях 60—70. Почти по всем вопросам, за исключением выборов, народники голосовали с социал-демократами, но разница в тактике и принципиальных вопросах народников давала себя сильно чувствовать. Социал-демократическая группа находилась под сильным влиянием большевиков, благодаря энергии и сплоченности последних, и это обстоятельство сказывалось на всех ее выступлениях.

С первых же заседаний у с'езда начались столкновения с представителем полиции, знаменитым московским приставом Строевым, и с'езд все время работал в нервной напряженной обстановке. Консервативные элементы с'езда поставили себе одну задачу, сохранить с'езд во чтобы то ни стало,—группа классовой борьбы решила выявить и отчетливо формулировать нужды торговых служащих и задачи их движения, дать определенное организующее направление этому движению. Когда консервативные представители увидели, что верх одерживают сторонники классовой борьбы по всем вопросам, они решили пойти на срыв с'езда, и в пленуме, на котором принималась резолюция по договору найма (нормальный отдых и государственное страхование, как «опасные» вопросы были отодвинуты на конец с'езда), вели себя чрезвычайно шумно и разнузданно, прерывая выступавших от группы классовой борьбы. Строев, почувствовав такого ретивого союзника, вел себя по отношению к с'езду безобразнее, чем в предыдущие заседания, останавливал ораторов, запрещал при вступлении говорить от какой группы выступают (эту мысль ему подали шумевшие правые) и, наконец, закрыл заседание под свист и негодующие крики делегатов, под еле скрываемые торжествующие улыбки доверенных и старших приказчиков, составивших тесную компанию вокруг Щепкина, хотя многие из них были октябристами и правее. Президиум сейчас же об'явил заседание секции по вопросу о нор-

мальном отдыхе, но Строев тоже не растерялся и, возбужденный свистом и криком делегатов, об'явил секцию закрытой прежде, чем президиум ее успел занять места за столом. На следующий день 4-го июля делегаты нашли вход в помещение с'езда закрытым и охраняемым нарядом полиции во главе с приставом Строевым. Проезжавший накануне через Москву министр внутренних дел по докладу московского градоначальника распорядился закрыть с'езд за его «вредное направление». Практически с'езд ничего не успел сделать. Были приняты резолюции лишь по второстепенным вопросам—по жилищному (специально о хозяйских квартирах), о промысловом обложении торговых служащих и т. п.; резолюцию по договору найма так и не успели принять, не закончив обсуждение ее по пунктам; вопросы же о нормальном отдыхе и государственном страховании, предполагавшиеся самыми боевыми и значительными для торговых служащих, не успели даже поставить на обсуждение секций. 4 июля делегатам с'езда было сообщено, что «за участие в с'езде никто не будет арестован». Но в этот же день были арестованы 4 бундовца, а на следующий день 4 большевика, двое из них члены бюро социал-демократической фракции с'езда, оставшиеся для выработки плана действий после закрытия с'езда. Как потом выяснилось, они были преданы провокатором Малиновским, активно работавшим по организации и руководству соц.-демократич. фракции с'езда. Арест произошел после того, как план вчерне уже был набросан, но при аресте бумаги с этим планом удалось сплавить в портфель Малиновского, который, как депутат Госуд. Думы, не мог подвернуться обыску, и благодаря этому предательство не имело серьезных последствий для арестованных.

Работы с'езда не были закончены—он был насильственно разогнан. Важнейшие вопросы с'ездом не были обсуждены, обсуждение некоторых из них было прервано на средине. Но все же, несмотря на это, с'езд имел огромное значение в том смысле, что отчетливо и резко отразил антагонизм между пустившими корни профессиональными организациями и обществами взаимопомощи старого типа (на окраинах, особенно в Сибири, общества взаимопомощи сохраняли только название их, так как не разрешалось открывать союзы, по существу же своей деятельности они почти не отличались от профессиональных союзов). Все работы с'езда протекали в накаленной атмосфере беспощадной борьбы между этими двумя типами организаций, двумя типами движения торговых служащих; борьба велась между революционной пролетарской частью с'езда, с одной стороны, и частью представлявшей собой интересы хозяев, в лице их доверенных и других высших служащих (как, например, секретарь атамана Кубанской области), во главе с кадетом Щепкиным. С'езд показал, что время старого типа движения ушло безвозвратно, и что новый тип движения, с ясно выраженным революционным характером, завоевывает влияние в широких массах торговых служащих. И Щепкину было на что сердиться, разнося представителей нового типа движения в «Русских Ведомостях» после закрытия с'езда: торговые служащие

обманули не только надежды правительства, но и надежды «кадетов» на голоса торговых служащих, отдававшиеся все чаще и чаще социал-демократам при выборах в Госуд. Думу, несмотря на то, что наиболее пролетарская масса была исключена из списков выборщиков.

После с'езда движение торговых служащих не затихло, оно накапливало силы. Усилилась агитация и организационная деятельность. Особенно лихорадочная работа шла в Петербурге, где кроме разрешаемых в обычном порядке общих собраний, часто устраивались нелегальные собрания в окрестностях Петербурга, иногда, чтобы обмануть бдительность полиции, под видом экскурсий. На этих собраниях велась широкая политическая агитация, связывавшаяся с непосредственными нуждами торговых служащих, среди которых усиливалось оживление и интерес к своим организациям, к своему печатному органу и к текущим политическим вопросам. «Организации торговых служащих в Петербурге прокладывают себе новые, почти неизведанные пути. Поэтому торговым служащим приходится упорно работать, чтобы идея профессиональной организации проникала в широкую массу, над которой тяготеют еще «купецкие» нравы, которую держат в кабале помощью хозяйских квартир»,—писал А. Званов, в «Просвещении» за сентябрь 1913 г. Особенно усиливается деятельность петербургских организаций торговых служащих в 1914 г., когда, наряду с проведением единичных стачек и конфликтов, союзы развили лихорадочную организационную работу и широкую агитационную кампанию. А нелегальный центр организаций петербургских торговых служащих усиленно подготовлял кампанию за 8-ми часовой рабочий день, в связи с выработанным фракцией большевиков Госуд Думы законопроектом «о максимальном 8-ми часовом рабочем дне». В это время нелегальный центр петербургских торговых служащих готовился принять участие в международном конгрессе профессиональных союзов. Полиция все чаще и чаще стала закрывать собрания торговых служащих в Петербурге, при их шумных протестах против такого насилия. Часто неугодные полиции ораторы арестовывались при выходе с собрания, но их редко удавалось довести до участка: они отбивались от полиции торговыми служащими, если полиция благоразумно не вызывала усиленного наряда городовых. Одно собрание союза мануфактуристов, закрытое помощником пристава, окончилось уличной демонстрацией, успевшей дойти от Серпуховской улицы по Загородному пр. и по Гороховой до Симеоновского моста, где она была рассеяна полицией, причем несколько демонстрантов было арестовано. Вообще в этот период петербургские организации торговых служащих несли большой урон работников — арестовывавшихся и высылавшихся, но работа не ослабевала, а усиливалась, организации росли, — росло и количество преданных энергичных работников, и движение сулило развиться в мощный поток, об'единенное с общепролетарским рабочим движением. Но вдруг все оборвалось. Началась мировая бойня. Все рабочие организации были разгро-

мены, той же участи подверглись и организации петербургских торговых служащих. Наступила мрачная пора. Но сохранившиеся от тюрьмы или от фронта работники не пали духом и, быстро подсчитав свои силы, начали подпольную работу, подвергаясь жестоким преследованиям и карам со стороны жандармов. Часть беспартийных работников сосредоточила свое внимание на кооперативном движении, были увлекшиеся общим грязным потоком шовинизма, но их было немного среди петербургских работников торговых служащих.

В провинции движение совершенно заглохло. Организации в большинстве случаев сохранились, но влачили жалкое существование: лучшие работники выхватывались и бросались в тюрьмы.

Между тем, экономическое положение торговых служащих во время войны начало сильно ухудшаться с ростом дороговизны. Заработная плата или совсем не повышалась, или повышалась настолько незначительно, что повышение ни в какой степени не смягчало дороговизны. Усилился приток женского труда. Усилилась эксплоатация, а выхода не было видно. «Нам приходится работать очень много, потому что некоторые фирмы до сих пор не заменили ушедших на военную службу, некоторые же, хотя и заменили служащих, но дешевым трудом и девочками подростками, которым приходится исполнять трудные обязанности взрослых. В общем работа приказчиков увеличилась, так как очень часто приходится перебирать товары, стирать старые цены и ставить новые с большей надбавкой. Некоторые фирмы в Иркутске прибавили своим приказчикам раза по три... Одна фирма выдала служащим годовой оклад. В Омске был случай выдачи после учета магазина 7-месячного оклада. В Чите фирма Высоцкого сделала прибавку от 80 до 100%. Многие же фирмы прибавили от 10 до 30%. Между тем, жизнь вздорожала от 20 до 150%. Но не все фирмы делают прибавки. Некоторые же сделанные прибавки засчитали за долги» («Иркутская Жизнь», 26/VII—1916 г.). Таково было положение торговых служащих в Сибири. Оно значительно хуже было в России, где дороговизна на предметы продовольствия росла сильнее, и особенно скверно было положение служащих Петербурга, центра наибольшей эксплоатации торговых служащих.

Общества взаимопомощи (старого типа) остались верны своим традициям. Они пытались не отставать от общего патриотического настроения, охватившего мелко-буржуазную обывательщину, и по мере своих сил приносили жертвы на окровавленный алтарь отечества, алтарь наживы капиталистов, за который посылались умирать миллионы рабочих и крестьян. Одни из обществ устраивали лазареты, другие—сборы, третьи—организовывали помощь, а нижегородское общество устроило «день торговых служащих», посвященный помощи пленным.

По этому случаю общество выпустило сборничек, где много доказывалось, какая хорошая вещь взаимопомощь, но где, понятно, не разъяснялось, что разбойничья война ведется в интересах кучки миллионеров.

и что рабочие и крестьяне сотнями тысяч гибнуть за интересы своих эксплоататоров и миллионы томятся за эти же интересы в плену. Они по старому способны были только затуманивать мозги трудящихся, мечтая о «нетерпеливо ожидаемой... новой эпохе... развития России», эпохе, будто бы долженствовавшей наступить в результате победоносной войны. История решила иначе, и все пошло другим путем.

III.*)

От отдельных союзов к общероссийскому об'единению.

1. Движение 1917 года.

Непосредственно, вслед за свержением самодержавно-полицейского правительства, наряду с рабочими профессиональными союзами, быстро выростают и союзы служащих. 1917 г. от апреля до августа и позже отмечен повсеместными стачками служащих за повышение заработной платы, установление восьмичасового рабочего дня и др. улучшения в условиях труда, причем после каждой стачки заключались коллективные договоры как с отдельными купцами, так и их группами и об'единениями. Стачки возникали стихийно, принимая сразу массовый характер, и союзам, только что начинавшим становиться на ноги, редко удавалось вполне овладеть движением, по крайней мере, так было в крупных центрах. Оканчивались стачки в большинстве случаев полной победой, особенно в первые месяцы февральско-мартовской революции, когда хозяева, оглушенные революцией, растерялись под невиданным дотоле напором служащих. Условия, в которых протекали стачки, между прочим, открыли глаза многим служащим на сущность буржуазного правительства, называвшего себя революционным. Государственная власть, в лице буржуазной милиции, деятельно помогала хозяевам, чиня насилия над стачечниками, вплоть до арестов и избиений. Особенно рьяно преследовались стачечники в Петрограде и особенно свирепо расправлялась с ними милиция в то время, когда в правительстве были представители партии меньшевиков и эсеров. Можно сказать определенно, что в период буржуазной революции союзы служащих, в большинстве своем были настроены революционно, вне зависимости от того—руководили ли ими большевики или меньшевики. Последние под напором масс принуждены были волей не волей итти за ними, чтобы не выпустить из своих рук руководства над теми союзами служащих, в которых они обосновались.

В забастовочном движении торговых служащих этого периода была одна отрицательная черта, разлагающе влиявшая на них еще

---

*) По техническим условиям „Очерк" набран двумя разными шрифтами.

нетвердо оформившуюся классовую психологию, вызывая вредные настроения, сближавшие, торговых служащих с мелкой буржуазией, растворявшие их в ней. Истерпевшиеся за долгие годы лишений и гнета, торговые служащие, почувствовав слабую сопротивляемость, а иногда и полное ее отсутствие со стороны хозяев, пред'являли требования о прибавках к заработной плате за большие сроки назад, иногда за год, за два и с самого начала войны. При удовлетворении таких требований на долю отдельных служащих приходились сравнительно крупные суммы, и некоторые из них соблазнялись возможностью перехода из наемников в хозяев, открывая магазинчики. Впрочем, широкого распространения это не имело, и масса торговых служащих была вполне застрахована от такого превращения, находя множество дыр в своем скудном бюджете, которые надо было заткнуть—думать о собственной лавочке или магазине массовому торговому служащему не приходилось. Кроме того, что собственнические тенденции захватывали не массу служащих, а лишь единицы их верхушек,—эти тенденции не были общим явлением для всей России, они наблюдались в некоторых крупных торговых центрах. После же октябрьского переворота вновь народившиеся мелкие хозяйчики из приказчиков, например, в Питере, приходили в союз и заявляли о ликвидации своих предприятий, сдавая все остатки товаров соответствующим советским органам: собственность еще не успела развратить их, и они не превращались в спекулянтов.

а) Возникновение и деятельность союзов до октябрьской революции.

До 1919 г. не было единого Всероссийского союза служащих. В каждом городе были самостоятельные союзы различных групп служащих торговых, фабрично-заводских, банковских, страховых и т. д., действовавшие совершенно самостоятельно друг от друга и не имевшие общероссийских об'единений, за исключением банковских служащих. Поэтому в этом периоде нам не придется говорить о профессиональном движении служащих, как о едином целом, рассмотрим его в отдельных частях и, если окажется возможным, сделаем общие для всех них выводы. Основные тенденции движения служащих в 1917 г., намеченные выше, характерны для всей России и для всех групп служащих лишь с некоторыми отличиями в методах достижения поставленных целей и тактике.

Между союзами отдельных городов одной и той же группы служащих и различных групп в одном городе были весьма большие отличия в их отношениях к текущим политическим событиям, что сказывалось и на партийном составе руководителей того или иного союза. Как первые, так и вторые различия,—надо заметить, связанные между собою,—выяснятся при конкретном изучении движения.

До создания Всероссийского об'единения, наибольшей стройностью и силой отличается движение петроградских служащих, и нам

более революционным, как по характеру своей деятельности, так и по методам борьбы, является движение петроградских торговых служащих. И поэтому мы вполне сознательно начинаем с последнего.

Еще не успели смолкнуть выстрелы на улицах Петрограда, как создалось несколько инициативных групп из старых работников союзов торговых служащих. Сознавая важность единства, все они об'единились в одну организационную группу по созданию союза. 4 ст./ст. марта было проведено два больших подготовительных собрания торговых служащих для выборов в Совет Рабочих и Солдатских Депутатов. На следующий день состоялось пятитысячное собрание в цирке Чинизелли, на котором были избраны депутаты в Совет, и им было поручено организовать союз; таким образом, инициативная группа была оформлена в организационное бюро, которое немедленно приступило к работе. С первых же шагов выяснилось намерение группы фабрично-заводских конторских служащих организовать отдельный от торговых служащих союз. Эта группа сначала вошла в организационное бюро, но при разработке устава выяснились коренные разногласия между представителями торговых служащих—с одной стороны, и фабрично-заводских—с другой. Разногласия эти были принципиального характера, и в процессе споворов они не сглаживались, а углублялись. Дело в том, что во главе торговых служащих, как это было и в прежние годы в Питере, начиная с 1905 г., встали большевики, а фабрично-заводских служащих представляли люди, несогласные с принципами большевизма. Окончательный разрыв не произошел сразу, так как антибольшевистские элементы питали надежду получить влияние на массы торговых служащих, и только когда выяснилась тщетность этой надежды, они открыто порвали и приступили к организации союза фабрично-заводских конторских служащих. Указанные трения и бесконечные переговоры сильно тормозили ход работы и только 19-го марта (ст. ст.) удалось созвать первое собрание для рассмотрения устава. Устав встретил резкую оппозицию со стороны меньшевиков в лице представителей фабрично-заводских служащих, но большинство собрания оказалось на стороне организационного бюро, основное ядро которого состояло из большевиков. На втором собрании 25-го марта (ст. ст.) устав был утвержден и было избрано временное центральное правление союза в числе 30 человек, при этом 5 мест было предоставлено фабрично-заводским служащим. На первом же заседании правления, после выборов президиума, в который попали только большевики, все 5 представителей фабрично-заводских служащих прочли 5 деклараций на тему о том—как они понимают профессиональное движение и как они несогласны с большевистским пониманием его; декларации заканчивались сложением полномочий и уходом из совместной работы с торговыми служащими; спустя не-

которое время был организован союз фабрично-заводских служащих во главе с меньшевиками.

В среде торговых служащих также образовалось несколько сепаратистских групп, стремившихся организовать союзы по районам. Основной причиной возникновения таких групп были политические разногласия: эти группы создавались или меньшевиками или лицами, близко стоявшими по своему мировоззрению к обществам взаимопомощи. Чтобы положить конец такому дроблению, Цент. П—ние, наряду с политической агитацией в массах торговых служащих, приступило к лихорадочной организационной работе по созданию районных и секционных организаций, чем выбивалась практическая почва из-под ног антибольшевистских групп. Расчет был вполне правилен и в короткое время, по мере организации районных отделений и секций, организационные группы меньшевиков и правее их умирали естественной смертью, за отсутствием влияния в массах торговых служащих и практической почвы для работы против большевиков. Лишь в Петроградском и Василеостровском районах антибольшевистские тенденции держались до конца 1917 г. и начала 1918 года, так как в правления этих районов были допущены меньшевики, все время стремившиеся не выполнять директив Центрального Правления, которое долгое время не уделяло достаточного внимания работе в этих районах. На практике меньшевики и эсеры-ствующие допускались в районные правления, но в других районах при более активном составе масс, эти партии не пользовались большим влиянием и при попытках идти в разрез с линией Центрального Правления, сбрасывались и заменялись большевиками или сочувствовавшими им. Самый большой по количеству торговых служащих и самый активный—Спасский район, бывший основой союза, с самого начала шел за большевиками. В этом районе работники гостиноодворского общества взаимопомощи пытались создать самостоятельный союз «в единении сила», но первое же общее собрание этого союза, после выступлений на нем членов Центрального Правления союза торгово-промышленных служащих, постановило ликвидировать свой союз и слиться в общем союзе, несмотря на отчаянные протесты организаторов «В Единении Сила». Таким образом, после первого же общего собрания этот союз, с душком авантюризма, остался без членов. Правда, некоторая сумма, составленная из уже собранных вступительных и членских взносов, которую организаторы не сдали в кассу общего союза, как постановило общее собрание, дала возможность самозванцам просуществовать несколько месяцев в одной из квартир на Фонтанке. Впоследствии остаток сумм все-таки был получен под угрозой суда, но получить отчета на израсходованные суммы так и не удалось. Во время самой крупной забастовки, охватившей все рынки, расположенные в Спасском районе, руководители этой организации пробовали вмешаться в ход

стачки, стараясь сорвать ее, но были поставлены на свои места, и исход забастовки от их выступления не пострадал.

В течение первых трех—четырех месяцев союз торгово-промышленных служащих в процессе экономической борьбы очень быстро рос и насчитывал больше 25 тысяч членов. После июльских событий, когда свирепствовала травля большевиков и всего, что напоминало их, условия для экономической борьбы были сильно стеснены, открытые выступления жестоко преследовались, хозяева почувствовали крутой поворот революции вправо и у них появилась былая надменность и открытое игнорирование интересов служащих. Стеснение экономической борьбы сразу отразилось на росте союза и на настроении его членов. Неуклонный поступательный рост остановился. Среди вступивших начало проявляться равнодушие к организации, и поддерживать среди них интерес к своей организации приходилось с большим трудом. Союз не захирел, правда, потому что основное активное ядро его не потеряло бодрости и веры в революцию и все время вело открытую борьбу с воздвигавшимися препятствиями и работало по укреплению союза, а это вызывало со стороны служащих симпатии и веру в свою организацию, и число ее активных работников с каждым днем росло. Но новый усиленный рост начался только после октябрьской революции, когда хозяева окончательно были подавлены и растеряны, и когда союз мог приступить к нормированию заработной платы и остальных условий труда в общегородском масштабе. Каким чутким барометром политических перемен являются массы, показывает еще один факт: в тот самый день, когда стало известно о движении на Петроград ударных немецких отрядов, грозивших смести власть большевиков, в союз записывались единицы, тогда как в предыдущие дни желающих были сотни, и когда движение немцев остановилось, усиленный прилив новых членов опять начался.

Особняком в профессиональном движении Петрограда стояли банковские служащие, которых насчитывалось в Петрограде до 10 тысяч человек, организовавшиеся в союз фактически лишь в конце мая месяца. В начале марта у них состоялось собрание, постановившее организовать совет служащих в кредитных учреждениях, который занялся бы организацией профессионального союза, а до тех пор этот совет, по постановлению собрания, должен был стать руководящим органом банковских служащих. Через некоторое время от всех кредитных учреждений были избраны представители в названный совет; среди избранных были доверенные, заведующие отделами и управляющие банковскими отделениями—все администрация, которая была представлена в совете большинством. Служащие одного банка избрали даже директора в совет. Такой состав совета заранее обрекал его на бездеятельность в отношении организации служащих

и защиты их интересов. Правда, в этот период банковские служащие провели в жизнь 6-тичасовой рабочий день, но совет в этом совершенно не был повинен, хотя потом он и приписывал эту заслугу себе. В Русско-Азиатском и Азовско-Донском банках были проведены удачные забастовки, но совет не организовывал их и не руководил ими—это было не его дело. В уставе союза, выработанном советом и принятым общим собранием, был пункт, разрешавший вступление в союз директорам банков.

До организации союза банковских служащих, союз торгово-промышленных служащих пытался привлечь их в свои ряды; для облегчения работы по привлечению их, а также служащих страховых и транспортных учреждений, при союзе была организована секция конторщиков. Но попытки эти не увенчались успехом,—трудно было так быстро изжить аристократизм этих групп служащих, оставшихся совершенно чуждыми духу пролетарской борьбы и поэтому сторонившихся от организации совместно с торговыми служащими. Они, в массе слабо развитые в политическом и профессиональном отношении, охотно доверили свои интересы крупной и мелкой администрации учреждений, стоявшей на страже интересов финансовых заправил и спекулянтов, что резко обнаружилось после октябрьской революции, когда под руководством комитета союза банковских служащих проводилась политическая забастовка не только в банках, но и в остальных государственных и частью городских учреждениях. Верхи служащих бастовали сознательно, желая сохранить господство капиталистов, массы же служащих шли под нашептывания верхов, не скупившихся и на прямые угрозы лишения места и заработка, веры же в прочность пролетарской власти у этой массы не было, и она подчинялась давлению верхов.

Кроме союза банковских служащих, был также организован союз страховых и транспортных учреждений, влачивший безобидное существование. Руководители союза торгово-промышленных служащих до последнего момента боролись за организацию всех этих служащих в одном союзе, но массы их безропотно подчинялись своим руководителям из верхов, и выступления представителей торговых служащих за совместное об'единение встречались несочувственно.

Фабрично-заводские служащие кроме союза были организованы по предприятиям в советы старост. Центральный совет старост об'единял всех фабрично-заводских служащих Петрограда в количестве до 80 тысяч человек. Центральный совет подготовлял и руководил борьбой служащих за повышение заработной платы и за установление 6-тичасового рабочего дня. Эта борьба началась в мае месяце переговорами с обществом фабрикантов и заводчиков, а когда выяснилось, что последнее не пойдет на уступки,—была об'явлена забастовка служащих, при поддержке рабочих союзов текстилей и металлистов. В дело вмешалось Министерство Труда и забастовка

была приостановлена, причем в основном требования служащих были удовлетворены. В сущности говоря, главную роль в движении фабрично-заводских служащих сыграл Центральный совет старост, а не союз. Но и первый, после боевого натиска на хозяев, стушевался.

О союзе же мы еще услышим после октябрьской революции, когда руководители его, не редко в разрез с настроениями масс служащих, пытались обособиться от общепролетарского движения и долго противились слиянию с рабочими союзами по производствам.

Из союзов служащих, организовавшихся в 1917 г. в Петрограде, необходимо еще отметить союз служащих трактирного промысла, сразу занявший боевую позицию по отношению к хозяевам, проведя целый ряд улучшений в условиях труда служащих ресторанов и кафэ. Этот союз пользовался большой популярностью в массах служащих и по содержанию и характеру своей деятельности ближе всего стоял к союзу торгово-промышленных служащих.

В Москве союз служащих трактирного промысла был организован после майской забастовки, направленной на улучшение экономического положения официантов.

Торговые служащие в Москве организовались в два более или менее крупных союза, союз торгово-промышленных служащих всех отраслей торговли и союз торгово-промышленных и коммерческих служащих. Кроме этих двух, в Москве существовало еще множество самостоятельных организаций служащих, не примыкавших к этим двум союзам. На 5-ом с'езде организаций торгово-промышленных служащих от Москвы присутствовали делегаты от 16 профессиональных организаций и 10 организаций взаимопомощи, в действительности же организаций служащих в Москве было значительно больше, чем 26, и дробление служащих по отдельным союзикам и кассам взаимопомощи не прекратилось и после 5-го с'езда. При такой раздробленности и полной несогласованности действий отдельных организаций, экономическая борьба московских служащих не развернулась широко, не была единодушной и достижения ее, например, по сравнению с Петроградом, были значительно слабее. Тут сказывалось не только дробление сил, но и разнохарактерность организаций по их пониманию задач профессионального движения и методов борьбы. В общем профессиональное движение торговых служащих Москвы в период 1917 г. оставило по себе слабую память, если не считать долгую и хлопотливую работу по об'единению разрозненных организаций в одну общую, работу, продолжавшуюся еще и в 1919 году.

В провинции также шла лихорадочная работа по организации профессиональных союзов служащих. Центром движения служащих в провинции являлись организации торговых служащих, которые в некоторых городах втягивали в себя все остальные группы служащих. Например, в Риге союз торгово-промышленных служащих об'-

единял конторщиков, приказчиков, оффициантов и миллиционеров и в менее значительном количестве—служащих фотографий, киносл ужащих, трубочистов, парикмахеров, электротехников, телефонисток и пр. Но это почти исключительный в то время случай об'единения в одном союзе стольких разнородных профессий. Союз об'единял около 2500 человек.

Местами профессиональные союзы служащих возникали на месте ликвидировавшихся обществ взаимопомощи. Так было, например, во Пскове, где, по инициативе служащих, общество взаимопомощи было реорганизовано в профессиональный союз. В некоторых же городах общества взаимопомощи оставлялись в покое и организации создавались заново. Так было в Рязани и ряде других городов. Надо сказать, что вновь создаваемые союзы не всюду несли с собой новые формы движения и новые методы борьбы. Например, во Ржеве избранное правление союза, в которое вошли исключительно конторщики промышленных предприятий, ничем не проявило себя за все время, и один из торговых служащих в «Известиях Ржевского Совета» упрекает правление, что оно ничего не сделало и предлагает служащим создать инициативную группу по созыву общего собрания для переизбрания правления.

Вообще же приходится отметить, что профессиональное движение служащих в 1917 году по широте размаха было значительнее, чем в 1905—6 годах и глубже всколыхнуло обычно инертные массы служащих. Темперамент и сила организаций в разных городах были различны. Как общее правило, наиболее боевыми союзы служащих были в центрах рабочего движения, ибо движение служащих всегда получало активность и силу от общепролетарского движения.

б) Забастовочное движение.

До 26-го апреля в Петрограде не наблюдалось стачек торговых служащих. Были конфликты в отдельных предприятиях, не переходившие в открытые столкновения и улаживавшиеся конфликтной комиссией союза, которая была образована с первых дней работы его. Число конфликтов росло с каждым днем, когда, наконец, 26-го апреля в колониальном магазине Лютовой, все служащие, в числе 30 человек вместе с учениками, получив категорический отказ удовлетворить требования, забастовали. Забастовка продолжалась два дня. Переговоры с фирмой велись союзом. Все основные требования были удовлетворены.

Главными требованиями, как в этой первой по времени стачке, так и во всех последующих, являлись—соблюдение 8-мичасового рабочего дня при закрытии магазинов не позже 6-ти часов вечера и повышение заработной платы.

8-мичасовой рабочий день в торговле Петрограда начал вводиться сразу после соглашения Сов. Р. и С. Д. с о-вом фабрикантов и заводчиков о 8-мичасовом рабочем дне в петроградской промышленности. Без всякой борьбы, по молчаливому соглашению служащих и хозяев, 8-мичасовой рабочий день был введен во всех крупных петроградских рынках и в большинстве уличных магазинов. Но очень скоро стали делаться отступления от этой нормы, главным образом, на окраинах города и в торговле с'естными продуктами. Затем многие предприятия, соблюдая 8-мичасовой рабочий день, старались растягивать время торговли, устанавливая смены для обеденных перерывов. Служащие же, не возражая против удлинения торгового дня, решительно протестовали против продолжения ее позже 6-ти часов вечера.

Требование о повышении заработной платы вполне понятно. За время войны реальная заработная плата служащих сильно понизилась, особенно в связи с увеличившимся применением женского труда. (По исследованию М. Пилецкой, на основании статистических материалов Петрогр. союза за 1917 г., в Питере на 100 торговых служащих приходилось 60 мужчин и 40 женщин). / В Питере, например, заработок колебался от 40 до 70 руб. для массы служащих. При забастовках выставлялось требование о повышении заработка на 50—100%. При этом выставлялось требование об отмене процентной оплаты с оборотного рубля в зависимости от сумм продажи отдельных приказчиков, находившая особенно широкое применение в торговле готовым платьем; оплата процентами была особой формой сдельщины, развивавшей у продавцов дух конкуренции, вредно отражавшейся на их профессиональной солидарности. Купцы отлично понимали выгоду такой оплаты и упорно настаивали на сохранении ее. Кроме поименованных выставлялись еще следующие требования: 1) при ликвидации фирмы служащие получают шестимесячное вознаграждение, при временном закрытии магазина заработок уплачивается служащим во все время закрытия магазина, и при открытии его фирма обязана принять весь старый штат служащих; 2) служащий, уволенный без вины с его стороны, получает трехмесячный оклад; 3) в случае болезни служащий получает жалованье в течение 3-х месяцев (секция шапошников добавила: прослуживший более 3-х лет, получает содержание в течение 6 месяцев); 4) ежегодный месячный отпуск с сохранением содержания; 5) все недоразумения и конфликты между хозяевами и служащими передаются на разрешение конфликтной комиссии союза и третейского суда. Специальным пунктом выставлялись требования об улучшении положения «мальчиков» и о сокращении срока ученичества до 3—4 лет. Некоторые секции требовали дополнительной уплаты заработка за годы войны и уплаты половинного заработка взятым на войну. Секция зеленщиков требовала выдачи на руки каждому служащему расчетных книжек.

Стачки в отдельных магазинах не получили широкого распространения. В конце апреля и в начале мая были еще две стачки в сливочных магазинах—Земекова (участников 10 человек) и Миронова—(участников около 200 человек). Обе стачки быстро окончились; в первом случае фирма была ликвидирована, и служащие получили трехмесячные оклады; во втором случае—у Миронова—все требования были удовлетворены под давлением союза.

Вслед за этим начались стачки по отраслям торговли. 1 мая (ст. ст.) началась «итальянская» стачка служащих в магазинах готового платья Апраксина и Мариинского рынков, захватившая 34 магазина с 400 служащих. Эта стачка была самой организованной, так как ей предшествовала основательная организационная работа. Состоялось несколько собраний, на которых вырабатывались требования и были избраны представители в согласительную комиссию (6 от служащих, 2 от союза). Хозяевам было предложено выбрать 8 представителей в согласительную комиссию и приступить к рассмотрению требований служащих. В требованиях был установлен минимум заработной платы в 300 рублей в месяц. Уже после второго заседания согласительной комиссии стало ясно, что хозяева не намерены удовлетворить требования служащих, и была об'явлена стачка. Магазины открывались и закрывались в обычное время, но торговля в них не производилась. Все служащие оставались на местах, чтобы не дать возможности хозяевам самим производить частично торговлю и помешать набору новых штатов из штрейкбрехеров. Среди хозяев начался развал, и к 12 мая 31 фирма подписали требования. Две фирмы упорствовали 3 недели, а одна—1½ месяца, отказывавшаяся вести переговоры с союзом, и, соглашаясь удовлетворить требования, отказывалась подписать договор, а служащие настаивали на этой формальности.

Непродолжительная стачка, окончившаяся полным успехом, произошла в шляпно-шапочных магазинах; бастовало около 200 служащих; хозяева быстро организовались и благоразумно пошли на уступки, не желая терять сезона. Вторая короткая стачка происходила в Андреевском рынке за повышение заработной платы; в ней участвовало 200 человек (с'естники не бастовали). Через 4 дня после начала стачки только три фирмы с 6-ю служащими отказывались удовлетворить требования, но в конце-концов сдались и они.

Следующие крупные стачки—1) бельевщиков и трикотажников и 2) магазинов конфекции. Первая захватила до 1½ тысячи человек, вторая—около 2½ тысяч, продолжительность первой 3 недели, второй 1 неделя. Бельевщики одержали частичную победу, конфекционисты—полную. Бельевщикам приходилось вести борьбу и с публикой, чинившей насилия над пикетчиками, в ход забастовки вмешивалась и милиция, так как служащие препятствовали открытию магазинов и торговле в них хозяев. Стачка бельевщиков захватила и мануфактури-

стов, которые в беспорядке, неподготовленные начали бросать работу. Центральное правление союза призвало их до времени не бастовать, но правление петроградского района, руководимое меньшевиками, стремившимися проводить районную автономию, об'явило стачку мануфактуристов Петроградской стороны и Новой Деревни, оправдываясь потом тем, что они надеялись, что забастовавшие в их районе продержатся до об'явления забастовки мануфактуристов по всему городу. Но надежды на это не было, так как забастовка не была подготовлена и, чтоб совсем не провалить требований мануфактуристов, была об'явлена общая забастовка секции мануфактуристов. В ней приняло участие до 4000 человек. Продолжительность ее колебалась по разным предприятиям от одной до четырех недель. Из всех крупных стачек она была самой неудачной.

Около месяца продолжалась стачка служащих всех магазинов Ново-Александровского рынка, в общем окончившаяся успешно, но были случаи увольнения служащих-одиночек. Кроме перечисленных было несколько стачек в отдельных фирмах обувных магазинов, сливочных и пр.

В июле, после разгрома большевиков, началась стачка фруктовщиков, затем сторожей Гостиного Двора. Обе окончились лишь частичным успехом. У фруктовщиков было много арестованных и избитых, особенно среди пикетчиков; в течение дня приходилось по несколько раз ставить новые пикеты на место избитых и арестованных; избиения производились и в милицейских участках. В течение лета происходила стачки секций служащих писчебумажных магазинов, оптических, мебельщиков, шорных и веревочных, и рыбных лавок. Забастовка в аптекарских магазинах проводилась союзом аптечных служащих совместно с союзом торгово-промышленных служащих, так как служащие аптекарских магазинов были в том и другом союзах. Все эти стачки прошли с большим или меньшим успехом, за исключением неудачно окончившейся стачки оптиков. Совместно с союзом химиков проводилась стачка служащих в красильных магазинах, продолжавшаяся более 4 месяцев, и окончившаяся в начале осени локаутом. Кроме того, союзом была проведена стачка лесопромышленных служащих, союз которых в виде секции присоединился к союзу торгово-промышленных служащих, будучи не в силах самостоятельно проводить забастовку. Окончательно конфликт лесопромышленных служащих был разрешен в Министерстве Труда. Там же вырабатывалось соглашение секции продуктистов с хозяевами. Требования кооперативных служащих и коммунальных продовольственных лавок, проведены союзом посредством соглашений, причем от забастовки некоторую часть служащих пришлось удерживать, так как такая забастовка в первую голову отозвалась бы на рабочем населении Питера. По этой же причине были приложены все усилия к мирному разрешению конфликтов между служащими и хозяевами мелочных лавок и некоторых других продо-

вольственных, не относящихся, к так называемым, колониальным магазинам, торговавшим дорогими продметами питания.

После забастовок многие фирмы начали применять «черные списки», не получившие, правда, широкого распространения.

Все забастовки проводились стачечными комитетами, под общим руководством Центрального Стачечного Комитета при правлении союза. Бастующим выдавались денежные пособия, также и безработным, пострадавшим от забастовок, при ликвидации фирм и пр.

В Москве не наблюдалось таких крупных стачек по отраслям торговли, как в Петрограде. Были частичные забастовки. Интересное движение там возникло за установление 8-мичасового рабочего дня. Началось оно с посылки 10 мая депутации от союза торгово-промышленных служащих всех отраслей торговли к городскому голове и начальнику милиции (меньшевику Никитину) с требованием издания обязательного постановления о 8-мичасовом рабочем дне. Для поддержания требования была организована демонстрация. 27-го мая союз торгово-промышленных и коммерческих служащих устраивает митинг, который выносит постановление о проведении 8-мичасового рабочего дня явочным порядком. Затем было создано «Делегатское Собрание» всех организаций служащих Москвы для выработки «положения о нормальном отдыхе». Подробно разработанное положение, в июле было передано Городской Думе, которая создала смешанную комиссию. Проведение в жизнь «положения» затянулось до осени, когда октябрьская революция облегчила проведение его.

В провинциальных городах в меньшем масштабе движение служащих носило приблизительно такой же характер, как в Питере и Москве; в одних городах оно больше походило на питерское, а в других—на московское.

Боевая экономическая борьба союзов служащих не давала им возможности серьезно заниматься организационной работой и другими видами союзной деятельности. Кроме того, много сил уходило на политическую работу и на участие в работах коммунальных учреждений. В петроградском союзе только в сентябре началась более или менее серьезная организационная работа, налаживание культурно-просветительной деятельности, бюро труда и пр.; большую работу проводила конфликтная комиссия, но до октябрьской революции деятельность ее была сильно стеснена и только с ноября пошла более продуктивно. Это наглядно характеризуют цифры:

За шесть месяцев 1917 года, с 1-го мая по 1-ое ноября, из 393 конфликтов удачно для служащих окончены 25,45%, а неудачно—60,05%. С первого же ноября 1917 года по 1-ое мая 1918 года из 482 конфликтов удачно для служащих разрешены 69,08%, неудачно—только 5,6%. В абсолютных цифрах в шесть месяцев 1917 года раз-

решено конфликтов удачно—100, частично—33, неудачно—236, неразрешено (передано в госуд. органы)—24; в шесть месяцев 1917—1918 г.г. в том же порядке—333, 23, 27, 99. За весь 1918 г. разобрано 1708 конфликтов, удачно для служащих окончилось 84,9%, неудачно—0,9%. Остальные были переданы в другие учреждения.

Вопрос об инспекции труда и страховании служащих при правительстве Керенского не удалось провести. Петроградскому союзу в конце лета пришлось вести борьбу со штабом округа, покушавшимся на 8-мичасовой рабочий день служащих продовольственных, кооперативных и коммунальных лавок.

Штаб округа вздумал бороться с «хвостами» посредством удлинения рабочего времени служащих, что на практике не могло уничтожить «хвостов», так как продовольствие в лавках не всегда было, отчего и создавались «хвосты», увеличивавшиеся вследствие сокращения количества коммунальных лавок. Союз предлагал продовольственной управе другие меры борьбы с «хвостами», но она не провела их, и союзу пришлось иметь дело со штабом округа. Настойчивая и решительная кампания, проведенная союзом, охладила пыл военных подручных Керенского, и штаб больше не вмешивался не в свое дело.

Какова была политическая физиономия профессионального движения служащих в России в 1917 г., дает представление 5-й Всероссийский С'езд организаций торгово-промышленных служащих. Что же касается Петрограда, то там руководящие органы все время находились в руках большевиков. Меньшевики с первых дней организации вели упорную борьбу с большевиками за влияние в союзе, но чем дальше, тем больше они теряли свое влияние и к моменту октябрьского переворота они еще оставались в союзе небольшой группой, пока в 1918 г. совершенно растаяли. При этом надо отметить, что никаких мер внешнего давления и насильственного характера к ним не применялось. Крепкое сплоченное ядро большевиков, пользовавшееся большим влиянием на активных членов союза, вывело их из союза самым демократическим способом,—на общих районных собраниях их перестали выбирать.

в) 5-ый Всероссийский с'езд.

5-ый Всероссийский с'езд, созванный в июле 1917 года, проходил под знаком антибольшевизма, причем, руководящую роль на нем играли меньшевики—московские и украинские. Кроме того, они подкрепили свои силы тяжелой артиллерией, пригласив на с'езд двух министров—Скобелева и Никитина, и товарища министра—Майского. Помимо этого в работах с'езда принимал участие Гриневич и В. Левицкий.

На с'езде присутствовало 220 делегатов с решающим голосом от 141 организации: 83 делегата от Москвы, 11—от Петрограда (пред-

ставительство не было использовано полностью) и 126—от провинции. Профессиональные союзы были представлены 146 делегатами от 105 союзов, 33 обществ взаимопомощи были представлены 48 делегатами. От Петрограда был один представитель от общества взаимопомощи, 2 представителя от желтого союза без членов (см. выше) «В Единении Сила», 3 большевика от торгово-промышленных служащих, 2 большевика от союза служащих трактирного промысла, 3 меньшевика от союза фабрично-заводских служащих. От 10 профессиональных союзов Москвы было 43 делегата и от 10 организаций взаимопомощи—20 делегатов. От 86 профессиональных союзов всех других городов было 99 делегатов и от 22 обществ взаимопомощи—27 делегатов. Эти цифры, между прочим, показывают как далеко зашел процесс ликвидации обществ взаимопомощи в провинции. По партийности делегаты распределялись так: 24 большевика, 66 меньшевиков и примыкавших к ним, 14 бундовцев, 3 поалейцион, 10 сионовцев, 50 соц.-рев. (в этой группе была полная каша, в нее вступили все, кому надо было скрыть свое собственное лицо), 16 народных социалистов, 3 трудовика, 8 группы «Единство». Из остальных 24 делегатов было несколько беспартийных и «кадетов».

Провинция, за исключением центрально-промышленного района, была представлена очень слабо. Сибирь и Кавказ почти совсем не были представлены. Представительство было очень неравномерно, в ущерб крупным союзам (кроме, конечно, московских, использовавших представительство полностью), кроме того, были представлены такие организации взаимопомощи, об об'единении с которыми не могло быть речи, как не признающими классовой борьбы. К таковым относились петроградское о-во взаимопомощи, московское о-во взаим купеческих приказчиков и некоторые провинциальные. К той же категории относился и питерский союз «В Единении Сила» (представителей его, кажется, все-таки с'езд лишил мандатов).

Несмотря на значительное меньшинство большевиков на с'езде, последнему все же приходилось считаться с ними и довольно серьезно, так как они представляли крупные и сильные петроградские союзы, московский союз торгово-промышленных служащих всех отраслей торговли, Иваново-Вознесенский союз, Омский и Красноярский Союзы Сибири (от других городов не было представителей) и некоторых других промышленных городов. По всем вопросам фракция большевиков выступала со своей критикой и проводила свое мнение, резко отмежевываясь от меньшевиков и эсеров. Министры распаркивались перед с'ездом (уже туго им приходилось в конце июля), а Скобелев заявил: «вы (торговые служащие) имеете большой опыт в организационном строительстве и должны будете дать урок классово-экономической зрелости». Свою классово-экономическую зрелость торговые служащие показали потом министру в экономической секции, при

обсуждении доклада о «Центроткани», когда досталось и Скобелеву и Пешехонову за их крайне неудачные попытки регулировать торговлю мануфактурой в капиталистическом обществе при помощи бюрократических мер, при отсутствии регулирования производства. Если в политических вопросах головы служащих не вполне были ясны в то время, то в экономике они разбирались и только на один шаг были от большевиков.

Особой интерес проявили делегаты к экономической секции (кроме нее работала организационная и законодательная), в которой обсуждались доклады о ликвидации торгово-промышленных предприятий и связанной с этим безработицей и о вмешательстве государственной власти в область мануфактурной торговли. В средине лета уже выяснилось, что ликвидация торговых предприятий может принять широкие размеры, а в связи с этим и безработица торговых служащих становилась грозным фактом. Ликвидация предприятий уже тогда с'ездом была понята, как саботаж хозяев (не в счет мелких хозяйчиков, которые часто ликвидировались под давлением безденежья и бестоварья). В резолюции по этому вопросу говорится о необходимости издания декрета, предписывающего производить ликвидацию торговых предприятий не иначе, как с согласия специальных комиссий, организованных при органах местных самоуправлений на паритетных началах—из представителей профессиональных союзов, предпринимателей и муниципальных учреждений; декрет должен установить, чтоб служащие при увольнении, вследствие ликвидации торговых предприятий, получали единовременное вознаграждение. Дальше резолюция признает желательным скорейшее введение государственного страхования от безработицы, введения торговой инспекции и т. д. и в заключение указывается, что все эти меры могут иметь успех лишь при наличии сильных профессиональных организаций.

Резолюция «о вмешательстве государственной власти в область мануфактурной торговли» говорит о необходимости немедленного вмешательства государства в область текстильного производства и принудительного государственного синдицирования мануфактурной торговли; при проведении в жизнь этой меры Министерство Продовольствия и его местные органы должны опираться в своей деятельности на профессиональные союзы торгово-промышленных служащих.

По остальным вопросам резолюции не имели особого практического и принципиального значения, если не считать резолюции по организационному вопросу, устанавливавшей единообразные формы организации служащих с об'единением во Всероссийском масштабе. Первые две приведенные нами резолюции были приняты в результате длительных и горячих споров. В жизнь они, конечно, не были проведены, а меньше чем через три месяца на местах были выдвинуты новые формы регулирования торговли—контроль, а затем национализация. С'ездом был выбран Временный Совет профессио-

нальных союзов торгово-промышленных служащих, но об'единить работу во Всероссийском масштабе ему не было суждено. Исполнительная Комиссия Совета была составлена из 10 членов совета москвичей и 6-ти петроградцев, всего 16 человек, из них 5 большевиков, почти одна треть: эта непропорциональность с количеством большевиков на с'езде об'ясняется силой и авторитетом фракции большевиков, несмотря на ее малочисленность. Большие споры на с'езде вызвал вопрос о местопребывании Исполнительной Комиссии: большевики настаивали на Петрограде, но это предложение в конце-концов было провалено из боязни засилия большевиков, которые в Москве среди торговых служащих были слабы и не могли оказывать особенного влияния на меньшевистское большинство. С другой стороны, и питерские большевики не могли принять постоянное участие в текущей работе Исполнительной Комиссии при нахождении ее в Москве—это меньшевикам также было на руку.

2. После октября 1917 года.

После октябрьского переворота верность революции сохранили только те союзы, которые уже имели репутацию революционных в 1905 г., как например, в Петрограде, в Иваново-Вознесенске, в Сибири, на Урале. Большинство же союзов Центральной России, наспех переорганизованных из обществ взаимопомощи, отпрянули в обывательском страхе от революции, не понимая ее задач и целей. Но, в конце-концов, по мере развития революции служащие начали проникаться пониманием ее, а уроки гражданской войны, данные Колчаком, Деникиным, Юденичем и др. представителями романовской России и Антанты, окончательно убедили, что ничего путного ждать от контр-революции нельзя, и остается лишь единственный, правда, трудный и тяжелый путь спасения—власть советов. Конечно, еще много придется работать и еще много пройдет времени, пока масса служащих окончательно уяснит себе сущность происходящей революции, но важно уже и то, что их психология сдвинута с мертвой точки, приковывавшей их к прошлому буржуазного общества, с которым они свились и в большинстве своем не мыслили другого порядка вещей.

Посмотрим, как была встречена октябрьская революция различными группами служащих и их союзами.

а) Саботаж и меньшевизм.

После свержения правительства Керенского—Коишкина—Бурышкина, все меньшевистско-эсеровские силы об'единились с реакционными и буржуазными элементами контр-революции против власти, выдвинутой на сцену истории восставшим пролетариатом. Меньшевики и эсеры, потерявшие к тому времени всякое доверие в широких рабочих и крестьянских массах, опиравшиеся только на обывательско-мещанские слои городского населения и имевшие более или менее твердую опору в кругах мелкой буржуазии, должны были опереться

в борьбе против большевиков на какую-то более оформленную, более организованную силу, чем обывательская масса. Такой подходящей силой оказались группы интеллигенции, представители, так называемых, свободных профессий и группы служащих наиболее важных отраслей хозяйства и учреждений—государственных и муниципальных. Все это элементы—тесно переплетающиеся друг с другом; получалось, в общем, все-таки довольно бесформенное соединение, мало пригодное для общественных выступлений и непривыкшее к ним, но все эти элементы имели одно настроение—страх перед революцией и жажда обывательского покоя, страстная жажда получить этот покой, кто бы его ни дал. И вот эту-то силу меньшевики и эсеры вкупе с кадетами и заправилами банкового капитала выдвинули против Советской власти. Началась забастовка в центральных и местных петербургских учреждениях, не исключая и продовольственной управы; во главе забастовавших встали меньшевики и эсеры, за спиной которых стояли с раскрытыми для поддержки забастовки кошельками—банкиры. Государственные чиновники и верхи служащих—банковских и продовольственников отлично сознавали, что они делают, массы же служащих шли бессознательно по призыву верхов, которым они привыкли подчиняться и привыкли их бояться, а не примкнуть к забастовке—стачечный комитет грозит вычеркнуть из списка служащих данного учреждения, а уверенности в новую власть нет, ведь говорят же все те, которых обыватель привык слушать, что новая власть продержится три дня, три недели, может быть, месяц. Таково было психологическое настроение массы бастовавшей «мелкоты», которая запуганная, рабски-невежественная, охотно подчинялась своим старшим,—лишь бы скорей обрести покой. А шумиха, поднятая засевшим в Городской Думе «комитетом общественного спасения», создавала иллюзию действительной силы противников Советской власти, и скорый созыв Учредительного собрания—«хозяина земли русской»—поддерживали надежды обывательски настроенных интеллигенции и служащих в скорое наступление мира и благодати, обещаемых меньшевистско-эсеровским буржуазным блоком. Но скоро туман, навеянный обещаниями и угрозами этого блока, начал рассеиваться: военный поход Керенского—Краснова—Войтинского рассыпался на подступах к Питеру. «Комитет общественного спасения» был разбит одним щелчком нескольких революционных матросов, а «хозяин земли русской»—Учредительное собрание—был вытолкнут одним пинком вооруженного пролетариата, не успев сделаться «хозяином». Все эти головокружительно-быстрые события действовали на настроение втянутых в забастовку, и среди них начались колебания. К тому же низший персонал учреждений и банков с самого начала забастовки охотно признавал Советскую власть и оставался на работе; одиночки и группы служащих, сочувствовавшие новой власти, тоже не покидали своих мест, а профессиональные союзы давали работников на места бастующих. Петро-

градский союз торгово-промышленных служащих проявил в это время лихорадочную деятельность. Кроме замещения ответственных должностей в продовольственных и других коммунальных учреждениях своими работниками, он организовал замещение мест бастующих—конторщиков, телефонисток и пр. Бюро труда союза заняло пустующие столы Биржи Труда, и в несколько часов машина была пущена в ход. По районам—особенно в Спасском—кипела работа по организации продовольственных и кооперативных служащих, которые бросались в опустевшие продовольственные учреждения. В это же время велась и политическая работа, и большое количество активных работников союза было занято агитацией и работой в районных Советах. Основное активное ядро союза, всегда шедшее в ногу с рабочим движением и стремившееся, чтоб организации торговых служащих не отставали от организованного пролетариата, блестяще поддержало свою революционную репутацию в октябрьскую революцию, живя одной жизнью, одними настроениями с восставшим пролетариатом и творя свою незаметную, но и тяжелую и полезную работу, в целях обеспечения успеха первой пролетарской революции. Организованные петроградские торговые служащие не были вполне одиноки: в целом ряде провинциальных городов—в центре России и на окраинах—не отставали от питерских торговых служащих, за исключением тех городов, где они издавна руководились меньшевиками.

Союзы других групп служащих—фабрично-заводских, банковских и пр.—вели себя иначе в октябрьские дни. Особенную активность проявил союз банковских служащих, выступивший на борьбу с Советской властью и против национализации банков в лице «Центрального Стачечного Комитета служащих кредитных учреждений гор. Петрограда». Сожительство их в одном союзе с банковской администрацией и директорами не прошло даром: руководство союзом находилось в руках верных банковскому капиталу и готовых защищать его интересы. Стачечный Комитет до самого окончания забастовки выпускал бюллетень с девизом «В Единении—сила», и лозунгом «пролетарии всех стран соединяйтесь». Руководство стачкой находилось в опытных руках меньшевиков, привыкших якшаться с буржуазией и не могших помириться с потерей господства этой буржуазией; двуличность тоже их специальность, и они, открыто выступая против рабочей власти, выдвигая против нее обманутых и запуганных служащих, на своих бюллетенях ставили лозунг—«пролетарии всех стран, соединяйтесь», не договаривая при этом—с буржуазией против советской рабочей власти. Они вели бешабашную агитацию среди бастующих и организовали правильную выплату жалованья всем забастовавшим и даже выдачу наградных к Рождеству. Центральный Стачечный Комитет служащих кредитных учреждений фактически был центральным органом и душой противосоветской забастовки, выполняя директивы своих хозяев—финансовых тузов и их приказчиков из Комитета Спасения.

Стачечный фонд составлялся из «спорадических отчислений, пожертвований и случайных сумм». Но после роспуска Учредительного Собрания у «жертвователей» и вносивших «случайные суммы», пропала охота больше тратиться на забастовку, и бюллетень № 8 призывает бастующих отчислять 10% со всех их получек—заработной платы, наградных и стачечных пособий. Бюллетень добавляет, что Центр. Стач. Комитет к пополнению забастовочного фонда «принимает и другие меры», вероятно, направленные к обеспечению дальнейших поступлений «пожертвований» и «случайных сумм» от банкиров.

На общем собрании бастовавших (в помещении Калашниковской биржи, 4-го января) докладчик Центр. Стач. Комитета Л. В. Теслер анализировал причины и характер борьбы против Советской власти. Первый этап борьбы—говорил он—«начался в сущности в тот момент, когда отколовшаяся от всей русской демократии, незначительная по численности фракция большевиков (имевшая подавляющее большинство в питерском совете, на 2-ом с'езде советов и в рабочих массах Д. А.), опираясь на несознательные массы, владеющие штыками, узурпировала власть». Конечно, если бы «массы, владеющие штыками», обратили эти штыки не против буржуазной клики, в союзе с которой были меньшевики и эсеры, а против большевиков, то меньшевики превозносили бы сознательность и мужество этих штыков и с удовольствием опирались бы на них в интересах «русской демократии» против рабочих и крестьян. Затем дальше—«сход развивающихся быстрым темпом событий поставил союз банковских служащих лицом к лицу перед актом конкретного насилия, произведенного, так называемой, советской властью—перед лицом захвата Государственного банка, этого общего хранилища народного достояния. С этого момента и начинается второй этап борьбы союза с захватчиками». Пока народным достоянием Госуд. банка распоряжались капиталисты, это было законно и в порядке вещей, но когда этим достоянием начала распоряжаться рабочая власть, то меньшевики просто назвали это «расхищением народного достояния», а весь секрет злобы меньшевиков-эсеров заключался в том, что с национализацией Госуд. банка, а затем и частных банков, капиталисты лишались мощной базы для своей экономической и политической власти, и «пролетарский» союз банковских служащих об'явил политическую забастовку против такого невероятного в истории насилия первой пролетарской власти в мире над капиталистами—банкирами. Немного позже меньшевики будут с пеной у рта протестовать против национализации промышленности и торговли. Бороться было за что—буржуазное общество разрушалось, милое сердцу «социалистов» из партии меньшевиков и эсеров.

Центр. Стачечн. Комитетом было постановлено прекратить политическую забастовку в день созыва Учредительного Собрания и приступить к работе 8-го января. Тот же характер забастовка носила и в Москве и окончание ее и там было приурочено к созыву Учредит.

Собрания. Но фактически она затянулась дольше, перейдя в фазу профессиональной забастовки к моменту переговоров Стачечного Комитета с органами советской власти. Переговоры начались 10 января. Союзу были пред'явлены предварительные условия, без принятия которых переговоры о возвращении на работу банковских служащих не могли начаться. Условия были изложены в трех пунктах: 1) банковские служащие должны заявить, что они присоединяются к общему пролетарскому революционному движению и с своей стороны обеспечивают полную поддержку рабочему и крестьянскому правительству Советской Республики; 2) что они признают декрет 14-го декабря о национализации банков и признают советских комиссаров, которым предоставлено управление бывшими частными банками; 3) что они признают, что, соответственно декрету 14-го декабря, дальнейшее существование «союза служащих частных кредитных учреждений» прекращается. Представители союза, выделенные для переговоров, дали письменный ответ на эти условия, в котором по пункту первому заявляется: «союз служащих кредитных учреждений, являясь пролетарской организацией, безусловно стоит на почве участия союза в обще-пролетарском революционном движении, что же касается «полной поддержки советской власти», то союз, не являясь политической организацией, не считает возможным касаться политических убеждений своих членов. Союз полагает, что этот вопрос, в отношении союза и его членов, может быть поставлен лишь в смысле отношения союза к тем мероприятиям советской власти, которые непосредственно касаются кредитных учреждений и которые, следовательно, союзу придется проводить в жизнь»... По пункту 2-му: союз никогда не высказывался за недопустимость национализации банков, наоборот, стоя на точке зрения развития производительных сил страны, в интересах трудового народа,—союз утверждал, что как контроль над банками, так и национализация их должны быть проведены согласно с общим планом регулирования народного хозяйства, и потому союз, при осуществлении декрета 14-го декабря, считает необходимым принять деятельное участие, как в дальнейшей разработке его, так и проведения в жизнь. Вопрос о советских комиссарах и банках, как связанный с общим планом управления национализированными банками, принципиально возражений не встречает». По пункту 3-му: «в связи с коренной реорганизацией кредитного аппарата страны, естественно, возникает вопрос о реорганизации Всероссийского Профессионального Союза служащих кредитных учреждений, и вопрос этот, согласно устава союза, должен быть поставлен на разрешение ближайшего Всероссийского С'езда Союзов».

Из приведенного ответа явствует, что союз не был против национализации банков, но не ясно тогда—почему он боролся против национализации банков. Что касается связи, в которую ставит союз национализацию банков в согласие с проведением общего плана

регулирования народного хозяйства, то не это, конечно, было причиной борьбы союза против декрета 14-го декабря.

Насколько руководители союза прониклись полным уважением к общим планам регулирования коалиционного правительства, настолько же им были ненавистны шаги Совета Народных Комиссаров по пути регулирования народного хозяйства; ведь национализация банков—это основная мера в области регулирования хозяйства, о каком же регулировании можно было говорить без этой меры? О капиталистическом регулировании. Меньшевики не были ни против контроля, ни против национализации при сохранении капиталистами экономической и политической власти, но они решительно выступили против, когда у капиталистов была отнята политическая власть, а затем было приступлено к устранению ее от источников всякой власти, от распоряжения народным хозяйством. И выступление банковцев было политическим выступлением; тогда руководители их не знали, что «союз не является политической организацией», и очень кстати вспомнили об этом, когда зашел вопрос о поддержке советской власти.

Забастовка государствен. и коммунальн. служащих после роспуска Учр. Собб. быстро пошла на убыль и среди них уже начали организовываться противодействовавшие забастовке элементы и немного спустя сорганизовавшиеся в союз младших советских служащих, принявший платформу: за советскую власть. Союз банковских служащих реорганизовался в союз работников банковского труда—«Банктруд». Позже немного он включил в свой состав работников всех финансовых учреждений и стал функционировать под названием «Всепрофинас». Внутри него постепенно организовывались и собирали свои силы, слабо пытавшиеся проявить себя и во время забастовки, сторонники советской власти, противники саботажа, который еще долго продолжался в скрытой форме во всех учреждениях. К 1919 году эта группа уже настолько окрепла, что открыто выступила против прежних меньшевистско-эсеровских руководителей союза, и во вновь реорганизованном союзе—«Финконтруд»—работников финансово-контрольного дела, эта группа уже имела своих представителей в местных правлениях и в Центральном Комитете союза, в лице коммунистов, пока, наконец, этот союз не слился в 1920 году в общем союзе советских работников.

Союз младших советских служащих существовал короткое время и в начале 1919 г. начал сливаться на местах с союзами торгово-промышленных служащих и ко времени 2-го с'езда этих союзов, к маю 1919 г., слияние произошло повсеместно, за исключением Украины, где существовали самостоятельные союзы государственных служащих до 1920 г.

Как отнеслись к октябрьской революции организации фабрично-заводских служащих, видно из резолюции делегатского собрания служащих фабрично-заводских предприятий гор. Петрограда от 24-го ноября 1917 г. Резолюция «протестует против захватных стремлений кучки демагогов, узурпирующих власть». Далее, делегатское собрание уполномочило Центральный Совет Старост делегировать своих представителей в образованный «социалистическими партиями» союз для защиты Учредительного Собрания». Принято было также постановление о материальной поддержке бастующих служащих правительственных учреждений, в лице их союза союзов (Вестн. союза ф.-зав. служ. Московского района, № 1). Идеологическое единение с саботажниками полное. Делегатские собрания постановляли праздновать день открытия Учредительного Собрания и на этой почве происходили конфликты между служащими и рабочими. На фабрике А. Гюбнер (в Москве) фабрично-заводский комитет об'явил уволенными всех служащих, не вышедших на работу 8-го января. Подобные столкновения происходили на ряде предприятий и в провинции. Происходили конфликты на почве осуществления рабочими контроля над фабриками. На московском телефонном заводе забастовали 160 служащих из-за проведения рабочими контроля в полном об'еме, на основании декрета Совета Народных Комиссаров. В то же время не все служащие подчинялись указаниям органов союза. На ф-ке Даниловской м-ры в контрольную комиссию, состоящую из 6 рабочих, вошли 2 служащих, подвергшиеся бойкоту со стороны союза. Много конфликтов у союза со служащими, например, в Москве, происходило на почве частичного или полного слияния комитетов служащих с комитетами рабочих. Так было на заводе т-ва Алексеев, Вишняков и Шамшин, где часть служащих перешла в заводский комитет рабочих. На фабрике торгового дома Эфрос большинство членов комитета служащих вышло из состава Совета Депутатов служащих и перешло в комитет рабочих. Вообще приходится отметить, что известная часть фабрично-заводских служащих считала необходимым работать в тесном единении с рабочими. И руководители союза признавали возможным установление контакта комитетов служащих с комитетами рабочих, но возражали против слияния их, понимая, что это ведет к слиянию союза служащих по всей линии с рабочими союзами, уничтожая тем самым один лишний оплот для меньшевиков. Поэтому-то руководители союза фабрично-заводских служащих резко выступили впоследствии против слияния союза служащих с рабочими производственными союзами, идя в разрез с настроениями значительной части служащих, а в Петрограде и против большинства их, что доказало голосование 4-го делегатского собрания фабрично-заводских служащих 2 сентября 1918 г., где 40 делегатов голосовало за вхождение в рабочие союзы, 13 против и 23 воздержались. Такие результаты получились, несмотря на бурные выступления и систематическую агитацию меньшевиков против вхо-

жений в рабочие союзы. Фабрично-заводские служащие вошли в рабочие союзы против воли руководителей их союза—меньшевиков.

Общая политика меньшевиков из союзов служащих с достаточной полнотой выражена в декларации, принятой на об'единенном делегатском собрании союзов служащих гор. Москвы 25 февраля 1919 г.

Вопрос об об'единении в один союз всех союзов служащих гор. Москвы был поднят еще в мае 1918 г. на специальном по этому вопросу совещании представителей союзов служащих. Совещанием была принята резолюция, признававшая «необходимым создание единого общего профессионального союза всех советских, кооперативных, общественных и торгово-промышленных служащих гор. Москвы и окрестностей». Совещанием было избрано организационное бюро для практической работы по слиянию союзов в один союз. Вслед за этим состоялось делегатское собрание служащих советских учреждений, постановившее о вхождении советских служащих в единый союз работников в советских, общественных и торговых учреждениях, что и было приведено в исполнение. Во главе названного союза стояли коммунисты. (В Петрограде слияние советских служащих с союзом торгово-промышленных служащих началось в сентябре 1918 г.).

На делегатском собрании 25 февраля участвовали два крупных союза—один выше названный, второй—союз торгово-промышленных и коммерческих служащих, во главе которого стояли меньшевики. Большинство на делегатском собрании составилось за меньшевиков: декларация, предложенная коммунистами, была отвергнута, и принята меньшевистская декларация. На делегатском собрании присутствовало 1,450 человек, из них сторонников фракции «единства и независимости профессионального движения», то есть меньшевиков, эсеров и их сторонников было около 650 человек, коммунистов около 460, около 30 интернационалистов и 300 слишком беспартийных. Голосование деклараций дало приблизительно такие же цифры при большом количестве воздержавшихся беспартийных. Коммунисты и сочувствующие им покинули делегатское собрание, отказавшись от выборов правления, и таким образом после этого делегатского собрания в Москве до 1919 г. существовали два союза служащих—один признанный Московским Советом Союзов, второй же, во главе которого стояли «независимцы»—меньшевики и эсеры,—был признан Всероссийским Советом Союзов служащих, который был по своему составу тоже меньшевистским. Слияние этих двух союзов произошло лишь после 2-го с'езда союзов служащих в 19 г.

Но каков же был символ веры фракции «независимости и единства профессионального движения»? Декларация с изложением взглядов меньшевиков на хозяйственное, политическое и международное положение России, выпадов против коммунистической партии, и взглядов их, меньшевиков, на желательные формы и пути профессионального

движения, занимает 5 печатных страниц. В первом абзаце указывается на хозяйственную катастрофу, государственный распад и политическое порабощение, грозящее смести не только завоевания революции, но и всю духовную и материальную культуру России. Одним словом, скорбь о гибели коалиционного правительства и по поводу политического угнетения над представителями свергнутой буржуазии и помещиков и полное недоверие к силам рабочего класса, взявшего власть. Дальше высказывается как-будто здравая мысль, что «союзы обязаны принять участие в деле экономического и политического возрождения гибнущей России», но при сопоставлении ее с первой мыслью и расшифрованием их обоих окажется, что Россия гибнет от того, что в ней Советская власть, а в таком случае очевидно,—участвовать в возрождении России, значит бороться против Советской власти, против диктатуры пролетариата, против коммунистической партии, носительницы этой диктатуры. Во втором абзаце, среди цветов беллетристического красноречия, констатируется, что справиться со всеми стоящими задачами смогут только союзы, «независимые от какой бы то ни было государственной власти». Меньшевики забывают часто то, что им выгодно забыть. При коалиционном правительстве, при Керенском, когда меньшевики сидели в министерских креслах, то они мало заботились о независимости профессионального движения, проводя в нем политику коалиционного правительства, о единстве и независимости профдвижения они мало заботились в дни октябрьской революции, когда против пролетарского профессионального движения выставили несколько союзов служащих и не гнушались защищать буржуазию против пролетариата, стремясь свергнуть Советскую власть и восстановить буржуазно-помещичью, которая, ради демократической моды, припускала к себе меньшевиков и эсеров.

Дальше декларация печалуется, что союзы из органов «борьбы труда с капиталом все более превращаются в управляющих национализированными предприятиями»,—как им не хотелось, чтоб промышленностью управляли рабочие, а не прежние хозяева капиталисты, как было раньше: тогда можно было разговоры вести с капиталистами, и стачки устраивать против них, а теперь сами рабочие могут управлять промышленностью. И меньшевики от такой досады призывают сбросить коммунистов, устраивать забастовки против Советской власти, чтоб вернуть милых меньшевистскому сердцу капиталистов. Для всего этого рекомендуются стачки и стачечные фонды. Декларация скорбит, что професс. союзы перестали быть «мужественными борцами за освобождение рабочего класса», забывая при этом гражданскую войну, в которой профсоюзы принимали самое активное участие. Но это борьба против капиталистов, а меньшевики говорят о борьбе с Советской властью. И о стачках они охотно говорят теперь и призывают к ним, а во времена капитализма, когда рабочие вели борьбу с капиталистами и самодержавием в 1912—14 годах, кричали о ста-

чечной горячке в вместо стачек предлагали бороться петициями. Говоря о свободах слова, собраний, стачек и союзов для всех служащих, декларация отмечает, что все они осуществимы лишь в «свободной демократической стране», то есть при власти коалиционного правительства буржуазии с меньшевиками и эсерами, при Учредительном собрании, которое они демонстрировали в Самаре и Сибири при власти Колчака. Особенность декларации заключается в том, что в ней нет ни одного положения, которое не надо было бы расшифровывать, чтоб добраться до действительного смысла. Там не говорится прямо о непризнании Советской власти, о борьбе с ней, о желательности возвращения к власти буржуазии и помещиков (конечно, вкупе с меньшевиками), но из всей декларации именно только это и следует.

Победа «независимцев» на делегатском собрании московских союзов служащих 25 февраля 1919 г. была последней победой. Предпоследняя их победа на 1-м Всероссийском с'езде союзов служащих летом 1918 г. была уже настолько слабой, что через четыре месяца меньшевистский совет союзов служащих принужден был созвать конференцию и пойти на существенные компромиссы, ибо целый ряд союзов, в том числе и петроградский торгово-промышленных служащих отказались поддерживать с ним связь.

б) Ликвидация торговых предприятий и контроль над торговлей. Национализация торговли. Первый с'езд союзов служащих и ноябрьская конференция 1918 года.

Общее расстройство народного хозяйства, как результат войны, являлось основной причиной ликвидации торговых предприятий.

Заметные размеры ликвидация торговых предприятий приняла непосредственно после февральско-мартовской революции. Купцы начали опасаться за свои прибыли—началось припрятывание товаров. Оптовые торговцы мануфактурой приступили к распродаже имевшихся запасов, при чем в большом количестве мануфактура отправлялась на юг, по преимуществу в Крым. В меньших размерах ликвидация и распродажа наблюдалась и в других отраслях торговли. Июльские события в Петрограде и внешнее усиление буржуазного правительства за счет Советов оказали некоторое задерживающее влияние на ликвидацию торговых предприятий, но окончательно она не остановилась. Начиная с августа процесс ликвидации в сильной степени усилился, например, в Петрограде под влиянием военных неудач Временного Правительства на фронте и неопределенности внутреннего политического положения; и в сентябре этот процесс принимает уже широкие размеры, еще более усиливаясь в октябре после свержения правительства Керенского. Ликвидация торговых предприятий означала исчезновение с рынка остатков товаров, усиление подпольной спекуляции и развитие в широких размерах безработицы среди

торговых служащих. В отношении двух первых последствий у нас нет цифр, но эти последствия ощутительны были для всего населения. В отношении безработицы имеются некоторые, очень неполные, цифровые данные. В Петрограде в Бюро Труда при союзе торгово-промышленных служащих на 15 сентября было зарегистрировано 271 безработных торговых служащих. На самом деле безработных было значительно большее количество, но многие из них не регистрировались в Бюро, многие же, потеряв работу, раз'езжались по деревням—таких, по наблюдениям, было большинство. Особенно усилился раз'езд по деревням в начале 1918 г. По данным Бюро Труда, на 8 января 1918 г. было зарегистрировано 1085 безработных торговых служащих, а на 1 марта безработных торговых служащих в Петрограде было зарегистрировано 5153; в это количество входит значительное число и демобилизованных, оставшихся без работы после возвращения с фронта. Членов союза среди зарегистрированных безработных было всего лишь 221. За два месяца была предоставлена работа 450 человекам; таким образом, на 1 марта оставалось без работы 4693 человека. В качестве задерживающего факта в развитии безработицы среди торговых служащих Петрограда заметную роль сыграл контроль над торговлей, о чем ниже. Несколькими профессиональными союзами служащих гор. Москвы в сентябре 1917 г. было зарегистрировано 400 безработных (в августе было немного больше 200). На 1 ноября зарегистрированных, посещавших Бюро Труда, числилось 446 безработных; в ноябре было вновь зарегистрировано 307 безработных. В августе—сентябре 1917 г. в Таврической губ. оказалось без работы 1,200 служащих хлеботорговых фирм, ликвидировавшихся вследствие об'явления хлебной монополии.

Ликвидация фирм наблюдалась по всей России, не исключая и мелких уездных городов, и число освобождавшихся служащих в общем было велико. После октябрьского переворота во многих городах союзы торговых служащих повели борьбу с злостной ликвидацией торговли посредством установления контроля над торговыми фирмами. В наиболее широких размерах контроль над торговлей проводился в Петрограде, Иваново-Вознесенске, некоторых городах Урала и Сибири; в менее заметных размерах проводился он в Москве и в некоторых городах центральной России.

На Урале—в Вятке, Перми, Екатеринбурге и Челябинске—уже в марте 1918 г. действовали органы служащих по проведению контроля над торговлей под общим руководством центральной контрольной комиссии при союзе, а эта последняя несла ответственность перед местным высшим органом рабочего контроля.

Контрольные органы всюду, где они существовали, получали широкие полномочия, распространявшиеся на всю торговую деятельность предприятия вплоть до установления продажных цен, а также на охрану труда в торговых предприятиях.

14 января 1918 г. состоялась узкая конференция петроградских союзов: 1) торгово-промышленных служащих, 2) аптекарских, 3) трактирных. Конференция, обсудив вопрос о контроле, признала, что контроль над торговлей осуществим при условии организации контрольных комиссий при союзах, под руководством и наблюдением контрольных комиссий союзов проводится контроль в торговых предприятиях при помощи фирменных контрольных комитетов, образовываемых служащими данного предприятия. После этой конференции союз торгово-промышленных служащих провел несколько районных и секционных собраний, и на делегатском совете 15/2 февраля все принятые меры правлением союза для проведения контроля были одобрены. В феврале контрольная комиссия союза влилась в Совет Народного Хозяйства северного района в качестве торговой секции совета. 7 марта состоялась конференция контрольных комитетов. К этому времени контрольных комитетов было зарегистрировано в Торговой секции С. Н. Х. С. Р. 136 с количеством служащих около десяти тысяч. Наибольшее количество предприятий, в которых осуществлялся контроль, относилось к мануфактурным и галантерейным.

Торговая секция избиралась на городской конференции контрольных комитетов. Кроме контрольных функций, секция имела своей задачей: 1) учет торговых предприятий, 2) учет и распределение товаров, 3) финансирование торговых предприятий (без визы секции банки не выдавали деньги с текущих счетов), 4) организация бюро заказов и т. д. Впоследствии в качестве подотдела Торговой секции в нее входил Кооперативный отдел С. Н. Х. С. Р., в котором проводилась работа по учету кооперативов и их предприятий и по об'единению всей кооперации в один рабочий кооператив.

Торговая секция проделала огромную подготовительную работу, облегчившую планомерное и быстрое проведение муниципализации петроградской торговли.

Учет и муниципализация непосредственно проводились Бюро по распределению предметов первой необходимости при комиссариате городского хозяйства при тесном участии в этом деле союза торгово-промышленных служащих через специально выделенную для этого союзом комиссию. С июля начался учет наличных товаров, сначала в мануфактурной торговле, а затем и в других отраслях. Самая же муниципализация начала проводиться в октябре 1918 г. и продолжалась два месяца. В первую очередь она была проведена в мануфактурной, бельевой и трикотажной торговле, в обувной, в торговле писчебумажной и канцелярскими принадлежностями, в торговле готовым платьем и т. д.

Подсчет и оценка товаров производились группами приказчиков под руководством контролера Бюро по распределению и представители союза. Служащие регистрировались, опрашивались и принимались на работу в муниципальные магазины комиссией по национали-

зацией при союзе. Все служащие разбивались на шесть категорий: в первые три входили старые члены союза и малообеспеченные, в остальные три входили более обеспеченные и родственники хозяев. При приеме отдавалось преимущество старым членам союза и необеспеченным служащим. Штаты отдельных фирм рассасировывались, чтобы полные старые штаты не оставались в одном магазине. Как правило, служивший в данном магазине при частном хозяине мог быть назначен заведующим только в другом магазине и при другом штате служащих.

К моменту муниципализации мануфактурных, бельевых, трикотажных и проч. магазинов насчитывалось около 800 с количеством служащих 1,500, вместо которых было открыто 80—90 муниципальных магазинов с количеством служащих 1,200—1,300 человек. Не были приняты на работу главным образом бывшие управляющие и доверенные, родственники хозяев, артельщики биржевых артелей и прикассиры в муниципальные магазины назначались неартельщики под моральную ответственность союза). Обувных магазинов насчитывалось к 23 ноября около 200 с двумя стами служащих, оставлено около 30 магазинов. В писчебумажной торговле было национализировано 57 крупных предприятий, вместо них оставлено 16 (мелкие писчебумажные магазины не были муниципализированы). Надо отметить, что привилегированная часть торговых служащих относилась к муниципализации враждебно и способствовала некоторой утечке товаров, не принявшей, правда, широких размеров. По в общем, муниципализация прошла в Питере планомерно и сравнительно быстро.

Приблизительно в таком же духе она прошла в Иваново-Вознесенске, где союз торговых служащих проделал работу, в общих чертах аналогичную проделанной в Питере. В Москве муниципализация торговли прошла чрезвычайно хаотично и с огромной утечкой товаров. Здесь не было одного органа, проводившего работу, занимались этим чуть не все, но без всякого участия союзов служащих. В провинции муниципализация торговли проводилась в иных городах с приближением по своему характеру к Москве, в иных — к Питеру и Иваново-Вознесенску.

В Москве и некоторых других городах причиной непривлечения союзов служащих к делу муниципализации торговли являлись отчасти сами эти союзы, относясь отрицательно, вместе с советом союзов служащих, к национализации торговли и промышленности.

Первый Всероссийский с'езд профессиональных союзов служащих (На с'езде присутствовало 125 делегатов от 218 тысяч членов, причем 21 коммунистов от 11 организаций представляли 60 тысяч членов. Целый ряд областей—Сибирь, Кавказ, Украина не были представлены), происходивший в июле 1918 г., признал, что национализация торговли, «не являясь мерой социалистического характера..., приводит в настоящих условиях только к одному разорению государства, рас-

рушению хозяйственного аппарата и полному расстройству товарообмена». Но, считаясь с ней, как с совершившимся фактом, с'езд вынес постановления, направленные к защите интересов служащих при проведении национализации торговли. Таким образом вся политическая часть резолюции о национализации свелась к вопросу об охране труда. В согласии с этой резолюцией, президиум Всероссийского совета профессиональных союзов служащих разослал на места циркуляр, в котором рекомендуется союзам не брать «на себя инициативу по национализации частно-торгового аппарата», но «принимать активное участие (в целях защиты интересов служащих?) и оказывать энергичное и решительное содействие органам Советской власти», которые будут проводить национализацию в жизнь. Противоречивая и двусмысленная позиция, занятая в этом вопросе меньшевистским советом и проведенная в резолюции с'езда, никакого практического результата не могла иметь, кроме падения престижа Всероссийского об'единения союзов служащих и значения отдельных союзов на местах, которые придерживались той же тактики. Эта позиция отбросила об'единение служащих от участия в хозяйственной работе на очень долгое время, и вина за саботаж отдельных групп служащих —банковских и государственных—была перенесена и на об'единение союзов служащих. Этот результат политики сторонников «независимости профессионального движения» очень долго отзывался вредно на деятельности об'единения, а также много было упущено в отношении планомерности и безболезненности проведения национализации торговли.

Позиция, занятая большинством 1-го с'езда и Советом союзов служащих, выразившаяся в отрицательном отношении к Советской власти и ко всем ее мероприятиям, привела к отрыву от об'единения ряда союзов—Петроградского, Иваново-Вознесенского, Екатеринбургского, Пермского, одного Московского, Кронштадтского, Минского и некоторых других. В связи с неполным представительством с'езда, это обстоятельство вырывало почву из под ног Совета, и уже в ноябре ему пришлось созвать конференцию, ставшую на почву признания Советской власти. В резолюции по национализации торговли конференция, признав, что национализация торговли приняла планомерный характер, предлагает всем союзам торговых служащих не только принимать в ней активное участие, но и проявлять необходимую инициативу. Лучше поздно, чем никогда. Но в данном вопросе это было уже поздновато.

Задачи Совета, получившего полномочия от конференции, сводились к подготовке 2-го Всероссийского с'езда, который должен был заложить фундамент единого Всероссийского союза советских и общественных работников.

в) Победа коммунистов во Всероссийском об'единении. Создание единого Всероссийского Союза.

С 1919 г. меньшевики начинают утрачивать свое влияние в союзах служащих повсеместно, за исключением Украины. Тактика бойкота Советской власти, а также открытая и замаскированная борьба с нею начинает терять кредит у все более и более широких слоев служащих. II 2-й Всероссийский чрезвычайный с'езд служащих, происходивший в мае 1919 г., отразил происшедшую перемену в партийных группировках делегатов.

Если на первом с'езде из 125 делегатов коммунистов было 21 человек или 17%, интернационалистов двое или 1%, «независимцев» (меньшевиков главным образом)—56 делегатов или 45%, беспартийных, сочувствовавших независимцам, 46 или 37%, то на 2-м с'езде картина резко изменилась, о чем говорит следующая таблица, характеризующая партийный состав делегатов и количество представляемых каждой партийной группировкой членов союза:

	Число делегатов.		Число представл.	
I. Коммунистов	95 или	38%	96.824 или	35%
II. Сочувств. коммун., беспарт. и др. записав. во фракцию комм.	47 »	19%	64.210 »	23%
III. Интернационалисты	14 »	6%	16.766 »	6%
IV. Социал-демократы	26 »	10%	34.441 »	12%
V. Бунд	11 »	4%	9.736 »	3.5%
VI. Евр. соц. раб. партии	7 »	3%	7.232 »	2,5%
VII. Социалисты-революционеры	7 »	3%	8.013 »	3%
VIII. Беспарт. и пр., записавш. во фракцию независим. профдвиж.	27 »	11%	29.095 »	10,5%
IX. Дикие (не вошедш. ни в какую фракцию)	15 »	6%	12.193 »	4.5%
Итого	249 »	100%	278.513 »	100%

Из 249 делегатов во фракцию коммунистов входило 142. Делегаты фракции коммунистов представляли 161,034 членов из 278,513 всех представленных на с'езде. Это большинство еще не было настолько сильным, подавляющим, чтобы можно было говорить о завоевании всех позиций, о полном вытеснении меньшевиков из профессионального движения служащих, но это большинство дало возможность закрепить произведенный сдвиг влево и продолжать дальнейшую борьбу за переход руководства движением в руки коммунистов. В избранный на этом с'езде Центральный комитет союза вошли 12 коммунистов, 6 сторонников «независимости профессионального движения» и 3 интернационалиста; президиум Центрального комитета был составлен из 11 членов, из них 6 коммунистов, 3 сторонника «независимости профессионального движения» и 2 интернационалиста.

После слияния партии интернационалистов с коммунистической партией в начале 1920 г., все интернационалисты Центрального Комитета и его президиума вошли во фракцию коммунистов, усилив ее соответствующим количеством голосов.

2-й Всероссийский с'езд имел значение не только как показатель победы коммунистов в профессиональном движении служащих, он имел еще то значение, что на нем окончательно был заложен фундамент единого централизованного союза служащих во всероссийском масштабе. До того времени союзы служащих об'единялись только формально Советом союзов служащих и далеко не все союзы. После 2-го с'езда избранный Центральный Комитет союза служащих повел энергичную работу по организации губернских отделов и уездных отделений Всероссийского союза, постепенно централизуя работу и концентрируя руководство ею. Благодаря такой работе, Ц. К., ко времени 3-го с'езда, состоявшегося в июне 1920 г., организационный план союза считался законченным в том смысле, что все отделы и отделения на местах уже были вполне сконструированы и входили в об'единение не как самостоятельные единицы, а как его части.

Количество уездных отделений союза по России, за исключением Сибири, Украины и Туркестанского края, где организационный процесс союза еще не был закончен к апрелю 1920 г., равнялось 375, количество городских отделений (в губернских городах) 41, а всего отделений 416; количество организованных губернских отделов равнялось 41. Все 416 отделений союза, об'единенные в 41 губернских отделах, насчитывали в апреле 1920 г. 646,040 членов, тогда как ко времени 2-го Чрезвычайного с'езда в мае 1919 г. союз насчитывал круглым числом 250,000 членов, то есть в течение одного года увеличение числа членов выразилось около 300 тысяч членов, почти удвоилось.

К этому надо прибавить еще 25,000 членов в Туркестане, где отделения об'единялись Краевым Комитетом, лишь в конце марта 1920 г. связавшимся с Центральным Комитетом союза, не могшим вступить в сношения с ним до того времени, будучи оторванным от Советской России.

Что касается окраин—Сибири, Украины (Урал входит в вышеприведенный подсчет), то полных и точных сведений, как о восстановлении союзных организаций, разрушенных или в той или иной степени пострадавших во время господства Колчака и Деникина, так и о количестве членов, уже восстановленных организаций, к рассматриваемому времени не имелось.

Наряду с усиленной организационной работой, приведшей к созданию централизованного союза советских работников, коммунистическому большинству Центрального Комитета за время от 2-го до 3-го с'езда, пришлось проделать большую работу по вытеснению из местных руководящих органов союза меньшевиков, эсеров и их сторонников. К 3-му с'езду, происходившему в июне 1920 г., эта работа

была выполнена почти повсеместно, за исключением Украины, к тому времени только что освободившейся от деникинского нашествия.

Борьба коммунистов с меньшевиками за влияние в организациях служащих на Украине происходила в более сложной и неблагоприятной обстановке, чем в Центральной России, а также на Урале и в Сибири. Вследствие слабо развитой промышленности, немногочисленный украинский пролетариат (Донецкий бассейн не входит в рассмотрение) в массе резко отличен по своему составу от пролетариата крупных промышленных районов. На Украине большее количество пролетариев, связанных с деревней или имеющих небольшие клочки земли и собственные домики в городах. Эти условия, известным образом, влияют на сознание пролетариата, удерживая в его психологии элементы мелко-буржуазных настроений; с еще большей силой, чем у рабочих, проявляются эти настроения у служащих. Украинские служащие никогда не испытывали на себе мощного влияния революционного движения рабочих, и это обстоятельство определило тактику и характер союзов служащих на Украине. В истории этих союзов, если отбросить короткое выступление екатеринославских приказчиков, в 1905 г., мы не найдем тех ярких страниц, какие имеются в истории движения питерских служащих, а также уральских и некоторых сибирских. До революции украинские союзы, поскольку они существовали, носили характер старых английских союзов служащих, они заботились исключительно о взаимопомощи, приискании работы, дешевых культурных развлечениях, немалое место в которых занимали клубы с биллиардами. Боевых союзов служащих, хотя бы в профессиональном смысле боевых, там никогда не было. Соответственно своему характеру, движение украинских служащих выдвинуло и своих вождей, с ярко выраженной мелкобуржуазной психологией, обусловливавшейся их положением высоко-квалифицированных служащих — у капиталистов или в кооперации, которая была широко развита на Украине в форме сельско-хозяйственной и всесословной.

Эти вожди в течение долгого времени прививали служащим сознание неизбежности и неизменности существовавшего общественного строя, прививали такое сознание не только словами, а своими делами, характером и постановкой работы в профессиональных союзах. Это сказалось и после революции, когда украинские союзы служащих не были сдвинуты с мертвой точки; и после революции применялись старые методы работы и вносилось в нее то же старое содержание, поскольку революция не ломала старых форм отношений в хозяйственной жизни. Новое содержание в работе украинских союзов носило характер чего-то насильственного, навязанного и приемлемого только по необходимости.

Октябрьская революция не могла оказать оживляющего действия на украинские союзы служащих, главным образом, потому, что там не было сплошной линии революции во времени. Эта линия все время

прерывалась контр-революционными силами. Многие меры Советской власти не успевали проводиться в жизнь. Такая крупная мера, как национализация торговли, и не подготовлялась на Украине. Служащие оставались у своих старых хозяев, не помышляя о контроле над торговлей и втягиваясь в спекулятивную жизнь.

В связи с особым характером украинского движения служащих, там начали проводить обособление его, создав в 1919 г. Краевое Бюро, автономный орган от Всероссийского об'единения. Аргументировалось такое обособление, между прочим, национальными соображениями, украинофильством профдвижения и забывалось при этом, что среди торговых служащих процент украинцев совершенно незначительный, и особые национальные мотивы отпадали. По существу тут скрывалась политическая сторона дела. Руководители украинского движения не желали подчинения его и слияния с общероссийским движением, которое в конце концов могло видоизменить его, влияя на политику украинских союзов, и, наконец, просто подчиняя его, как меньшую часть, руководству центрального органа, находившегося в то время уже в большей части в руках коммунистов.

Фактический переход руководства украинскими организациями союза от меньшевиков к коммунистам начался в 1920 г. и закончился лишь после 3-го с'езда союза, при чем в некоторых крупных центрах этот переход был облегчен тем, что некоторые старые руководители-меньшевики становились коммунистами, напуганные демократическим управлением деникинской своры.

Во всяком случае, Украина не могла оказать решающего влияния на количественный состав фракции «независимости профдвижения», в смысле ее усиления, уже и на 3-м с'езде, состоявшемся в июле 1920 г. И если 2-й с'езд был поворотным пунктом от меньшевизма, то 3-й с'езд был моментом, отмечающим закрепление победы коммунистов в профессиональном движении служащих.

Предлагаемая таблица дает представление о соотношении сил коммунистов и меньшевиков на 3-м с'езде:

Название района.	Число д. от района	Каким числом член. делегир.	Группировка делегатов по партиям.				
			К-м.	Соц. К.	С.-д. мен.	Друг. парт.	Беспарт.
Украина	26	60.834	12	1	8		4
(6 губ.)	100%	—	46,1%	3,9%	34,6%	—	15,4%
Зап. Край	8	13.345	6	1	1	—	—
(2 губ.)	100%	—	75%	12,5%	12,5%	—	—
Центр. Евр. Росс.	117	216.121	77	5	4	1	30
(16 губ.)	100%	—	65,8%	4,3%	3,4%	0,9%	25,6%
Сев. Евр. Россия	40	75.372	20	5	5	1 (анар.).	9
(9 губ.)	100%	—	50%	12,5%	12,5%	2,5%	22,5%
Поволжье	55	93.641	38	2	2	1 (с.-р.).	12
(8 губ.)	100%	—	69,1%	3,6%	3,6%	1,8%	14,9%

Урал	18	50.139	12	—	—	—	6
(7 губ.)	100%	—	66.7%	—	—	—	33.3%
Сибирь	25	52.585	15	5	1	1	3
(6 губ.	100%		60%	20%	4%	4%	12%
Ср. Азия (Туркестан 1 облметь)	3	12.000	2	—	1	—	—
	100%	—	66.7%	—	33,3%		
И т о г о	292	604.267	182	19	23	4	64
	100%		62.3%	6.5%	7.9%	1.3%	21,9%

3-й с'езд подвел итоги годовой деятельности союза и наметил дальнейшую работу союза. Организационное строительство союза считалось в основном законченным, разрабатывались лишь детали и вопрос о размежевании, сводившийся к выделению из состава союза главков и центров, регулирующих промышленные отрасли хозяйства, и к вопросу о слиянии союза Финкоптруд с общим союзом советских работников. То и другое было проделано уже после 3-го с'езда в течение 1920 г.

Законченная организационная структура союза и укрепившееся положение в нем коммунистов дало возможность с'езду наметить план дальнейшей работы союза по всем отраслям, причем во главу угла был выдвинут вопрос о работе в области регулирования и организации народного хозяйства и об улучшении технического советского аппарата. Для проведения работы в этой области, с'езд поручил ЦК организовать при нем Экономический отдел, а затем создать такие отделы при всех губернских отделах союза.

В резолюциях по всем остальным вопросам—тарифному, культурно-просветительной работы, охраны труда—красной нитью проходит согласование всей работы союза с главной его задачей в эпоху диктатуры пролетариата, заключающейся в работе по хозяйственному строительству.

На 3-м с'езде союзу было дано его теперешнее название «Всероссийский Профессиональный Союз Советских Работников».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

В настоящем очерке не подвергнута характеристике и оценке деятельность Всероссийского Союза Советских Работников после его 3-го с'езда, ибо такая оценка неизбежно должна пока еще свестись к отчету, что не соответствовало бы общему характеру настоящего очерка.

Можно лишь отметить, что как в промежуток от 2-го до 3-го с'езда руководящие органы не замыкались в рамки лишь организационной работы, спешно перестраивая многочисленные союзы торговых, кооперативных, советских, банковских и пр. служащих в стройную централизованную организацию и не упускали из сферы своей

деятельности общие задачи, стоящие перед всем революционным рабочим движением России, отлично понимая, что хорошо организованный союз—не цель, а только средство, орудие для организации на развалинах буржуазного строя нового социалистического общества, и что в условиях гражданской войны нельзя только создавать средства, орудия борьбы, а надо их пускать в ход и немедленно,—так и после 3-го с'езда союза, органы его, сосредоточив главное свое внимание на разрешении основной задачи—хозяйственной, направив наибольшее количество сил на работу по содействию хозяйственному строительству, и, для облегчения хозяйственного строительства, на улучшение советского аппарата.—подчинили все стороны деятельности союза единой и главной задаче—хозяйственному строительству, так как от улучшения хозяйства зависит жизнь Советской Республики и дальнейшее развитие революции по пути социалистического строительства.

Тов. Преображенский в одной из своих статей, напечатанной в «Правде», вскользь бросил упрек союзу советских работников в том, что он «занимался всем, чем угодно», но только не прямой своей задачей—не работой по улучшению технической реорганизации советского аппарата. Это, конечно, так. Своей прямой задачей союз занялся не так давно—вследствие каких причин.—читатель может судить сам, ознакомившись с настоящим очерком. Но надо помнить и на будущее время, что если союз приступил к разрешению своей прямой задачи, то он выполнит ее только при условии содействия ему со стороны партийных советских и высших профессиональных органов. Без такого содействия союз обречен на топтание на одном месте. По практике мест известно, что там, где к губернским отделам союза относятся, как к организациям необходимым и полезным, там эти отделы выполняют прямые задачи союза не так плохо. В местах же, стороны партийных, советских и высших профессиональных органов вполне понятным и достаточно выясненным в настоящем очерке,—там органы союза влачат бесполезное существование или почти бесполезное,—и, конечно, не смогут выполнить хотя бы, например, такой сложной и ответственной работы, какою является практически злободневная в настоящий момент работа по сокращению штатов учреждений и по наилучшему использованию работников, которые освободятся в результате сокращений.

В деле содействия хозяйственному строительству союзом делаются только первые шаги, первые широко поставленные опыты, и он должен встретить сочувствие своей инициативе и деятельности в этой области, а будущее покажет, как он справится с этой задачей, и тогда союз получит должную оценку своей деятельности.

БИБЛИОГРАФИЯ.

ГУДВАН. Приказчики г. Одессы.

» В мире тьмы и эксплоатации. 1908 г.

» Законодательная охрана труда приказчиков.

» Нормировка труда торговых служащих 1917 г.

РОЗЕН. Приказчичий вопрос. 1906 г.

НЕПРЯХИН. Общества взаимопомощи торговых служащих. Саратов. 1913 г.

Л. ГЕРМАНОВ. Очередные задачи приказчичьего движения. 1913 г.

А. БЕЛИН. Профессиональное движение торговых служащих в России. 1906 г.

ВЕРХОВСКИЙ. Отдых торгово-промышленных служащих. 3 выпуска. 1912 г.

Б. ВОРОНОВ. К вопросу о положении служащих и рабочих в потребительской кооперации. Киев, 1913 г.

ГРАЧЕВ. Очерки быта торговых служащих.

Д-р ЛИСТОВ. Положение торговых служащих.

КОЛЫЧЕВ. О праздничном отдыхе приказчиков. «Русск. Мысль», II, 1906 года.

РУДНЕВ. Законодательство о торговых служащих.

СОКОЛЬСКИЙ. К приказчичьему вопросу.

И. ВИСАНОВ. Нормальный отдых приказчиков. «Сарат. Вест.», 1906 г.—244—246.

ИВ. УРМАНОВ. Банковские служащие. 1916 г.

К. ДМИТРИЕВ. Профессиональн. союзы в Москве. «Правда», № 1, 1906 г. (Есть отдельная брошюра).

Статья в словаре Брокгауз-Ефрона под заглавием «Приказчик».

Доклад и резолюция Пироговского с'езда 1913 г.

ТРУДЫ 1-го с'езда торговых служащих. 1896 г.

» 2-го » » » 1898 г.

ПРОТОКОЛЫ 3-го » » » 1906 г.

» 4-го » » » 1913 г.

РЕЗОЛЮЦИИ 5-го » » » 1917 г.

» 1-го профес. союзов служащих. 1918 г.

ПРОТОКОЛЫ 2-го с'езда профсоюз. служащих. 1919 г.

» 3-го с'езда Всепрофсоюза Совраб. 1920 г.

РЕЗОЛЮЦИИ 3-го с'езда.

Временные правила 15 ноября 1906 г. о норм. отд. служащих.

Дополнение к временным правилам. 1907 г.

Законопроекты, обсуждавшиеся Госуд. Дум.: 1) О норм. отд.; 2) О договоре найма.

ПРЕНИЯ в Госуд. Думе (3-й и 4-й и Госуд. Совет).

Устав торговый (ч. II т. XI св. зак.).

«К ПРИКАЗЧИКАМ». К-во «Раб. Депутат». СПБ. 1907 г.
СТАТЬИ в журнале. «Просвещение»:
«СТАРЫЙ ПРИКАЗЧИК». Пробуждение приказчиков. 1913 г. № 1.
» » К с'езду приказчиков. № 5.
Е. ФРЕЙМАН. Приказчичий Интернационал. № 6.
СТАРЫЙ ПРИКАЗЧИК. 4-й с'езд приказчиков. № 6/7.
ВИВ. Труд приказчиков и законод. охрана его, № 10.
Д. АНТОШКИН. Стачки приказчиков. 1914 г. № 6.
Н. СКРЫПКИН. Теория и практика руководителей. Моск. Союза Потребительских обществ. 1913 г. № IX.
Д. АНТОШКИН. Торговые служащие и страхование. «Вопросы страхования». № 5 за 1913 г.
ЖУРНАЛЫ:
«Приказчик». «Голос приказчика». «Труд приказчика». «Жизнь приказчика» (Петербург. 1905-6-7 годы).
«Вестник приказчика» (Птербург. 1912-13-14 годы. 20 номеров).
«Вестник торговых служащих (Москва. 1913-14 г.).
«Самопомощь» (Екатеринодар).
«Бюллетень конторщика» (Петербург).
«Вестник кооперативных служащих (Москва. 1916 г., один №).
«Борьба» (Петербург. 1917-19 г.г. 19 номеров).
«Вестник» торгово-промышл. служащих (Москва. 1918-19 г.г.).
Статья и тезисы М. ТОМСКОГО в № 3 «Проф. Движ.» за 1919 г.
Отдельные статьи в разных номерах «Правды» до войны и во время революции (в Петроградской).
См. также «Заря Поволжья». 1914 г.
«Вольская жизнь». 1914 г., «Сибирь», а также и друг. провинциальные газеты.
Отчеты о 4-м с'езде в газетах «День». «Речь». «Русск. Вед.». «Русск. Слово».
Статья ЩЕПКИНА в «Русск. Вед.». 5/VII—13 г.
Коллективный договор служащих с Моск. Союз. Потребител. О-в. М. 1916 г.
Проект коллективного договора служащих с Обществом Оптов. Закупок. Петроград.
Уставы и отчеты общества взаимопомощи и профессиональных обществ (большинство печатные).

Приведенный список литературы и материалов по вопросу о служащих не является исчерпывающим, но все существенное в нем отмечено. Необходимо заметить только, что кроме перечисленного имеется много печатных и рукописных материалов Всепрофсоюза Совработников.

ЦЕНА 400 руб.

ИЗДАНИЕ

Центрального Комитета Всероссийского Профессионального Союза Работников Советских и Общественных Учреждений и Предприятий.

МОСКВА, Б. Дмитровка, д. 4, кв. 7.